

Книга первая
ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ ГЕГЕЛЯ

Глава первая
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ГОДЫ УЧЕНИЯ*

I. ДЕТСКИЕ ГОДЫ В ШТУТГАРТЕ

1. РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ И ШКОЛА

В числе преданных своей вере протестантов, которых эрцгерцог Карл, отец воспитанного в иезуитском образе мыслей и ставшего впоследствии императором Фердинанда II, изгнал из своих наследственных земель – Штирии и Каринтии, и которых герцог Виртембергский принял в свою землю, был Иоанн Гегель, жестяных дел мастер, прадед философа. Нам неизвестно ни место, ни время его переселения. Неоднократно в течение шестнадцатого столетия изгнанные австрийцы направлялись в лютеранский Виртемберг. Еще в конце столетия герцог Иоанн Фридрих приютил у себя целое множество таких переселенцев из рудников Штирии и Каринтии и из новонаселенного Христофстала создал цветущее местечко в Шварцвальде, которое получило название Фрейденштадт. Имя Христофор тотчас же приводит на ум всеми уважаемого герцога, который организовал и привил в Виртемберге введенную его отцом Ульрихом реформу (1550-1568).

---

* Так как для некоторых томов сочинений Гегеля, особенно для произведений смешанного характера (XVI и XVII) потребовалось новое издание, и об этом было заявлено желание со стороны издателя (1885), то Карл Гегель, сын философа, вместо помещенного в XVII т. скудного собрания некоторых писем Гегеля, предпринял возможно полное собрание "Переписки Гегеля" в хронологическом порядке и образцово это выполнил. Это собрание в двух частях составляет теперь XIX том сочинений Гегеля. Оно содержит в себе до 274 NoNo на 820 (430 и 390) страницах, тогда как помещенные в XVII томе письма занимают лишь 153 страницы.

Полное собрание писем Гегеля, находящееся у нас теперь под руками, за неимением автобиографических заметок, представляет собою первый и лучший источник биографии Гегеля, и в предлагаемом сочинении он в первый раз будет в широких размерах использован нами для этой цели.

Биография Г. В. Фр. Гегеля написана Карлом Розенкранцем в приложении к сочинениям Гегеля (Берлин, Дункер и Гумбло, 1844). Приложение I-X.

Р. Гайм. Гегель и его время. Лекции о возникновении и развитии, сущности и значении гегелевской философии (Берлин, Гертнер, 1857).

Потомки Иоанна Гегеля из Каринтии занимали различные общественные положения и должности, были ремесленниками и чиновниками, учителями и пасторами; был пастор Гегель, крестивший, как удостоверяет г. Шваб, Шиллера 11 ноября 1759 года в Марбахе. Имя Гегель еще живо в Виртемберге и издавна известно в округах Рейтлингена и Беблингена. Но наш философ и его семья, без сомнения, последние потомки того Гегеля, который из-за религиозных убеждений принужден был покинуть свою австрийскую родину.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель родился 27 августа 1770 года в Штутгарте, где отец его, в правление герцога Карла Евгения, был секретарем казначейства и, благодаря пожалованному ему чину Expeditionsrath'a, числился среди старовиртембергской бюрократии в сословии высшего чиновничества. В начале четырнадцатого года своей жизни, Вильгельм лишился своей матери, память о которой он хранил свято и с любовью (ее имя было Мария Магдалина, урожд. Фромме; она скончалась 20 сентября 1783 г.). Братьев и сестер у него было только двое: брат Людвиг, сделавшийся офицером, остававшийся холостым и скончавшийся раньше его, и сестра Христина, пережившая его. Годы учения в Штутгарте обнимают период в восемнадцать лет (1770-1788), включая сюда домашнее воспитание, латинскую школу и гимназию, которую Вильгельм Гегель прошел шаг за шагом в течение десяти лет с осени 1777 года до осени 1787 года, и притом был образцовым учеником, получая в

каждом, классе награды, – из чего явствует, что его способности и прилежание всегда шли равномерно.

2. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЛЕФФЛЕР

Из всех учителей наиболее пользовался его любовью преподаватель Леффлер; он был классным учителем Гегеля в первые годы (1777-1779), а позднее дважды (в 1780 и 1783 г.г.) давал ему частные уроки, в первый раз вместе с несколькими товарищами, во второй раз одному. В продолжении первого курса учения были пройдены Курциус, басни Эзопа и Новый Завет, в течение второго – некоторые философские письма Цицерона, послания Павла к римлянам и фессалоникийцам; были прочитаны псалмы и усвоены некоторые сведения в еврейском языке.

И Леффлер также с живым интересом относился к этому ученику, признавал его способности и возлагал на него большие надежды; он подарил восьмилетнему мальчику сделанный Виландом перевод Шекспира, сказав ему при этом: "теперь ты еще не понимаешь его, но скоро научишься понимать". Первою пьесой, прочитанною мальчиком, были "Веселые кумушки из Виндзора". После кончины этого любимого учителя 6 июля 1785 года, Вильгельм Гегель почтил в своем дневнике его память следующими словами: "мой наставник Леффлер был одним из моих наиболее чтимых учителей, в особенности в подготовительной гимназии, я смело могу назвать его почти самым лучшим. Это был честнейший и беспристрастнейший человек. Главной заботой его было принести пользу своим ученикам, себе и миру. Он не придерживался такого низменного образа мыслей, как другие, которые полагают, что они заслужили уже свой хлеб и им нечего дальше учиться, если они могут из года в год тянуть одну и ту же школьную ляжку. Нет, покойный думал иначе! Он понимал значение наук и утешение, какое доставляют они при различных обстоятельствах. Как часто и с каким удовольствием сидел он у меня в излюбленной нами комнате, и я у него! Немногие знали его достоинства. Великим несчастьем для этого человека было то, что он постоянно должен был работать ниже своей настоящей сферы. И вот его не стало! Но я навеки нерушимо сохраню в своем сердце память о нем". Весьма почтительный и вместе с тем умный, даже несколько не по летам умный отзыв высказан здесь пятнадцатилетним учеником в искренней душевной скорби по усопшем учителе. Симпатичное воспоминание о дружеских беседах в любимой комнатке является отзвуком преданной и благодарной души.

3. УПРАЖНЕНИЯ В РИТОРИКЕ

В круг обучения и образования учеников входило требование, чтобы в высших классах ученики писали немецкие сочинения и произносили их в свободной устной речи; такие риторические упражнения назывались "декламациями или отчетами", и каждый ученик раз в год обязан был представить или произнести такую "декламацию". Гегель произнес четыре речи такого рода, включая сюда его выпускную речь.

Предметом первой речи (30 мая 1785 г.) служил "Разговор между тремя лицами, именно Антонием, Октавием и Лепидом о триумвирате". Работа была одобрена учителем, потому что характеры были изображены искусно и сообразно римской истории. Вторая речь (10 августа 1787 г.) трактовала о религии греков и римлян. Третья речь (7 августа 1788) была посвящена вопросу "о некоторых характеристических отличиях древних поэтов от современных". Со стороны идейного содержания обе последние речи были одобрены; напротив, способ изложения, выразительность как жестов, так и голоса ("eloquentia corporis" и "vocis firmitas") были признаны весьма неудовлетворительными. Так это и осталось за ним навсегда. Позднейший отзыв подтверждает именно вышеупомянутый недостаток и говорит о тубингенском студенте: "orator haud magnus".

Чтобы распознать некоторые характеристические отличия древних поэтов от новых, для этого надобно соединить историческое и философское мышление, что обнаруживало в ученике весьма редкую и многообещающую способность и дало учителю повод сделать такую оценку: "felix futurum omen" (счастлирое предзнаменование будущего). Ни один отзыв не оправдался в такой степени, как этот.

Для своей выпускной речи Гегель избрал весьма необычную и странную тему: "Печальное состояние искусств и наук у турок". Изложение приводило и, вероятно, не без намерения, к утешительному выводу: что в Штутгарте во всех отношениях обстоит гораздо лучше, чем в Турции, за что герцогу (оратор сказал "Карлу") и учителям подобала вполне заслуженная благодарность, – которая и была принесена.

4. ЗАНЯТИЯ И ЧТЕНИЕ. ДНЕВНИКИ

Главными предметами его занятий были классические навыки и писатели, историки, философы и поэты, в особенности греческие. Руководство Эпиктета и трактат Лонгина о возвышенном были переведены Гегелем, последний – полностью. Он занимался трагедиями Эврипида и Софокла, особенно "Эдипом в Колоне" и "Антигоной", последнюю он уже тогда признавал самой возвышенной и совершеннейшей из всех трагедий, и с тех пор постоянно восхвалял ее. Беспреданно старался он расширять круг своего домашнего чтения в научной области и посредством трудолюбивых выписок и извлечений из прочитанных писателей, по возможности, точно и объективно укреплять в уме их содержание.

Он не был простым читателем, который воспринимает чужие мысли и жадно их поглощает: он делал прочитанное, как и пережитое, предметом собственных размышлений, которые он записывал, и с этой целью с середины 1785 года до начала 1787 года вел дневник. Наиболее замечательны в этом дневнике все те места, где снова и снова обнаруживается стремление к такому понятию истории, которое освещало бы и объясняло бы нам значение великих событий и людей, т. е. к философскому пониманию всемирной истории, обосновать которое во всей глубине было предназначено послекантовской философии и в ряду ее корифеев главным образом самому Гегелю.

Первою ступенью не для разрешения, но для понимания этой задачи является связанное и телеологическое, или прагматическое, воззрение на историю, высказанное как раз тогда в одном труде, усердное чтение которого поощряло юного Гегеля в его стремлении к систематическому обобщению исторических понятий: это была "Всеобщая история" (1774-1784), написанная церковным историком Г. М. Шрекком. Замечание преподавателя штутгартской гимназии Гопфа об упомянутой выше речи восемнадцатилетнего Гегеля применимо к каждому слову молодого Гегеля, выражающему стремление к историческим идеям: "felix futurum omen!"

Свой дневник он писал большей частью на латинском языке. Его заметка "о выписках", написанная в марте 1786 г., содержит удивительно остроумное и критическое рассуждение о господствовавшей среди учеников высокопарной латыни и ее причинах. Этот недостаток происходил, по его мнению, от того, что из самых различных писателей собирали отдельные фразы и при собственном употреблении смешивали их без разбора, не познакомившись с их источниками и целями, не разбирая, кто их произнес, историк или оратор, философ или поэт. Выражения, служившие для риторических описаний и гипербол, употреблялись для изображения исторического предмета, результатом чего и получались напыщенные фразы. "Ибо в соображение принимаются исключительно одни слова и фразы, а не их дух и природа. О содержании совсем и речи нет". "Все перемешано без разбора. Ораторская фраза, посредством которой мысль ради ясности, ради антитезы или ради вывода выражена описательным образом, применяется к исторически маловажному предмету". Вот мысль и оценка, обнаруживающая уже в ученике мыслителя*.

---

* Rosenkranz. Urkunden. II. стр. 449.

Молодость и ученические годы Гегеля в Штутгарте совпадают с великим подъемом немецкой литературы и продолжаются от пребывания Гете в Страсбурге до возвращения его из Италии. Лессинг стоял в то время на высоте своей славы и приближался к концу своего поприща: в 1772 году появляется "Эмилия Галотти", в 1779 г. – "Натан Мудрый". В промежутке между ними появляются мощные юношеские произведения Гете: "Гец фон Берлихинген" (1773), "Страдания молодого Вертера" (1774), "Клавиво", "Стелла". Ареной юношеской жизни и юношеских произведений Шиллера, этого второго прилива немецкого Sturm und Drang'a, был Штутгарт. Здесь появились в июне 1781 г. "Разбойники", в сентябре следующего года поэт бежит из своей родины и выпускает в свет

свою республиканскую трагедию "Фиеско"; во время бегства, в уединении Оггерсгейма и Бауэрбаха доканчивает он свою мещанскую драму "Коварство и Любовь". Во время двух последних школьных годов Гегеля появляется "Дон Карлос" и "История отпадения соединенных Нидерландов от испанского владычества". Гете проводит время в Италии и выпускает, находясь в Риме, в первом общем издании своих сочинений "Ифигению" и "Эгмонта".

Все эти произведения нетленной славы и увлекательной силы, кажется, проходят незамеченными для нашего штутгартского гимназиста, по крайней мере, мы не находим у него следов их впечатления и влияния; в его сборниках и замечаниях есть намек на отрывок разбора республиканской трагедии Фиеско, но нет каких-либо ближайших указаний по этому предмету; в его более поздних тюбингенских записках находится цитата будто бы из "Натана" Лессинга, но такого места нет в лессинговом произведении*.

---

* Там же, III. стр. 465.

Напротив, с некоторым удивлением читаем мы в его дневнике от 1 января 1787 г., что в этот день нового года он собирался многое сделать, но так был прикован к чтению одного романа, что не мог от него оторваться. Этот роман был "Путешествие Софии из Мемеля в Саксонию" – одно из самых жалких и скучных изделий тогдашней литературы, роман, изображавший на протяжении шести толстых томов, в бесчисленных письмах, с бесчисленными прибавками и продолжениями историю жизни и приключений одной молодой девушки, которой в конце Семилетней войны, во время оккупации восточной Пруссии русскими, нужно было проехать из Мемеля в Дрезден, чтобы узнать об участи и местопребывании пропавшего сына ее приемной матери. Автором этой книги был Иоанн Тимофей Гермес, позднее пастор и профессор теологии в Бреславле; он добивался славы немецкого Ричардсона или даже Фильдинга и в области нравоучительного романа превзошел подвиги Николаи в жанре путешествий. Он все-таки был настолько известен, что еще двадцать лет спустя Шиллер, в некоторых своих Ксениях, каковы: "Уловка", "Пастор Цилярый" и "Для девиц благородного происхождения" (так называлось одно из этих сочинений Гермеса), бичевал автора с его "французским языком горничных" и "латынью пасторов"*.

---

* "Hist. – kritische Ausgabe" т. XI. стр. 99 и 100 (No 13, 14, 25).

Незанимательные картины обыкновенной будничной жизни с ее плоскими болтливыми людьми, с ее пошловатой общежительностью, с ее гостиницами, ресторанами и почтовыми каретами, перемешанные (как тасуют карты) со всякого рода необыкновенными приключениями, очень забавляли в то время молодого Гегеля. В нем самом царит что-то будничное, старообразное, филистерское; эти свойства были побеждены и подчинены силой духа лишь с постепенным ростом его идейного мира. Никто не предчувствовал тогда, что в этом невзрачном юноше, зачитывающемся таким жалким и скучным романом, таится глубокий мыслитель, который выступит перед миром и сделается первым философом века. Когда Шопенгауэр прочел в биографии Гегеля, написанной Розенкранцем, это место из его дневника, он, торжествуя, написал своему ученику К. Бэру: "Моя настольная книга – Гомер, настольная книга Гегеля – "Путешествие Софии из Мемеля в Саксонию".

II. АКАДЕМИЧЕСКИЕ ГОДЫ В ТЮБИНГЕНЕ

1. ХОД ЗАНЯТИЙ. СТЕПЕНЬ МАГИСТРА И КАНДИДАТУРА

27 октября 1788 года Вильгельм Гегель был внесен в список студентов теологии в Тюбингене и принят герцогским стипендиатом в теологическую семинарию, или институт, как называлась основанная в бывшем монастыре августинского ордена высшая школа евангелического богословия; теперь он считался "воспитанником тюбингенского института", из среды которых вышла такая славная плеяда ученых и знаменитых мужей. В этом учебном заведении, устроенном и руководимом на монастырских началах, он прошел совершенно бесплатно свой пятилетний курс, два первых года которого были посвящены главным образом философским, три последних – исключительно

теологическим занятиям. Из его преподавателей философии назовем профессоров Флатта и Ресслера, из преподавателей теологии – профессоров Шнуррера и Шторра; они впрочем, не имели на него заметного и прочного влияния.

По истечении двухлетних занятий философией он держал диспут "pro magisterio". Гегель защищал нравственно-философский трактат о границе обязанностей (de limite officiorum) и 27 сентября 1790 г. был удостоен степени магистра философии. По прошествии трехлетних занятий теологией (осенью 1793 г.) он должен был сдать экзамен "pro candidatura". Диссертация, которую предстояло защищать Гегелю, была написана на тему из виртембергской церковной истории: "de ecclesiae Württembergensis renascentis calamitatibus". Гегеля ошибочно считали автором вышеупомянутых диссертаций, что не соответствовало ни тюрингенским порядкам, ни характеру диссертаций, в особенности, небольшому объему первой.

Автором нравственно-философского трактата был профессор А. Фр. Бек (Bök), автором церковно-исторического – канцлер Лебрэ (Le Bret). Все кандидаты вместе должны были диспутировать по поводу этих сочинений*.

---

* Ср. I. H. Fichte Zeitschrift für Philosophie und speculative Theologie, т. XIII. стр. 142. Karl Hegel "Briefe von und an Hegel" I. стр. 16. Прим. 2. Ошибочно Rosenkranz, Hegel Leben, стр. 35-39.

Выбор предмета для первого сочинения, как показывает вступление, был обусловлен конкурсной темой, которую незадолго до того предложили для соискания стипендии кураторы ее: "существуют ли обязанности, обязательность которых было бы невозможно доказать помимо предположения бессмертия души?" Ответ на вопрос должен был состоять из двух частей: первая должна была трактовать о свойстве и мотивах таких обязанностей, которые сохраняют свое значение помимо веры в бессмертие души, даже помимо веры в Бога. Только эта "sectio prior" была выполнена на нескольких листах. Какого бы мнения ни держаться о происхождении и конце человека, считать ли то и другое зависимым от Бога или оставить последнего в стороне, признавать ли бессмертие души или отрицать, во всяком случае нравственные законы сохраняют свою силу и останутся теми же самыми. В этом заключалась главная мысль небольшого сочинения, как это и высказывается в предисловии.

Мысль, что естественная нравственность, хотя и не зависит от религии, но вполне допускает с ее стороны поддержку и подкрепление, именно религиозное обоснование естественных обязанностей и их мотивов, была чистейшим вольфовским учением о нравственности. Если Гегель держался здесь такого же точно мнения, как и то лицо, положения которого он защищал, то в вопросах морали он в то время был не дальше, чем шесть лет перед тем в вопросах логики, потому что, по его позднему свидетельству, он познакомился с вольфовской логикой уже четырнадцати лет (1784).

2. КАНТ И РЕВОЛЮЦИЯ

В тот самый год, когда Гегель сделался воспитанником Тюрингенского института, появилась в свет "Критика практического разума" (1788); степень магистра он получил в то время, когда Кант выпустил свою "Критику способности суждения" (1790), а его кандидатура теологии совпала по времени с появлением "Религии в границах чистого разума" (1793). Основным произведением, давшим начало названным сочинениям, была "Критика чистого разума" (1781), с которой Гегель познакомился в 1789 году, следовательно, прочел ее во втором издании. Если он в 1790 году придерживался таких же мнений, какие выражает диссертация, которую он должен был защищать, то учение о примате практического разума и нравственном обосновании религии в то время не было еще ему известно. Одновременно с мощными духовными подвигами Канта, его названными сочинениями, происходили мировые события французской революции: собрание нотаблей, открытие национального собрания, основание и падение новофранцузского королевства, отступление союзников, эра французской республики, казнь короля, господство террора при Робеспьере. Пока мир был потрясен ходом этих великих событий, Гегель прошел по указанным выше ступеням свое поприще в Тюрингенском институте.

3. ДРУЖЕСКИЕ СВЯЗИ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛУБ

Производившийся по-старовиртембергским порядкам в конце летнего семестра ежегодный перевод учеников из гимназии в университет, из низшей семинарии или монастырской школы в Тюбингенский институт, назывался "промоцией", а участвовавшие в ней ученики – "компромоционалами", которые распределялись и помещались по степени своих способностей и успехов. Гегель согласно такому распределению считался третьим; первым был некий Ренц, который вследствие преждевременной смерти не успел оправдать великих надежд, возлагавшихся на него. Самым лучшим другом Гегеля между компромоционалами был Финк, позднее пастор в Гогенмеммингене, которого мы встречаем также в числе его друзей, записавших свое имя в его альбом.

Из академических друзей его юности особенно выдавались двое, память о них живет в потомстве, и на самого Гегеля они имели значительное влияние: одному из них выпал на долю самый несчастный из человеческих жребиев, другому – один из самых счастливых. Этими юношами были: Фридрих Гельдерлин из Нюртингена, родившийся 20 марта 1770 года в Лауффене-на-Неккаре, и Фридрих Вильгельм Иосиф Шеллинг из Леонберга, родившийся 27 января 1775 года; первый был одним из школьных товарищей Гегеля; второй уже на шестнадцатом году был студентом и воспитанником института; в своей промоции он был первым, отличался сведениями по еврейскому языку и вообще был "ingenium graecox", как отметил сам его отец, пастор и профессор в Бебенгаузене, определяя сына в Тюбингенский институт в октябре 1790 года*.

---

* Ср. наст. соч. т. VI (2 изд.) кн. I. гл. I, стр. 9 (юбил. изд. т. VII).

Восторженные чувства, возбужденные французской революцией, проникли и в тихую жизнь тюбингенского института и особенно горячо выразились у студентов из зарейнского графства Мемпельгард, принадлежавшего в то время к герцогству Виртембергскому. Тюбинген считался их родным университетом и давал им стипендии. Здесь был основан политический клуб, усердно читались газеты, обсуждались события, и одушевление дошло до того, что в одно воскресенье ясным весенним утром юные энтузиасты свободы отправились за город и на лугу около Тюбингена посадили по французскому образцу дерево свободы. В числе их были также Гегель и Шеллинг. Дело получило огласку, и герцог Карл сам явился, чтобы успокоить бурю в стакане воды. Вероятно, это невинное торжество произошло в одно из весенних воскресений 1791 года, еще в так называемые золотые дни французской революции. Листы гегелевского альбома за то время наполнены восклицаниями, подходящими к дереву свободы. В одном месте мы встречаем восклицание, вложенное Шиллером в уста Гуттена: "In tyrannos!". На другом листе: "Vive la liberté!" На третьем: "Vive Jean Jacques!" и т. д.

На внешний вид и манеры Гегеля нравы нового времени и академической жизни несколько не имели преобразующего влияния. В физических и рыцарских упражнениях он не был искусен и ловок, верховой езды и фехтования он скорее избегал чем занимался ими, с барышнями предпочитал играть в фанты, чем танцевать, и одевался небрежно, по-старомодному. Старообразность и медлительность его существа должны были еще более поражать и бросаться в глаза в Тюбингене, среди академических товарищей его юности, чем в Штутгарте. В институте его называли "стариком" или "стариной". Его друг Фаллот из Мемпельгарда в своем альбоме, на листке от 21 февраля 1791 года, изобразил его под этим насмешливым прозвищем; он нарисовал его сгорбленным, ковыляющим на костылях, а внизу подписал: "Помоги, Боже, старику!"

Однако Гегель несколько не был скрытным человеком и не стоял особняком в мрачной и тяжелой замкнутости: нет, он был веселым собеседником, которого любили (как показывает и добродушная насмешка Фаллота); который принимал участие в веселой попойке, забыл в одной товарищеской поездке за город предписанный монастырем час возвращения и за это попал в карцер; который страстно влюбился в красивую девушку Августу Гегельмейер, дочь покойного профессора теологии, и даже в альбоме на листке, посвященном его другу Финку, выказал, что он вовсе не был противником вина и любви: "Хорошо закончилось последнее лето, еще лучше нынешнего! Девизом первого было: вино, последнего: любовь! 1 октября 1791 г. Да здравствует А. (V. А!!!)". Предание, вполне вероятное, свидетельствует, что он не имел особенного успеха у женщин. Правда, его сестра сообщает, что дело было наоборот и что он "той или другой отдавал предпочтение, но никаких надежд не подавал";

однако такое толкование более соответствует сестриной любви, чем истине. При его видах и планах на будущее не могло вообще и речи быть о женитьбе.

В то время, как Фаллот изображал его стариком, который с опущенною головою тихо пробирается на костылях, Гельдерлин вписывает в его альбом слова гетевского Пилада: "Наслаждение и любовь – крылья для великих дел. Символ "Εν καὶ πᾶν ". Поистине крылатые слова!

Для великих дел, которые был призван совершить Гегель, необходимы были два крыла: любовь к эллинскому миру и страсть к философии. Ни один из его друзей не мог так окрылить первую, как Гельдерлин, и вторую – как Шеллинг.

Глава вторая ГЕГЕЛЬ В ДОЛЖНОСТИ ДОМАШНЕГО УЧИТЕЛЯ В БЕРНЕ

I. ПЛАН ЖИЗНИ И ГОДЫ СТРАНСТВОВАНИЯ

1. ПЕРИОД УЧИТЕЛЬСТВА

Карьера виртембергского теолога ведет обыкновенно от университета и кандидатуры через викариат к должности пастора. Такая перспектива, однако, не представляла для Гегеля ничего привлекательного, потому что при философском складе его мышления ему недоставало необходимого для духовного лица пафоса, и при свойственной ему медленности и неповоротливости у него не было дара духовного красноречия: он был и остался "orator haud magnus". Поэтому он решил в будущем занять должность преподавателя философии, а настоящее и ближайшее время посвятить необходимой для этого научной и экономической подготовке, которую удобнее всего можно было совместить с положением и деятельностью домашнего учителя или гувернера.

Таким образом он пошел тем же путем, каким шли до него также и Кант и Фихте, после него и одновременно с ним Шеллинг, позднее – Герbart. Если, благодаря счастливому случаю, молодому ученому приходится жить в больших и интересных городах и возвращаться, будучи домашним учителем, в выдающихся домах и семействах, то его положение и деятельность оказывает обратным путем воспитательное влияние и на него самого, и это время учительства составляет в ходе его развития настоящие годы странствования.

И вот обстоятельства сложились для Гегеля так счастливо, что он провел время своего учительства в двух исторически поучительных и передовых городах, в видных домах, воспитывая и сам получая воспитание. Первым городом был Берн, вторым – Франкфурт-на-Майне.

Правда, эти годы странствования – полных семь лет – тянулись несколько долго для цели, к которой он стремился.

Когда он достиг начала ее и получил кафедру в Иене в день своего рождения в 1801 г., ему был 31 год, тогда как его друг Шеллинг, будучи значительно моложе его, 23 лет был уже профессором.

2. ПРЕБЫВАНИЕ В ШТУТГАРТЕ, ШТЕЙДЛИН И ГЕЛЬДЕРЛИН

Осенью 1793 г. Гегель возвратился из Тюбингена в свой родной город, чтобы здесь некоторое время отдохнуть и восстановить свое здоровье, страдавшее от частых приступов лихорадки. Его отец, старовиртембергский бюрократ, консерватор и верноподданный герцога, питал коренное нерасположение к революционным взглядам, которые вынес его сын из Тюбингена, и в это время, ознаменованное во Франции господством Конвента, между ними происходили довольно часто политические споры, не ослаблявшие, впрочем, их взаимной любви.

Во время этого непродолжительного пребывания в Штутгарте Гегель подружился с Штейдлином и совершал с ним частые прогулки в Каннштат, которые Штейдлин находил весьма интересными и о которых сохранил отрадные воспоминания. Этим новым другом был не молодой юрист, как передает Розенкранц, а известный, как литератор и поэт, Готтгольд Фридрих Штейдлин, тридцати пяти лет от роду; он издал уже тогда первый швабский Альманах Муз (1781) и в ту пору был озлобленным и, пожалуй, завистливым врагом Шиллера, который в противоположность ему выпустил "Антологию на 1782 г.". Впоследствии между Штейдлином и бывшим на 12 лет моложе его Гельдерлином возникла

тесная дружба. Гельдерлин посвятил ему одно из лучших своих стихотворений, именно – "Греция" (1794), вполне характеризующее склад его души и чувства:

Hätt'ich dich im Schatten der Platanen,
Wo durch Blumen der Ilissus rann,
Wo die Jünglinge sich Ruhm ersanen,
Wo die Herzen Sokrates gewann,
Wo Aspasia durch Myrten wallte,
Wo der brüderlichen Freude Ruf
Aus der lärmenden Agora schallte,
Wo mein Plato Paradiese schuf, u. s. f.*

---

* (О если бы ты был со мною в тени платанов, где среди цветов Илисс струился, где юноши мечтали о славе, где пленял сердца Сократ, где Аспазия странствовала среди мирт, где клик братской радости доносился с шумной площади, где мой Платон творил свой рай и т. д.). Fr. Hölderlin sämmtl. Werkr. Herausgeg. von. Christ. Theodor Schwab (1845). Т. X, стр. 6. Dichtungen von Fr. Hölderlin. Herausg. von K. Köstlin (1884). Стр. 166-168 (здесь стоит "Cephisus" вместо "Ilissus"). Ср. введение, стр. IV.

Вероятно, одновременно с этим стихотворением произошло проникнутое раскаянием сближение Штейдлина с Шиллером, который, возвратившись для физического и духовного отдыха на родину, после продолжительного пребывания в Людвигсбурге, прибыл в начале весны 1794 г. в Штутгарт; через Штейдлина он познакомился и с Гельдерлином, своим младшим соотечественником и наиболее поэтически одаренным из своих эпигонов, и рекомендовал его в качестве гувернера своей приятельнице Шарлотте фон Кальб. Таким образом Гельдерлин прибыл в Вальтерсгаузен в дом госпожи фон Кальб, а оттуда – в Иену, где увидал Фихте в первый период его деятельности, слушал его и восхищался им. В это время Шеллинг еще пребывал в тюбингенском институте, а Гегель отправился на место домашнего учителя в Берн.

3. СУДЬБЫ И ПОЛОЖЕНИЕ БЕРНА

В 1791 году исполнилось шестьсот лет со времени основания города Берна герцогом Берхтольдом V фон Церинген (1191). Этот юбилей предполагалось отпраздновать самым торжественным образом, но празднество не состоялось ввиду опасностей, угрожавших из Франции. В подчиненных Берну областях, в Ааргау и особенно в Ваадте, возникли вследствие подстрекательства французских клубов мятежные смуты, имевший целью отпадение от главного города, разрушение старобернского государства и ниспровержение его строя. 10 августа 1792 г. верная швейцарская королевская гвардия была перебита в Тюильри парижской чернью, и Берн, по случаю потери многих храбрых сынов своих, был погружен в глубокий траур.

Из владения Церингенов, после быстрого прекращения правящей династии (1218), Берн сделался самостоятельным городом Священной Римской империи и с течением времени путем войн и договоров, путем покорения Ааргау и Ваадта, благодаря введению реформации со всеми сопровождавшими ее секуляризациями, сделался самым могучим членом древнего союза и городом с обширными владениями; его аристократическое устройство постепенно приняло характер строго выраженной олигархии. Все попытки к освобождению подчиненных стран, как, например, относительно Ваадта заговор майора Давеля в Лозанне (1723), все попытки к свержению олигархии, как заговор Самуила Генци в Берне (1749), признавались за государственную измену и наказывались смертной казнью.

Во главе города и государства находился в качестве носителя законодательной власти Великий Совет "Двухсот", в зависимости от которого находился староста и Малый Совет, как административная и хозяйственная власть. Великий Совет (*conseil souverain*) был настоящим верховным правителем; в состав его выбирались лица из способных к управлению и правящих родов в городе, и пополнялся он каждые десять лет на Святой неделе.

Члены Великого и Малого Совета, как носители и представители бернской государственной власти, назывались "верховными государями" (seigneurs souverains), носили титул "Их бернские превосходительства" (Leur Excellences de Berne). Эти верховные государи не переносили того, чтобы автор "Contrat sociale" и "Émile", удалившись от света, жил в тихом уединении на острове Петра (1765); а несколькими годами раньше, когда Вольтер жил в Лозанне (1756-1758), они дали знать своим тамошним чиновникам, что некоторые мнения и шутки, которые позволил себе Вольтер в частных кругах по адресу бернских властей, были приняты в очень дурную сторону. Тогдашний староста в шуточной, но весьма характерной форме предостерег знаменитого писателя и указал ему, что гораздо безопаснее говорить против Господа Бога, религии и Иисуса Христа, чем против бернских властей, ибо первые прощают оскорбления, а вторые – никогда*.

---

* "Monsieur de Voltaire, on prétend, que vous écrivez contre le bon Dieu, c'est un mal! Mais j'espère, qu'il vous le pardonnera; on ajoute, que vous déblâterez contre la religion, c'est fort mal encore! Contre Notre seigneur Jésus-Christ, c'est mal aussi; j'espère toutefois que, lui aussi il vous le pardonnera dans sa grande miséricorde; mais, Monsieur de Voltaire, gardez-vous bien d'écrire contre Leurs Excellences de Berne, nos souverains seigneurs, car vous pouvez bien compter, qu'ils ne vous le pardonneraient jamais". La vie intime de Voltaire aux Delices et à Ferney 1754-1778 d'après ses lettres et de documents inédits par Lucien Perey et Gaston Maugras. II Edition. Paris (Calmann Lévy) 1885. pg. 238.

4. РОД ШТЕЙГЕРОВ

К древним родам бернской олигархии принадлежит род Штейгеров, в двух линиях, из которых одна, имевшая в гербе изображение черного альпийского козла на золотом поле, носила название "черных Штейгеров". В некоторые очень критические и важные моменты бернской истории мы встречаем фамилию Штейгер на высших административных должностях. Исаак Штейгер стоял во главе государства во время вышеупомянутого заговора Давеля; Христофор Штейгер был старостой, когда началась (1744) открытая агитация Генци против олигархических злоупотреблений, а Николай Фридрих Штейгер был последним старостой старого и могучего Берна; утром 4 марта 1798 г. он был председателем в последнем заседании Великого Совета и, будучи исполнен патриотических, аристократических и геройских чувств, не пожелал пережить политической гибели Берна в борьбе против французов. Христофор Штейгер дипломом от 10 декабря 1714 г. удостоился звания прусского барона, Николай Фридрих Штейгер – кавалера прусского ордена Черного Орла*.

---

* Как известно, Лессинг в 1753 г. намеревался представить на сцене трагедию Самуила Генци, разыгравшуюся в Берне четыре года перед тем, и в XXII и XXIII своих тогдашних письмах сообщил некоторые сцены из нее (Т. III. стр. 330-354). При этом он поставил себе за образец "Юлия Цезаря" Шекспира, незадолго до того переведенного на немецкий язык Борком, прусским посланником в Лондоне. Генци должен был походить на Брута, Вернье на Кассия, тогда как Дюкрэ представлял эгоистичного, мстительного мятежника, и некоторые члены Великого Совета изображались частью республиканцами по образцу Генци, частью бунтовщиками, по образцу Дюкрэ. Один из них выставлялся добродетельным и патриотом-правителем, так сказать, отцом отечества, который покровительствует почитающему его Генци; ему, очевидно, предназначалось играть в лессинговой трагедии большую роль; это – Штейгер; в качестве исторического лица здесь мог подразумеваться не кто иной, как Христофор Штейгер. Воспитанником Гегеля был его праправнук. (Знаменитый Галлер, бывший с 1745 г. членом Великого Совета в Берне, в своем критическом разборе этого произведения Лессинга отрицал верность лессингова понимания заговора Генци и характеров его трагедии).

Воспитание своих детей поручил нашему Гегелю Карл Фридрих Штейгер, женатый на происходившей из старобернского патрицианского рода Марии фон Ваттенвиль-Диссбах и бывший с 1785 г. членом Великого Совета; мы не знаем, как и при чьем посредничестве это произошло. Его родовым именем были деревня и замок Чугг в наместничестве Эрлах, расположенные в расстоянии получаса ходьбы от одноименного города на южном склоне Жолимон в Юре, на берегу Билерского озера; поэтому он носил имя Штейгер фон Чугг; соответственно этому Гегель в выданном ему

бернским правительством в паспорте был отмечен, как "gouverneur des enfants de notre cher et féal citoyen Steiguer de Tschougg"*.

---

* Теперь в прежнем замке помещается лечебное заведение для эпилептиков.

Здесь семейство Штейгеров проводило весну и лето, и здесь скончался Карл Фридрих Штейгер 28 декабря 1841 года семидесяти восьми лет. Детей, которых предстояло воспитывать Гегелю, было трое: две девочки и один мальчик Фридрих Штейгер, которому был седьмой год, когда Гегель начал преподавание. Мы не имеем более подробных сведений ни о характере преподавания, ни о характере воспитанников; по-видимому, Гегель в душе чувствовал себя и остался чуждым этому семейству, несмотря на свою трехлетнюю деятельность в его среде; поэтому нет никаких следов его переписки с этою семьей, как ни тщательно разыскивали их. Г-жа Торманн в Берне, здравствующая и поныне дочь гегелевского воспитанника, уверяет, что она слышала, будто вместе с Штейгерами у Гегеля учился один мальчик из Нейенбурга, по имени Перро, но и об этом не имеется никаких точных сведений.

После падения Французской империи в эпоху реставрации (1815) в Берне была опять восстановлена прежняя форма правления, но вслед за июльской революцией она была уничтожена навсегда. 10 января 1831 года Великий Совет сложил с себя свою власть*. К членам его в 1818-1831 г.г. принадлежал Рудольф Фридрих Штейгер, воспитанник Гегеля, умерший семидесяти одного года в 1858 г.

---

* Ср. г-жа В. фон Мюлинен: "Berns Geschichte von 1191-1891. Festschrift zur 700-jährigen Gründungsfeier" VII. стр. 207 и след.

II. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ГЕГЕЛЯ В ШВЕЙЦАРИИ

1. ЯЗЫК, НРАВЫ И ПОЛИТИКА

Гегель извлек четвероякую пользу из своего пребывания в Швейцарии, не считая тех благотворных результатов, какие приносит каждому воспитателю и учителю добросовестное исполнение его обязанностей; ибо всякое воспитание богато опытом, и всякое преподавание исполнено поучения для того, кто преподает. В доме, где он проживал, ему представился случай ежедневно практиковаться во французском языке, познакомиться с нравами и мнениями бернских патрициев, близко узнать характер и устройство аристократически-олигархического правления, что его весьма интересовало с политической точки зрения и побудило его весьма точно изучить и сделать заметки даже о финансовом управлении старого Берна; наконец, ему представился случай увидеть и обойти прекрасные и величественные места Швейцарии.

Консервативные воззрения, господствовавшие по традиции в доме Штейгера и среди бернской аристократии, представляли весьма значительный противовес революционному идейному опьянению, которое Гегель принес с собою из тюрингенского клуба. С падением Робеспьера 9 термидора 1794 г. наступило благодетельное реакционное движение, которое направилось против террора и привело к тому, что один из самых гнусных его приверженцев, И. Б. Каррье, своими злодеяниями в Нанте прославившийся как одно из чудовищ революции, был обезглавлен 16 декабря 1794 года. Вскоре после этого, в первом из своих швейцарских писем к Шеллингу, Гегель упоминает про это событие довольным тоном: "Что Каррье гильотинирован, это, должно быть, известно. Читаете ли вы французские газеты? Помнится, мне некто говорил, что они запрещены в Виртемберге. Этот процесс имеет очень важное значение и обнаружил всю мерзость приверженцев Робеспьера"*.

---

* В письме есть дата: "Берн, в святую ночь перед Рождеством, 24 декабря, 1794 г.". Карл Гегель: Briefe von und an Hegel, ч. I, стр. 6-9.

На Святой неделе должны были состояться выборы для пополнения членов в Великий Совет. Так как выборы производились верховными государями, то предпочтение на выборах давалось их зятям, почему все очень домогались женитьбы на их дочерях. Гегелю пришлось очень близко познакомиться

с этими в высшей степени поучительными для характеристики олигархического строя приемами. Он пишет 16 апреля 1795 года к Шеллингу: "Мой совет запоздал, причиною чего были отчасти кое-какие дела, отчасти развлечения по случаю политического праздника, который здесь справлялся. Каждые 10 лет пополняется Conseil souverain и избираются около 90 новых членов взамен выступающих в это время из состава Совета. Я не в силах описать всего, что только при этом проделывается, до какой степени все интриги при княжеских дворах с помощью двоюродных братьев и сестриц составляют ничто в сравнении с комбинациями, практикующимися здесь. Отец выбирает своего сына или зятя, который имеет наибольшее приданое, и т. д. Чтобы иметь понятие об аристократическом правлении, нужно провести здесь одну зиму перед Пасхой, когда происходят выборы в Совет"*.

---

* "Briefe von und an Hegel", I. стр. 14.

2. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АЛЬПАМ

Несколько недель спустя после достопамятного Праздника Пасхи, в мае 1795 года, Гегель предпринял поездку в Женеву, а в последнюю неделю июля следующего года, перед окончанием своего пребывания в Швейцарии, совершил путешествие в компании трех саксонских гувернеров, большею частью пешком, по верхним Альпам. Это путешествие, описанное Гегелем в его дневнике, было одною из лучших, еще до сих пор наиболее излюбленных прогулок в центральной Швейцарии. Сто лет тому назад туристы не налетали еще в Швейцарию саранчей; правда, не было и комфорта покойных гостиниц и удобств сообщения, железных дорог, пароходов, горных дорог; путешествия были трудны, утомительны, и, если приходилось, подобно Гегелю, идти под конец с израненными ногами, то даже прямо мучительны*.

---

* Rosenkranz: "Urkunden", IV. стр. 470-490.

Путь предстоял отерна в Тун, через Тунское Озеро в Интерлакен ("Гинтерлаккен"), в Лаутенбрунн и через Венгернальп в Гриндельвальд и к большому гриндельвальдскому глетчеру, через Шейдегг к Рейхенбахскому водопаду и в Мейринген, потом в долину Гасли до истоков Аара и до границ бернской области к ронскому глетчеру, затем через Гримзель и Фурку в область Сент-Готарда и Рейсы, в Андерматт через Урнское ущелье и Чертов мост в Амштег и Флюелен, по Фирвальдштетскому озеру в Бруннен, Герзау, Веггис, Люцерн и отсюда обратно в Берн.

Зрелище Швейцарских гор, их исполинских вершин и вечно снежных пространств, их глетчеров, горных потоков и озер, составило бы само по себе для всякого другого неописуемо великое событие. Не такое впечатление произвело все это на Гегеля. В описании его путевых впечатлений мы нигде не встречаем выражения изумления и восторга; колоссальные массы скал и льда, вершины и глетчеры произвели на него отталкивающее впечатление, теснины и ущелья показались ему неприветливыми и наводящими страх, непрерывный шум горных ручьев в их стремительном беге был для него тягостен и скучен; только водопады доставили ему освежающее и приятное зрелище. Так, а Штауббахе он пишет: "грациозная, непринужденная, свободная игра низвергающихся брызг воды имеет в себе нечто привлекательное. Если не замечаешь мощи, великой силы, то не приходит мысль о принуждении, о необходимом природы: живое, вечно себя разрушающее, распадающееся в разные стороны, не соединяющееся в одну массу, вечно несущееся вперед и деятельное, скорее рисует картину свободной игры". Он описывает низвергающиеся волны Рейхенбаха и говорит о зрителе: "в этом водопаде он видит вечно одну и ту же картину, и в то же время видит, что она никогда не бывает одна и та же". Напротив, о гриндельвальдском глетчере он замечает: "его вид не представляет ничего особенно интересного. Можно назвать его только новым родом снега, который, однако, совсем не дает новой пищи уму" и т. д.

Он стоит среди величавого мира Альп, не постигая тех сил духа земли, которые создали такие творения. Если бы наш турист мог знать геологический характер Альп в его непрерывной жизни и смене, если бы он мог просвещенным взором увидеть характер глетчеров в их вечном движении и изменении, то эти явления не показались бы ему такими косными и однообразными. Он искал эстетических впечатлений, но склад его ума восставал против их возвышенности, он был слишком

честен и прям по отношению к самому себе, чтобы лицемерить с собою и выдумывать себе ощущения, которых он вовсе не испытывал; в нем было нечто такое, чему не могла импонировать вся колоссальность Альпийского мира и что не уничтожалось перед нею.

Когда он достиг верхней части долины Гасли и очутился в совершенно пустой и безлюдной скалистой местности, лишенной деревьев и всякой растительности, где природа теряет всякий признак целесообразности, пригодной для человеческого существования, там ему пришли в голову мысли о ничтожестве всех телеологических рассуждений и всякой физико-теологии, столь излюбленной как правоверным богословием, так и современным просвещением, – мысли, тесно связанные с его тогдашними философскими занятиями. "Я сомневаюсь, отважится ли здесь самый верующий теолог приписать самой природе вообще в этих горах цель, направленную к пользе человека, который то ничтожное, скудное, чем он может воспользоваться, должен с трудом присваивать себе, и в то же время никогда не уверен, что за это невинное воровство, за похищение горсточку травы, он не будет раздавлен камнями и лавинами, – что жалкое произведение его рук, его бедная хижина и коровник, не будут разрушены в течение одной ночи. Среди этих необитаемых пустынь образованные люди придумали бы скорее все другие теории и науки, но едва ли ту часть физико-теологии, которая показывает высокомерию человека, как природа устроила все для его наслаждения и довольства". Это высокомерие вместе с тем характеризует наш век, так как оно находит себе удовлетворение скорее в мысли, что все сделано для человека посторонним существом, чем в сознании, что собственно сам человек и есть тот, кто поставил природе все эти цели. Однако обитатели этих местностей живут, чувствуя свою зависимость от могущества природы, и это рождает в них спокойную покорность ее разрушительным началам. Если их хижина разрушена до основания, засыпана или снесена, то они строят на том же месте или поблизости другую. Если на какой-нибудь дороге люди часто находят смерть под обрушивающимися скалами, то остальные все-таки идут спокойно по ней, – в полную противоположность горожанам, которые обыкновенно, не достигая своих целей только в силу своей собственной неловкости или по злой воле других, делаются нетерпимыми и нетерпеливыми, и даже если чувствуют могущество природы, нуждаются в утешении и находят его разве в той болтовне, которая доказывает им, что, может быть, это несчастье и выгодно для них, – ибо они не могут возвыситься до того, чтобы отказаться от своей пользы. Требовать от них того, чтобы они вздумали отказаться от вознаграждения, значило бы отнимать у них их божество.

Глава третья **ПРОДОЛЖЕНИЕ. ЗАНЯТИЯ ГЕГЕЛЯ В ШВЕЙЦАРИИ**

I. ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ СОБЫТИЯ

1. ФИЛОСОФИЯ. ФИХТЕ И ШЕЛЛИНГ

К числу разнообразных влияний, которые воспринял Гегель в течение своего мирного учительства в Швейцарии, относится то могучее и необыкновенное действие, какое оказали на него великие события в области немецкой философии, немецкой поэзии и в политическом мире.

Из младшей кантовской школы выдвинулся Иоанн Готтлиб Фихте, который после двух своих анонимных сочинений – "Критики всякого откровения" и "Попыток исправить суждения публики о французской революции", – благодаря своей академической деятельности в Иене и одновременному обоснованию своего Наукословия в ряде сочинений (1794-1799), достиг репутации самого гениального философа своей эпохи. Кант закончил свою профессорскую деятельность в 1797 году и в следующем году издал последнее из своих сочинений. Гельдерлин, слушавший Фихте в Иене, изображал его в своих письмах, как титана мысли*.

---

* Ср. наст. соч. т. V (2 изд.) (Т. VI. юбил. изд.). Кн. II, гл. II, стр. 261-263, 268-270.

Молодой Шеллинг, который уже семнадцати лет поместил в Меморабилиях Паулуса свое сочинение о "мифах, исторических сказаниях и философемах древнейшего времени", окрыленными шагами следовал по стопам своего образца Фихте. В период времени от 1794-1801 г.г. в первой серии

своих сочинений (1794-1796) он самостоятельно развил основную идею Наукословия и осветил ее самым ясным образом, потом во второй серии (1797-1799) он обосновал принцип натурфилософии, – в этом он пошел далее Фихте, – и, наконец, начал те трактаты, которые он, двадцатилетний юноша, назвал "Изложением моей системы философии" (1801). Этою системою была философия тождества. Непосредственно перед этим вышла его "Система трансцендентального идеализма" – из юношеских сочинений Шеллинга наиболее обработанное, совершенное по форме и широко задуманное*. Он еще только заканчивал период своего академического образования и был еще студентом тюрингенского института, когда Гельдерлин утешал своего двадцатилетнего друга, жаждавшего знаний и славы, говоря: "Не беспокойся! Ты зашел так же далеко, как и Фихте; я ведь слушал его".

---

* Ср. наст. соч. т. VI (2 изд.), (юбил. изд. т. VII), кн. II. отд. I, гл. I, стр. 282-286; гл. II, стр. 280-294.

В то время, о котором мы говорим, в Германии философом будущего был Шеллинг. Гегель во время своего пребывания в Берне внимательно прочел и проштудировал "Религию в границах чистого разума" Канта, "Основание общего наукословия" Фихте, сочинения Шеллинга "О возможности формы философии вообще", "Я, как принцип философии" и его "Письма о догматизме и критицизме". Младший друг был для Гегеля образцом и проводником на пути философии; сочинения Шеллинга помогли ему понять и усвоить философию Фихте; медленными шагами, как это было свойственно его природе, шел он за Шеллингом; наступит время, когда он поймет различие между Фихте и Шеллингом, и это поставит пред ним задачу, к решению которой он сам был призван; он решит эту задачу и опередит своего прежнего друга в дальнейшем развитии философии. То, что сказал Аристотель про Анаксагора, сравнивая его с Эмпедоклом, можно применить также и к Гегелю в его отношении к Шеллингу: по возрасту старше, по трудам моложе (ἡλικία πρὸτερος, ἔργοις ὕστερος).

2. НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ. ШИЛЛЕР

В мае 1789 года Шиллер вступил в свою должность преподавателя в Иене, в то время уже проникнутый философско-историческими идеями Канта. В течение своего невольного досуга, вынужденного болезнью, он был погружен в чтение главных произведений Канта, именно "Критики способности суждения", и, в силу конгениальных стремлений, решил дать кантовским идеям дальнейшее развитие в области эстетики. Он осуществил это намерение в 1792-1796 г.г. в ряде сочинений, из которых "Письма об эстетическом воспитании человека" и трактат "О наивной и сентиментальной поэзии" были последними и наиболее глубокими и принадлежат к лучшему, что произвела немецкая философия в области эстетики и поэтики. Если обозначить границы философского периода Шиллера заглавиями его стихотворений, то в начале надо будет поставить его "Художников" (1789), а в конце "Идеал и жизнь" (1795) – совершеннейшее произведение нашей философской лирики, рожденное от идей, которые развил Шиллер в своих письмах об эстетическом воспитании. Выход из идеализма критической философии в объективное поле действительности прежде всего был совершен в эстетике, и именно Шиллером. Его названные выше письма Гегель изучил в Берне и оценил их блестящие достоинства*.

---

* Мое "Schillers – Schriften", 2 изд. т. II (1891) кн. II. гл. II. стр. 19-34. Гл. VI. стр. 106-170, гл. IX. стр. 209-224, Briefe von und an Hegel. I, стр. 17 (Письмо 16 апр. 1795 г.).

В мае 1794 года Шиллер возвратился из места своего отдыха в Штутгарте (куда он отправился из Людвигсбурга в декабре 1793 года) в Иену, с планом основания "Гор" (Horen), давших ближайший повод к литературному сближению его с Гете. Уже в следующем месяце началась между ними переписка, и возник тот чудный дружественный союз взаимного поощрения и радостного творчества, который продолжался до самой смерти Шиллера и знаменует собою поистине золотой век нашей новой поэзии. Шиллер достойно начал свое короткое двадцатипятилетнее поприще своими драматическими произведениями, еще достойнее кончил его. В этом было его назначение. Восемилетний промежуток времени, относящийся к середине этого периода (1788-1796), ознаменован

появлением главнейших его исторических и философских сочинений, исторические сочинения были вызваны драматическими и наоборот: за трагедией "Дон Карлос" последовала "История отпадения Нидерландов от испанского владычества", за "Историей тридцатилетней войны" – трагедия "Валленштейн", в форме трилогии (1796-1799), едва ли не самое совершенное из всех произведений нашей драматической поэзии, которое даже самим Шиллером не было превзойдено в его позднейшей деятельности.

3. НОВЫЙ ВЕК

То была историческая, национальная и вместе с тем подходящая к современной эпохе, навеянная духом времени трагедия, потому что взоры современников были обращены на мировую войну и на личность окруженного славой и успехом, изумительного и удивлявшего весь мир полководца – молодого генерала Наполеона Бонапарта. Одновременно с появлением "Валленштейна" Шиллера были совершены походы Наполеона в Италию и Египет, победы при Лоди, Кастильоне и Арколе, битва при пирамидах, возвращение в Париж, падение директории, учреждение консульства. Во главе Франции стоит тридцатилетний Бонапарт, который, под именем первого консула, был в сущности единодержавным государем. Он спешит в Италию, чтобы восстановить славу французского оружия, и славою увенчанный возвращается после битвы при Маренго (14 июня 1800 г.). Ликование победы охватывает всю Францию и проникает до парижских мансард. Беранже в одной из лучших своих песен воспел одушевление победы и новое настроение той эпохи: "À Marengo Bonaparte est vainqueur! Le canon gronde, un autre chant, commence" и т. д.*.

---

* Бонапарт – победитель при Маренго. Грохочет пушка, начинается новая песня...

В следующем году заключен Люневилльский мир. Франция становится уже мировой империей, границы ее – Рейн и Эчь, соседние с ней государства составляют почти ее провинции: батавская, гельветическая, лигурийская, цизальпинская республики. В течение первого десятилетия нашего столетия Бонапарт становится Наполеоном I, французским императором, и после своих побед над Австрией и Россией, над Пруссией и Россией, наконец, опять над Австрией, становится и чувствует себя властителем мира.

Французская революция по пророческому выражению Талейрана совершила и докончила свое путешествие вокруг света: первую станцией была канонада при Вальми (20 сентября 1792 г.) и отступление соединенных войск Австрии и Пруссии, выступивших и вторгнувшихся во Францию, чтобы освободить короля и наказать Париж. Гете, участвовавший в этом походе, пережил день при Вальми в качестве очевидца и произнес перед окружавшими его лицами слова, которые оказались пророческими: "Ныне на этом месте начинается новая эпоха всемирной истории, и вы можете сказать, что вы присутствовали при этом"*.

---

* Goethes sämmtl. Werke (1851) т. XX, стр. 44.

Шиллер, не доживший до битвы при Аустерлице, но современник битвы при Маренго, мирных договоров, изменивших вид вселенной, и коронавания императора, незадолго до своей смерти прибавил к песне кавалеристов, этому заключительному хору в пьесе "Лагерь Валленштейна", еще одну заключительную строфу, проникнутую воинственным чувством и торжествующим настроением эпохи.

Auf des Degens Spitze die Welt jetzt liegt,
Drum froh, wer den Degen jetzt führet,
Und bleibt nur wacker zusammengefügt,
Ihr zwingt das Glück und regieret
Es sitzt keine Krone so fest und so hoch,
Der muthige Springer erreicht; sie doch*.

* Schillers sämmtl. Schriften. Hist.-Krit. Ausgabe т. XII, ч. II, стр. 59.

"На острее меча покоится ныне вселенная. Поэтому да возрадуется тот, кто владеет теперь мечом, и стоит только сомкнуться тесными рядами, чтобы завоевать себе счастье и власть. Нет короны такой крепкой и высокой, чтобы отважный наездник не достиг ее".

Этим отважным наездником был Наполеон. Стоит только представить себе то мощное влияние, которое этот единственный человек оказывал не только на преобразование мира, но и на воображение своих современников, чтобы понять, как Гегель, видевший в день перед Иенской битвой императора проезжающим по городу, мог написать своему другу: "Я видел верхом на коне мировую душу".

II. ФИЛОСОФСКИЕ ЗАНЯТИЯ

1. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Для того, чтобы дать более полную картину той эпохи, мы забежали на несколько лет вперед; возвращаемся теперь к тихой швейцарской жизни Гегеля и его тогдашним философским занятиям. Как он писал в январе 1795 г. другу в Тюбинген, он с некоторого времени вновь принялся за изучение, кантовской философии. Вдали от литературного движения, стесняемый деятельностью совершенно иного характера, отвлекающей его в сторону, он хотел бы иметь своим руководителем высокоученого, уже усердно занятого разработкою собственных сочинений Шеллинга и познакомиться через него с современным положением вопросов. Вот почему он начал и поддерживал с ним переписку.

Шеллинг не только держал диспут "pro magisterio" и "pro candidatura", но написал и собственные, предназначенные для этого трактаты: предметом первого был важный вопрос: библейское повествование о грехопадении, другой трактат, который должен был появиться осенью 1795 года, касался христианского гностика Маркиона, которому ошибочным образом приписывалось исправление посланий Павла (de Marcione epistolarum Paulinarum emendatore). В 1794-1796 г.г. Шеллинг уже выпустил в свет вышеназванные философские сочинения, посвященные дальнейшему развитию учения Канта в духе Фихте*. В этих сочинениях он разработал и критически обосновал монистическую систему пантеистического характера, короче говоря, это был кантовский спинозизм, откуда произошли и должны были произойти натурфилософия, трансцендентальный идеализм и система тождества. В этом направлении Гегель последовал за ним.

---

* См. выше гл. III, стр. 23.

Если Гегель говорит здесь о возобновлении своих занятий кантовскою философией, то под этим надо понимать главным образом создавшее эпоху, незадолго пред тем появившееся сочинение "Религия в пределах чистого разума". Гегель прочел это сочинение в первый год своего пребывания в Швейцарии, глубоко заинтересовался им и вынес уверенность, что полное выяснение теологических понятий сделалось необходимым. Именно в постановке и выяснении этой задачи ему и пришел на помощь Шеллинг.

Было, главным образом, три пункта, продумать и выяснить которые Гегель чувствовал настоятельную потребность. Кант доказывал в своей критике практического разума, что вера в Бога и бессмертие должна основываться не на целях природы и естественной целесообразности, но исключительно на моральной достоверности и конечной нравственной цели; что нет никакой физико-теологии, а есть и может быть только этико-теология, или нравственная теология. И вот возникал вопрос, насколько этико-теология оказывает обратное влияние на физико-теологию и восстанавливает значение последней.

В своем учении о религии, Кант проводил резкое различие между Христом, как Логосом, Богочеловеком, символом и прообразом религиозной веры, и личностью Иисуса, как боговдохновенного человека, основателя христианской религии, характера исторического*: речь шла о различии между личностью Христа, как предметом церковной и догматической веры, и личностью Иисуса, как предмета исторического исследования. Здесь возникал вопрос, как следует представлять

действительную жизнь Иисуса Христа, руководясь изложением и согласием между собою Евангелий и исключая чудеса?

---

* Ср. наст. соч. т. V (4 изд.) кн. II, гл. IV, стр. 312-315, 326.

Наконец, Кант проводит очень резкое различие между чистою религиозною верою, или религией разума, и положительною (откровенною), или каноническо-церковною, религией, притом такое различие, что первую он противопоставлял последней, как цель. Отсюда возникла задача установить отношение между тою и другою посредством критики положительной религии. Этими вопросами были поглощены мысли Гегеля. Первый вопрос преследовал его в тех пустынных скалистых местностях верхней долины Гасли, где даже самый правоверный теолог должен был бы отказаться от физико-теологии; второй вопрос, касающийся исторического Христа, он старался решить для себя, написавши "Жизнь Иисуса" (от 9 мая до 24 июля 1795 г.); что же касается третьего вопроса, то Гегель написал очень обстоятельную "Критику понятия положительной религии" (в промежуток времени между 20 ноября 1795 г. и 29 апреля 1796 г.). Розенкранцу следовало бы в "Первоисточниках", которые он сообщил в приложении к биографии Гегеля, поместить слово в слово и полностью оба эти сочинения, тем более, что относительно второго он сам свидетельствует так: "в смысле популярности и в то же время силы изложения это наиболее совершенное из всего, что было написано Гегелем"*.

---

* "Hegels Leben" стр. 54. "Urkunden" V. "Fragmente theologischer Studien" (стр. 490-514). "Жизнь Иисуса" заняла собою девятнадцать исписанных листов; "Критика, понятия положительной религии" – тридцать листов. Отрывки теологических сочинений распадаются на семь следующих отделов: "История евреев. Судьба и умилоствление. Любовь и стыд. Сын Божий и Сын Человеческий. Тайная Вечеря. Чудо. Крещение".

В отрицании традиционного кантианства, старокантианской школы (которую хотела бы в наши дни возобновить "новокантианская"), наши друзья были солидарны между собою. В том употреблении, какое было сделано из морального доказательства бытия Божия, вполне ясно выразился возврат к догматизму и устарелым идеям о Боге. "Я твердо убежден", – пишет Шеллинг, – "что старое суеверие не только положительной, но и так называемой естественной религии, вновь соединилось в умах большинства с кантовской буквой. Забавно смотреть, как они ухитряются тянуть за шнурок моральное доказательство, – не успеешь и оглянуться, как выскакивает "deus ex machina" – личное индивидуальное существо, пребывающее высоко на небе!"*

---

* Письмо от 5 янв. 1795 г. Первые его ответные письма к Гегелю. Briefe von und an Hegel. Ч. I. стр. 11-13. примеч.

Такого же упрека в глазах Гегеля заслуживает и "Критика всякого откровения" Фихте, в которой понятие о Боге морализируется фальшивым способом и тем самым догматизируется в старинном смысле. "Но для того бесчинства, о котором ты пишешь, бесспорно открыл двери Фихте, в своей критике откровения; сам он умеренно ею пользовался, но если твердо установить его основоположения, то для теологической логики нельзя уже будет положить более никаких преград и пределов; он из святости Бога выводит, что Бог должен и обязан делать по своей природе, и тем самым возобновляет старые приемы догматического доказательства; – может быть, стоит труда поближе осветить это. Если бы у меня было время, то я постарался бы подробнее определить, насколько мы теперь задним числом, после утверждения моральной религии, нуждаемся в узаконенной идее Бога, например, для объяснения целесообразности и т. д., насколько мы должны заимствовать ее от этико-теологии для физико-теологии и в этой области действовать с нею". В этих словах заключается тема, о которой мы упомянули выше*.

---

* "Briefe". Письмо от янв. 1795 г. Ср. выше стр. 22 и 23.

2. ОРТОДОКСИЯ И ФИЛОСОФИЯ

В вопросах о противоположности между ортодоксией и философией, религиозном насилии и свободе совести друзья были также вполне солидарны между собою, и под влиянием революционных идей эпохи и своего юношеского мировоззрения они со всем пылом страсти отдались делу свободы мысли и философии. Гегель находил, как это он высказал в своем письме в январе 1795 г., что ортодоксальная система, в качестве господствующей церковной системы, настолько слилась со светскими интересами государства и опирается на них, что ортодоксальное учение при всем пустословии, которое оно называет своими убеждениями, остается в спокойном и непоколебимом положении, что бы ему ни противопоставлялось; оно употребляет критический строительный материал для укрепления своего готического храма и для защиты против пожара догматики, которую грозит поджечь критический костер; но, похищая из него дрова, оно вместе с тем уносит и горящие уголья и таким образом против воли распространяет философские понятия и идеи*.

---

* Там же, ч. I, стр. 11.

Философией, от завершения которой Гегель ожидает серьезной идейной революции – и находил уже подготовленную для этого почву, была кантовская система. Он вновь прочитал Критику практического разума, и учение о примате практического разума и его постулатах, о достоинстве личности, о человеческом достоинстве, как конечной моральной цели в противоположность существующему строю в человеческом обществе, увлекло и убедило его. "Голова закружится на той необычайной высоте, на которую поднят человек; но почему так поздно пришли к более высокой оценке достоинства человека, его способности к свободе, – способности, которая ставит его наравне с духами? Я думаю, нет лучшего знамения времени, как то, что человечество относится к самому себе с уважением; это служит доказательством, что исчезает тот ореол, которым окружены главы притеснителей и земных богов. Философы приводят доказательства в пользу этого достоинства, народы сумеют проникнуться сознанием его, будут не требовать, а сами возвращать и вновь присваивать себе свои попранные права. Религия и политика были заодно; первая учила тому, что имел в виду деспотизм: презрению к человеческому роду, его неспособности к чему-либо доброму, к какому-нибудь самостоятельному существованию. Вместе с распространением идей о том, что должно быть, исчезнет равнодушие степенных людей и склонность вечно принимать все так, как оно есть. Живительная сила идей – даже если они еще заключают в себе что-нибудь ограничивающее – как, например, идея отечества, его государственного устройства и т. п. – возвысит души, и люди научатся приносить себя в жертву им, тогда как в настоящее время дух государственных учреждений заключил союз со своекорыстием и утвердил господство последнего"*.

---

* Briefe von und an Hegel, стр. 15 и след. Это исполненное революционного пафоса письмо от 16 апреля 1795 г. было написано вслед за происходившими в Берне олигархическими торжествами по случаю выборов, о которых мы упоминали выше (см. выше стр. 21).

3. ШЕЛЛИНГ, КАК РУКОВОДИТЕЛЬ

И вот он видит, что молодой Шеллинг проложил дорогу и направился по ней в целях довершения кантовской системы; он гордится своим другом и исполнен благодарности к нему за то поучение, которым он обязан уже Шеллингу благодаря двум его сочинениям: "О возможности формы философии вообще" и "Я, как принцип философии". "Подарки, милейший друг, которые ты мне послал, а равно и твое письмо, возбудили во мне живейшую радость и доставили мне величайшее наслаждение, за что от души благодарю тебя. Твое первое сочинение, попытка изучить основное положение Фихте, отчасти и собственные мои предчувствия дали мне возможность проникнуться твоим духом и идти по его следам, гораздо более, чем я был в состоянии сделать это, читая первое твое сочинение, которое теперь стало понятным мне благодаря твоему второму сочинению. Я возымел намерение в одной статье выяснить себе, что собственно означает приблизиться к Богу и думал найти в этом осуществление постулата, что практический разум повелевает миром явлений, а также прочих постулатов. Что мне казалось темным и непонятным, то мне выяснило твое сочинение

великолепнейшим и наиболее удовлетворительным образом. Спасибо тебе за это – от меня, и всякий, кому близко к сердцу процветание наук и мировое благо, будет тебе благодарен, если не теперь, то хоть со временем". "Молча бросил ты свое слово в бесконечность времени; если где-либо на тебя оскалят зубы, то ты, я знаю, не обратишь на это внимания". "Заметок о твоём сочинении не думай ожидать от меня. Я тут только ученик"*.

---

* Briefe von und an Hegel, стр. 17-21. Письмо от 30 августа 1795 г. (последнее письмо к Шеллингу из Швейцарии) помечено так: "Чугг у Эрлаха через Берн". Прибавление "через Берн" означает не местоположение, но тогдашний почтовый маршрут.

Уже первое сочинение Шеллинга, произвело на Гегеля такое сильное впечатление, что он в предыдущем письме говорит о нем с величайшим уважением. "Насколько я усвоил главные мысли, я вижу тут довершение знания, которое дает нам самые плодотворные результаты, – я вижу тут работу человека, дружбой с которым я могу гордиться, и который оказал большое содействие важной революции в системе идей целой Германии"*.

---

* Там же, I, стр. 14.

4. ВОПРОС О МОНИЗМЕ

Когда Гегель прочитал оба сочинения молодого друга и проникся ими, он вдруг нашел решение вопроса, который незадолго до того, как он вновь принялся за изучение кантовской философии, оставался у него нерешенным и неисследованным. Вопрос шел о понимании новой философии и главного направления ее дальнейшего развития: в каком смысле следует понимать кантовское учение: в дуалистическом или монистическом? Этот вопрос в применении к идее о Боге таков: в каком смысле следует понимать кантовское учение о Боге и моральное доказательство этого учения: в деистическом или пантеистическом? Не представляет ли собою моральная конечная цель управляющее миром, а следовательно, и производящее порядок вещей начало? Таким образом, не должна ли этико-теология подчинить себе физико-теологию, обусловить и возродить ее в новом духе? Гегель, как мы видели, много занимался этим вопросом; юный Шеллинг склонен был решить его в монистическом и пантеистическом смысле. В своем письме от 5 января 1795 г. он осмеял деистическое применение морального доказательства в таких выражениях, которые привели в изумление его бернского друга. "Забавно видеть, как они ухитряются тянуть за шнурок моральное доказательство; не успеешь оглянуться, как выскакивает deus ex machina, личное, индивидуальное существо, пребывающее высоко на небе!" По поводу этих слов Гегель отвечал: "Для меня не совсем понятно одно выражение в твоём письме о моральном доказательстве, которым они ухитряются так пользоваться, что из него выходит индивидуальное личное существо. Ты думаешь, мы не можем заходить так далеко?"*

---

* "Briefe". I. отр. 13. прим. 2. См. выше гл. III, стр. 32.

Насмешка Шеллинга относилась к такого рода деизму, в котором прежнее суеверие положительной, равно и так называемой естественной религии, соединялось с буквою философии Канта. Гегель с удивлением и сомнением спрашивает, действительно ли новая философия не в состоянии обосновать деизм, тогда как Шеллинг убежден, что она принуждена его отрицать.

Эта новокантовская философия, пробивая границы деизма и приближаясь к учению о всеединстве, переменяет вместе с идеями о Боге также и сознание о Боге и религиозную точку зрения; она даже считает себя началом новой религиозной эпохи, семенем, из которого вырастает невидимая Церковь, а с нею вместе и грядущее царство Божие. Философия становится религией. Пробуждаются восторженные чувства, которыми и столь воздержный, как казалось, Гегель был охвачен и увлечен. Его письма к Шеллингу свидетельствуют о том. "Будем почаще повторять твой призыв: "мы не хотим быть назади". "Царствие Божие да придет и да не будем бездействовать, сложа руки!" "Нашим лозунгом да будет всегда разум и свобода, а нашим сборным пунктом – невидимая Церковь". Одно изречение из "Жизнеописаний" Гиппеля Гегель сделал тогда своею поговоркою. "Я говорю себе

всегда из "Жизнеописаний": "Стремитесь к солнцу, друзья, чтобы скоро поспело счастье человеческого рода! Чего хотят мешающие листья, сучья? Если вы, прорываясь к солнцу, утомились, и то хорошо! Тем лучше будет спать!"*

---

* Briefe von und an Hegel. Ч. I. стр. 12, 13, 16. Hippel, Lebensläufe nach aufsteigender Linie (1781) Ч. 3 I. стр. 260.

Глава четвертая КОНЕЦ ПРЕБЫВАНИЯ В ШВЕЙЦАРИИ. ГЕГЕЛЬ И ГЕЛЬДЕРЛИН. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ВО ФРАНКФУРТ

I. НОВЫЕ МИСТЕРИИ

1. ТРЕТИЙ СОЮЗНИК

Мысль о всеединстве Божиим, которое надлежит испытывать в глубине собственного существа и открывать тупому миру, была главной идеей, в которой Шеллинг и Гегель признавали себя солидарными. К этому союзу принадлежало третье лицо – Гельдерлин, подружившийся с тем и другим в Тюбингенском институте и уже в то время поэтически проникнутый этою идеею. Во время своего скитальчества он был сперва в Тюрингене, потом опять на родине и отсюда в январе 1796 г. прибыл в Франкфурт-на-Майне. В Иене он жил в тесном общении с Шиллером, с восторгом слушал лекции Фихте и изображал его в своих письмах к Гегелю титаном, который борется за человечество, и круг деятельности которого, без сомнения, не ограничивается одними стенами аудитории. О столкновениях Фихте с обществом студентов он также рассказал другу, и какое сильное впечатление это произвело на Гегеля, показывает нам одно из его тогдашних писем к Шеллингу: "Мне жаль Фихте. Итак пивные стаканы и государевы шпаги воспротивились силе его духа. В действительности он лучше бы сделал, если бы, оставив при них их грубость, попробовал бы привлечь к себе тихую избранную кучку людей. Тем не менее обращение себялюбивых философов с ним и с Шиллером позорно. Боже мой, что за буквоеды и рабы попадают еще между ними!"*

---

* Briefe von und an Hegel. I, стр. 17 и 22 (16 апр. и 3 авг. 1795 г.). О столкновении Фихте с обществом студентов ср. наст. соч. т. V (2 изд.), кн. II, гл. III, стр. 278-383.

Когда переписка двух друзей прекратилась на продолжительное время, Гегель, вернувшись из своего альпийского путешествия в августе 1796 г. в Чугг, снова получил известия от Гельдерлина с приглашением занять место домашнего учителя во Франкфурте-на-Майне. Весьма обрадованный представившемуся случаю вернуться в Германию и вновь соединиться с любимым другом, Гегель в своем поспешно написанном ответе с неточною датою ("Чугг около Берна, осень 1796") немедленно, насколько это от него зависело, согласился принять место. Настроение и тон ответа достаточным образом свидетельствуют, что переписка была прекращена в течение некоторого времени, так как он начинается такими словами: "Итак на мою долю выпала-таки радость вновь получить весть от тебя; каждая строчка твоего письма говорит мне о неизменной дружбе твоей ко мне; я не могу передать тебе, сколько радости оно мне доставило, а еще больше надежда скоро увидеть тебя самого и заключить в объятия!"*.

---

* Briefe von und an Hegel. I. стр. 23-26.

Нам приходит на память тот листок альбома, на котором Гельдерлин написал посвящение своему другу Гегелю: он содержит в себе увещание к великим деяниям, выраженное словами гетевского Пилада, к которым в качестве таинственного знака было прибавлено: "Символ $\epsilon\nu\ \kappa\alpha\iota\ \pi\acute{\alpha}\nu$ ". Это было любимым изречением Гельдерлина; мы вновь находим его также в письме к его сводному брату (Франкфурт, 2 июня 1796 г.)*.

* Ср. выше. Гл. I, стр. 14. Fr. Hölderlins sämmtl. Werke Herausg. von Chr. Teod. Schwab. т. II, стр. 28.

Теперь это изречение получило для Гегеля уже другое и более глубокое значение, чем это, быть может, покажется с первого взгляда. Не было ли это самым точным образом формулированной задачей новой и новейшей философии, основною идеей всякой религии и философии, признаком ее единства, великим таинством мира? И в самом Элевзисе, что другое и более глубокое хотели и могли передать мистерии путем всевозможных знаков, символов и образов, как не вездесущие Божие в мировых явлениях? Лицезреть это божество, предаться ему с полным самоотрешением, погрузиться в глубь его, соединиться с ним – вот та цель, которую выражали мистически и в символах элевзинские священнодействия.

Еще в Чугге в честь всеединого и друга Гегель написал нечто вроде гимна под названием "Элевзис Гельдерлину". Гимн следует за письмом и основывается на мыслях, выраженных в нем.

2. ЭЛЕВЗИС

В самых первых словах выражается торжественное чувство, возбужденное ночным одиночеством. Получается настроение, сходное с тем, какое испытывал Фауст после своей прогулки во время праздника Пасхи: *Verlassen hab'ich Feld und Auen, die eine tiefe Nacht bedeckt***.

Um mich in mir wohnt Ruhe. Der geschäft'gen Menschen;
Nie müde Sorge schläft. Sie geben Freiheit
Und Musse mir Dank dir, du, meine
Befreierin, o Nacht! – Mit weissem Nebelflor
Umzitht der Mond die ungewissen Grenzen
Der ferner Hügel. Freundlich blickt der helle Streif
Des Sees herüber**.

---

* "Я оставил поля и долины, которые покрыла темная ночь".

** "Вокруг меня, во мне царит спокойствие, но докучная забота занятых людей никогда не засыпает. Они дают мне свободу и отдых. О, ночь, моя освободительница, благодарю тебя! – Белым матовым светом покрыла луна неясные очертания далеких холмов. Приветливо выглядывает светлая полоса моря".

Он увещевает друга свято хранить верность старому союзу:

Des Bundes, den kein Eid besiegelte,
Der frien wahrheit nurzuleben
Frieden mit der Satzung,
Die Meinung und Empfindungregelt, nie, nie einzugehen*.

---

* "Союзу, не скрепленному присягою и требующему жить только свободно истиною и никогда не заключать мира с решениями, подчиненными мнению и чувству".

В следующих словах высказывается в сжатом виде главная мысль незадолго перед тем написанной им "Критики понятия положительной религии". Он возвещает другу *mysterium magnum*: его друг должен узнать, что значит приблизиться к божеству, сравняться с ним, раствориться в нем:

Mein Aug' erhebt sich zu des ew'gen Himmels Wölbung
Zu dir, o glänzendes Gestirn der Nacht!
Und aller Wünsche, aller Hoffnungen
Vergessen strömt aus deiner Ewigkeit herab.
Der Sinn verliert sich in dem Anschau'n,
Was mein ich nannte, schwindet.

Ich gebe mich dem, Unermesslichen dahin.
Ich bin in ihm, bin Alles, bin nur es.
Dem wiederkehrenden Gedanken fremdet,
Ihm graut vor dem Unendlichen und staunend fasst
Er dises Anschau'n's Tiefe nicht*.

---

* "Мой взор устремлен к своду вечного неба, к вам, сверкающие созвездия ночи! Из вашей вечности истекает забвение всех желаний, всех надежд. Ум теряется в созерцании; то, что я называл своим, исчезает. Я предаюсь Бесконечному, я в нем живу, я – все, я только его олицетворяю собой. Возвратившейся мысли чужда, страшна бесконечность; изумленная, она не может постигнуть глубины этого созерцания".

Но чего не в состоянии постигнуть ум и размышление, то может представить фантазия в картинах, символах, многозначительных образах, которые в одно и то же время скрывают и обнаруживают великую тайну. В этом-то и заключаются для него элевзинские таинства:

Dem Sinne nähert Phantasie das Ewige,
Vermählt es mit Gestalt. – Willkommen, ihr
Erhabne Geister, hohe Schatten,
Von deren Stirne die Vollendung strahlt,
Erschreckt; nicht. Ich fühl', es ist auch meine Heimat,
Der Clanz, der Ernst, der euch umfließt.
Ha! sprängen jetzt die Pforten Deines Heilighums,
O Ceres, die du im Eleusis thronst!
Begeisterung trunken fühl'ich jetzt
Die Schauer Deiner Nähe,
Verstände Deine Offenbarungen,
Ich deutete der Bilder hohen Sinn, vernähme
Die Himnen bei der Götter Mahle,
Die hohen Sprüche ihres Rathes*.

---

* "Фантазия приближает Вечное к разуму, сочетает его с формой. – Приветствую Вас, всевышние духи, высокие тени, чело которых сияет совершенством; Вы не страшны мне. Я даже чувствую, что мне родственны озаряющие вас блеск и важность. Ах, если бы разверзлись врата твоего святилища, о Церера, над которыми ты владычествуешь в Элевзисе! Опьяненный восторгом, я ощущаю трепет вблизи тебя; я бы понял твои откровения, я истолковал бы высокий смысл образов, услышал бы гимны при трапезе богов, высокие изречения их совета".

Боги Греции навеки исчезли и от своих "оскверненных алтарей" вернулись на Олимп, элевзинские таинства замолкли навсегда; никто из посвященных не выдал этих тайн, ни один пытливый ум не разгадал их. Единственный путь к уразумению их – это любовь к мудрости, которая порождает религию любви и мудрости. Богатое мыслями и значительное по содержанию, хотя и весьма несовершенное по форме стихотворение (если можно так назвать его), оканчивается словами:

Auch diese Nacht vernahm ich, heil'ge Gottheit, dich!
Dich offenbart mir oft auch deiner Kinder Leben,
Dich ahn'ich oft als Seele ihrer Thaten!
Du bist der hohe Sinn, der treue Glauben,
Der einer Gottheit, wenn auch alles untergeht, nicht wankt*.

---

* Rosenkranz, Hegels-Leben; стр. 78-80.

"И в эту ночь я чувствовал тебя, святое божество! Тебя нередко открывает мне также и жизнь твоих детей. Я часто чувствую тебя, как душу их деяний! Ты высокий ум, крепкая вера, которая, хотя и все погибает, не колеблется у божества".

Читатели, вероятно, заметили по характеру этого гимна, что в известных местах перед глазами автора мысленно проносились стихотворения "Боги Греции" и "Художники". Гегель прочел также "Письма об эстетическом воспитании людей" и восхищался ими, как образцовым произведением*. В нем впервые было высказано на основании кантовских положений, что красота коренится в самой сущности мира, что человечество в ходе своего развития эстетически должно воспитать и облагородить себя посредством созерцания красоты и искусства и придти таким образом от царства нужды к царству разума, этой основной теме и цели всемирной истории. Божество и красота в мире тесно связаны между собою. Красота есть свобода в ее явлении или явление в своей свободе. Внутреннемировое божество и красота мира относятся между собою, как основание и следствие. В ходе развития человечества есть период, в котором господствовала красота: эллинская эпоха.

---

* Briefe von und an Hegel, I. стр. 17 (письмо 16 апр. 1795 г.).

Гельдерлин старался подражать своему великому соотечественнику, не как автору пьес "Разбойники", "Коварство и любовь" и "Дон Карлос", но как автору "Оды в честь дружбы", "Философской переписки между Юлием и Рафаэлем", "Богов Греции" и "Художников". Его душа утопала в энтузиазме к греческому миру и в тоске по нем, как по потерянному, когда-то действительно пережитому человечеством раю. В этом лиризме, в этом нежном, элегическом чувстве истощились его поэтические силы; они заключали в себе смертельную тоску и смертоносный зародыш, как это высказал он в заключительной строфе своего прекрасного стихотворения, о котором мы упоминали выше:

Mich verlangt in's bessere Land hinüber
Nach Alcäus und Anakreon.
Und ich schlief im engen Hause lieber
Bei den Heiligen in Marathon.
Ach! es sei die letzte meiner Thränen,
Die dem heil'gen Griechenland rann,
Lasst, o Parzen, lasst die Scheere tönen,
Denn mein Herz gehört den Podten an*.

---

* "Griechenland" 21 строфа. Это стихотворение, как и два других, "Das Schicksal" и "Dem Genius der Kühnheit. Eine Hymne", были помещены в новой Талии Шиллера (5 и 6 NoNo), 1794 г.

"Меня влечет, в лучшую страну, к Алкею и Анакреону. Я бы охотнее почил в тесном доме рядом с праведниками в Марафоне. Ах! пусть это будут последними моими слезами, которые текли по священной Греции; пусть, парки, зазвонят ваши ножницы, ибо мое сердце принадлежит умершим".

II. ГЕЛЬДЕРЛИН В ДОМЕ ГОНТАРДА

1. КАТАСТРОФА

В начале 1796 г. Гельдерлину было поручено воспитание четырех детей в почтенном доме крупного негоцианта Гонтарда во Франкфурте-на-Майне. Отец их, по его собственному признанию, мало понимал толку в воспитании и также мало интересовался им; он был сведущ только в биржевом курсе и проводил свои вечера в клубе. Зато тем живее и сердечнее высказывалось понимание и интерес к воспитанию со стороны г-жи Гонтард, происходившей из богатой семьи в Гамбурге (Сюзетты Боркенгейм); она унаследовала поэтическое чувство от своей матери, которая бредила Клопштоком и даже свадьбу дочери отпраздновала у поэта и в его присутствии в Оттензене. Г-жа Гонтард отличалась такою редкою и совершенною душевною и телесною красотою, принимая это

слово в классическом смысле, что ее наружность и характер привели молодого воспитателя ее детей, этого энтузиаста Эллады и "рая Платона", в восторг, которым проникнуты его тогдашние, исполненные задушевности, письма. Сродство их душ поддерживалось и увеличивалось духовным общением и ежедневными беседами. Компаньонка, имевшая, по-видимому, злобный и ревнивый характер, возбудила коварным образом ревность мужа Гонтард, страдавшего приступами внезапной вспыльчивости, что и привело к неожиданной, в высшей степени тяжелой сцене, разыгравшейся однажды вечером в сентябре 1798 г., и к оскорбительному, может быть, позорному поступку его по отношению к Гельдерлину. Последний тотчас навсегда оставил дом Гонтарда; однако страсть его и г-жи Гонтард не прекратилась, и переписка между ними продолжалась. Она фигурирует в его стихотворениях под именем Диотимы и пережила катастрофу лишь несколькими годами. Она умерла в 1802 году*.

* По поводу того, как Гельдерлин изображает в своих письмах эту женщину, ср. его письма к Людв. Нейферу в марте 1796 г., от 10 июня 1796 г., 10 февр. и 10 июля 1797 г. (Sämmtl. Werke. Herausg. Von Chr. Th. Schwab. т. II, стр. 114. -120). Переписка между Гельдерлином и г-жою Гонтард перешла в собственность его сводного брата, члена совета департамента государственных имуществ, Карла фон Гек, и сохраняется теперь, а может быть, и уничтожена потомками его дочери, в Гейдельберге. (Купец Гонтард отличался такою неукротимую вспыльчивостью, что, будучи ребенком, в бешенстве выколол себе глаз, вследствие чего он одним глазом ничего не видел, а другим косил).

2. СТРАНСТВОВАНИЯ И КОНЧИНА

Со времени этой насильственной и внезапной разлуки нервы Гельдерлина были безнадежно расшатаны; сам он находился в раздражительном состоянии и в постоянном волнении; он бросался из одного места в другое, некоторое время пробыл у своего друга И. фон Синклера в Гомбурге, потом был домашним учителем сперва в доме Ландауера в Штутгарте, вскоре после того в Гауптвиле около Сент-Галлена, наконец в доме гамбургского консула Бетмана в Бордо; и здесь ему не терпится, спустя несколько месяцев он берет снова дорожный посох (в июне 1802 г.), проезжает в самый разгар летней жары южную Францию через Вандею в Париж и в июле 1802 г. появляется в кругу своей семьи, в Нюртингене, жалкий, оборванный, всеми оставленный, больной духом и телом. В таком положении видел его Шеллинг и описал его печальное состояние в своем письме к Гегелю. Тихий, сосредоточенный в себе, нелюдимый, в безнадежной меланхолии, несчастный поэт прожил еще свыше сорока лет во тьме безумия, живя в доме одного ремесленника в Тюбингене, с осени 1806 г. до своей кончины, последовавшей 7 июня 1843 г.

Личность и судьбу Гельдерлина иногда сравнивали с Тассо; с действительным Тассо он в этом отношении пожалуй более сходен, чем с гетевским. Поэтическим изображением его элегических воззрений на жизнь служит роман "Гиперион или еремит из Греции", который он начал когда-то в Тюбингене и окончил во Франкфурте (1793-1798); первые наброски его были помещены в новой Талии Шиллера (1794). В нем сочетались энтузиазм и преданность Элладе с любовью к Диотиме; эта двойная любовь оканчивается трагически. Если мы проследим страстные фантазии и колебания Гипериона в его письмах к Диотиме, то мы будем поражены сходством с гетевским Вертером. Может быть, страдания Вертера в действительности не были никем так пережиты и перенесены, как Гельдерлином. Один из черновых набросков его трагедии "Эмпедокл" даже по времени совпадает с серединою этого франкфуртского эпизода (1797), который мы изложили довольно подробно, так как единственным другом, который пережил и перестрадал с ним эти события, был Гегель.

III. ГЕГЕЛЬ В ДОМЕ ГОГЕЛЯ

1. ПОЛОЖЕНИЕ

В начале 1797 г., пробыв некоторое время в родительском доме, в мрачном и сосредоточенном настроении, Гегель, как сообщает его сестра, отправился во Франкфурт, чтобы поступить на место домашнего учителя у купца Гогеля на Конной площади. Об его отношениях к этой семье, учениках и

педагогической деятельности мы не имеем никаких подробностей и можем только заключить из его научных занятий и трудов во время четырехлетнего пребывания там, что он чувствовал себя здесь лучше и имел больше досуга, чем в доме бернского патриция.

2. ОПРОТИВЕВШИЙ ГОРОД

В самых близких отношениях с ним был Гельдерлин, который, находясь тогда в чрезвычайно тревожном состоянии духа, желал близости этого друга и достиг ее. Вскоре по приезде Гегеля он пишет Нейферу (16 февраля 1797 г.): "общение с Гегелем весьма благотворно для меня. Я люблю спокойных мыслящих людей, потому что с ними так хорошо можно ориентироваться, когда не знаешь, в каких отношениях находишься к самому себе и к миру"*.

---

* Собр. соч. Гельдерлина в изд. Шваба, II. стр. 118.

В таком состоянии духа находился Гельдерлин; он был обуреваем страстью, которая грозила усыпить его совесть, а его самого ввергнуть в преступление и погибель. Даже Гегель, которому он несомненно доверял свое положение, не мог помочь ему "ориентироваться" таким образом, чтобы он вышел из своего состояния победителем. Со времени катастрофы в доме Гонтарда, которая повлекла за собою смерть Диотимы и сумасшествие Гельдерлина, Франкфурт и для Гегеля стал злополучным местом, и пребывание там ему опротивело. Когда Синклер, общий друг его и Гельдерлина еще со времени их жизни в Тюбингене, предложил ему место ректора в Гомбурге (16 августа 1810 г.), Гегель написал ему в конце своего ответа, запоздавшего на несколько лет: "поклон от меня высокому Фельдбергу и Алкину, на которые я так часто и с удовольствием взирал из несчастного Франкfurта, зная, что ты находишься у их подножья"*.

---

* Briefe von und an Hegel, I. стр. 268-294. Ср. Rosenkranz, стр. 271.

3. КОНЧИНА ОТЦА. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Спустя несколько месяцев после вышеупомянутого несчастного события его постигла горестная утрата. В ночь на 14 января 1799 г. скончался его отец, легко и спокойно, как писала сестра. Когда выяснилась сумма наследства, и отцовское состояние в количестве около 10.500 гульденов было так разделено, что каждый из двух братьев выделил в пользу сестры немного менее третьей части, Гегель стал обладателем капитала в 3.154 гульдена, к которым еще прибавились сбережения, накопленные им в бытность его домашним учителем.

4. ПЛАНЫ БУДУЩЕГО

Теперь он имел уже возможность ближе приступить к плану и началу академического поприща, как только почувствовал себя достаточно подготовленным для этого в научном отношении. Он несколько не задумывался над выбором места. Иена была тогда центром немецкой философии, Веймар – центром немецкой поэзии и драматического искусства: Шиллер переселился в Веймар (1799 г.); Фихте оставил Иену вследствие споров об атеизме и своего столкновения с веймарским начальством и избрал местом своего жительства Берлин (1800 г.), а Шеллинг, прожив несколько месяцев в Бамберге, возвратился в Иену (октября 1800 г.) в качестве экстраординарного профессора философии (1798 г.)*.

---

* Ср. наст. соч. т. VI (2 изд.), кн. I, гл. III и IV, стр. 29-47 (юбил. издан. т. VII).

С августа 1795 года в переписке обоих друзей произошел для нас долгий перерыв, так как письмо Гегеля от 20 июня 1796 года затеряно. Быстро развиваясь, Шеллинг дал ряд сочинений с 1795-1801 г.г. и достиг высоты самостоятельного, блестящего светила, тогда как Гегель еще не пользовался известностью. Между тем втиши отношение Гегеля к Шеллингу несколько изменилось, именно в

сознании самого Гегеля: он был не тем, чем в августе 1795 г., когда читал сочинение: "Я как принцип философии", о котором он даже не осмелился дать отзыв, но скромно и почтительно писал: "Я тут только ученик"*.

---

* Briefe von und an Hegel, I стр. 21. Письмо от 30 августа 1795 года. См. выше гл. III, стр. 35.

Теперь, в конце франкфуртского периода своей жизни, он решился по собственному побуждению отправиться в Иену и там попробовать свои силы, наряду с заслуженным уже величием и уже доказанным преподавательским талантом Шеллинга. Прежде чем осуществить это отважное намерение, он пожелал совершенно спокойно подготовиться в другом городе, хоть в Эрфурте или Эйзенахе, или лучше всего в Бамберге, чтобы там ближе присмотреться к католической религии. Никто не мог дать ему лучшего совета, кроме Шеллинга, который как раз перед тем прожил несколько месяцев в Бамберге. Поэтому Гегель пишет ему 2 ноября 1800 г. "Я думаю, любезный Шеллинг, разлука в течение нескольких лет не может помешать мне воспользоваться твоею любезностью и обратиться с одной частной просьбою. Моя просьба касается некоторых адресов в Бамберге, где я желал бы остановиться на некоторое время. Так как я чувствую себя, наконец, в состоянии оставить свои прежние отношения, то я решился несколько времени пробыть в независимом положении, чтобы посвятить это время начатым научным занятиям и трудам. Прежде чем отважусь предаться в Иене литературной оргии, я хотел бы раньше укрепиться в третьем месте. Я предпочитаю католический город протестантскому, так как желаю близко познакомиться с вышеупомянутой религией; в остальных же отношениях выбор места для меня безразличен".

Здесь следует столь же характерное для Гегеля, как интересное для нас объяснение его научных отношений к Шеллингу: прекрасное доказательство в одно и то же время его скромности, его чуждой зависти радости к заслугам другого, а также и чувства собственного достоинства, заслуженного путем самостоятельной упорной работы. "Я смотрю с удивлением и радостью на великий успех, какого ты достиг в глазах публики. Да простится мне, если я скромно упомяну или намекну о своей надежде, что мы по-прежнему встретимся друзьями. В своем научном образовании, которое началось с низших потребностей людей, я должен был перейти к науке, и идеал юношеского возраста должен был принять форму рефлексии и в то же время превратиться в систему; теперь я спрашиваю себя, будучи еще сильно занят, каким путем мне опять вторгнуться в жизнь людей. Из всех окружающих меня людей, только в тебе я вижу такого человека, которого я и в том, что касается деятельности и влияния на мир, мог бы считать своим другом, потому что вижу, что ты ясно, т. е. всей душой и без суетности понял человека. Поэтому и относительно самого себя я смотрю на тебя с доверием, что ты признаешь мое бескорыстное стремление, хотя бы сфера его была и ниже твоей, и сумеешь оценить его по достоинству. Желая и надеясь встретиться с тобой, я должен, как бы там ни было, научиться также уважать судьбу и от ее милости ожидать, что мы встретимся хорошо"*.

---

* Briefe von und an Hegel, I, стр. 27 и 28.

Глава пятая **ЗАНЯТИЯ И ТРУДЫ ГЕГЕЛЯ ВО ФРАНКФУРТЕ**

I. СИСТЕМА В ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ФОРМЕ

1. НАБРОСКИ

Из трех частей, заключающих в себе изложение гегелевской системы в ее законченном виде, именно логики и метафизики, философии природы и философии духа, во время франкфуртского периода были написаны очерки двух первых на ста двух листах, очерк третьей части, именно учение о духе или о нравственности (этика) – на тридцати листах; Розенкранц сделал попытку изложить содержание этих ста тридцати двух листов в дословных выписках по своему выбору на сорока двух страницах*.

* Rosenkranz, Hegels Leben, стр. 99-141.

Язык этих очерков, как и выписок из них, настолько тяжел, затруднителен и нескладен, что необходимо подробное и основательное знакомство с целой системой в ее вполне развитой форме, чтобы как-нибудь понять эти первые очерки. Такое знакомство могло предполагаться в биографии, явившейся в качестве "дополнения" к сочинениям Гегеля и написанной около пятидесяти лет тому назад, но оно не может предполагаться в настоящем сочинении, цель и план которого требует сначала описания жизни и характера философа, а потом развития и изложения его учения.

2. ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА. РЕЛИГИЯ, КАК МИРОВАЯ ПРОБЛЕМА

Согласно направлению и ходу своих занятий, Гегель был с давних пор заинтересован одной основной задачей, которою он постоянно занимался и которая руководила его учением и подчиняла его себе с первых зачатков вплоть до завершения. Этою задачею была сущность религии, не как предмета, которым специально занимается теология, но как проблемы мира.

Кантовское учение о религии выяснило очень резкий контраст между сущностью религии и ее историческим проявлением, между невидимою и видимою Церковью, из которых последняя имеет форму народной религии, связанной с культом, подчиненной государству и имеющей иерархическое устройство. Юный Гегель стал решительно на сторону кантовского учения. Он требовал признания чистой религии, невидимой Церкви: "Мы не хотим быть назади!" С таким воззванием обращался к нему Шеллинг. "Пусть нашим лозунгом будут разум и свобода, нашим сборным пунктом – невидимая Церковь!" – отвечает ему Гегель*.

---

* См. выше гл. III. стр. 36.

О происхождении иерархической и государственной религии, которые всегда вместе с тем бывают народными и связаны с культом, просвещение, в особенности французское, выработало мнение, что при этом главную роль играет обман; деспоты и попы были обманщиками, а суеверный народ обманутым. Согласно с этим французская революция играла роль правосудия и хотела направить месть обманутых на обманщиков. "Когда на кишках последнего попа будет повешен последний король!" – вот страшный лозунг Дидро. "Ecrasez l'infâme!" – гласило ceterum censeo Вольтера! Было время, когда Гегель мыслил также в духе просвещения, что положительная религия и ортодоксальная система господствуют потому, что "религия и политика стоят заодно и первая поддерживает учение, удобное деспотизму"*.

---

* Там же, стр. 33.

Все эти воззрения еще во время пребывания его в Швейцарии подверглись коренному преобразованию и, конечно, не только в силу того невольного влияния, какое имел на него консервативный аристократический дом. Ведь была в истории религия народа и культа, получившая начало из религиозных воззрений на природу; она была поэтически развита, художественно завершена и своею красотою привела в восхищение мир, в особенности стремящееся к идеалу немецкое юношество, поклонников Винкельмана и Лессинга, Гердера, Гете и Шиллера. Решился ли бы кто-нибудь утверждать, что боги Греции изобретены жрецами и деспотами, из корыстных, мошеннических мотивов? Конечно, этого не сказали бы трое знакомых нам воспитанников Тюбингенского института: Гельдерлин, Гегель и Шеллинг! Однако боги Греции были все-таки богами государственной религии; они не могли потерпеть, чтобы в них сомневались или отрицали их, и суеверные афиняне принесли им в жертву даже Сократа.

II. РАЗВИТИЕ РЕЛИГИИ

1. КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ

Но если эллинская религия явилась не путем лжи и обмана, а возникла из сущности религии и из исторического хода развития человечества, то надо думать, что в общем и другие исторические и положительные религии развились так же; Кант не только противопоставлял невидимую церковь видимой, но и сравнивал последние с конечной целью их; он определял и оценивал религиозную негодность или достоинство видимых церквей в той степени, в какой они противоречат или соответствуют невидимой церкви, т. е. сущности или содержанию религии, отступают от нее или приближаются к ней.

Кант учил также, что идеальный человек, настроенный согласно требованиям божества, цель человечества, главная цель творения, Логос, предвечный сын Божий, в его историческом явлении есть личность Иисуса Христа. Поэтому сущность религии заключается не в чем другом, как в практической вере, т. е. в подражании Иисусу Христу, как это провозгласили уже древние мистики: Эккардт, Таулер, Фома Кемпийский. Религиозный человек на своем пути ставил себе целью достижение Бога, соединение с Ним, обожествление: не превращение в Бога (*Vergötterung*), а "слияние с Богом" ("*Vergottung*"), как называли мистики это полнейшее исчезновение в Боге. Если приближение к Богу не одни только слова, то достижение Бога и слияние с ним должно быть возможным, что предполагает идею о Боге, не искаженную учением о дуализме между Богом и миром, а заключающую в себе мир, разумеется, в более глубоком смысле, чем это утверждает обыкновенный пантеизм, по которому все происходящее в мире, так, как оно есть, совершается в Боге. Вопрос о таком приближении к Богу, в строгом смысле слова, уже давно занимал Гегеля. Напомню о следующем, весьма замечательном суждении в его письмах к Шеллингу от 30 августа 1795 г. "Я возымел намерение в одной статье выяснить, что, собственно, означает приблизиться к Богу, и думал найти в этом осуществление постулата, что практический разум повелевает миром явлений, а также прочих постулатов"*.

---

* Briefe von und an Hegel, I. стр. 16. См. выше гл. III стр. 34.

Идя далее в этом направлении, он пришел к своей элевзинской мистерии, к главной мысли своего "Элевзиса":

Was mein ich nannte, schwindet.
Ich gebe mich dem Unermesslichen dahin,
Ich bin in ihm, bin Alles, bin nures.

2. ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ. РЕЧИ ШЛЕЙЕРМАХЕРА

Перемены, происшедшие во взглядах Гегеля во Франкфурте, привели к тому, что он применил эти идеи к христианской религии, вероятно, между прочим, под влиянием речей, произнесенных тогда Шлейермахером "О религии, образованным людям из числа ее порицателей" (1799). Если поистине в религии мы переживаем Бога, то в ней действительно соединены божественная и человеческая, или бесконечная и конечная, жизнь, а не только бесконечное и конечное. В некоторых, помеченных датой 14 сентября 1800 г., исследованиях, которые, следовательно, можно считать последними статьями франкфуртского периода, Гегель весьма убедительным тоном проводит различие между единством бесконечного и конечного и единством бесконечной и конечной жизни. Ибо живое единство не ограничивается чувственным состоянием и не исключает собою разумного созерцания, как будто бы оно в последнем совершенно не нуждается. Как относится в религии разумное созерцание к Богу, так философия относится к религии.

Гегель говорит, прибегая к своему глубокомысленному, грамматически несколько тяжелому и неровному способу выражения: "разумная жизнь выбирает из частных форм, из смертного, преходящего, бесконечно противоположного, борющегося живое, свободное от исчезания, отношение, не заключающее в себе мертвых, убивающих друг друга элементов сложности, не единство, не мыслимое отношение, но всеживую, всесильную, бесконечную жизнь и называет это Богом. Это возвышение человека, не от конечного к бесконечному, – ибо это только продукты простого размышления, и их отделение в этом смысле абсолютно, – но от конечной к бесконечной жизни есть религия". "Если человек полагает бесконечную жизнь, как дух целого, также вне себя, ибо сам он

ограниченное существо, если он полагает самого себя также вне себя, ограниченного существа, и возносится к живому, теснейшим образом соединяется с ним, то он поклоняется Богу. Это частичное существование живого уничтожается в религии, ограниченная жизнь возносится к бесконечному, и только потому, что само конечное есть жизнь, оно носит в себе возможность возвыситься к бесконечной жизни. Поэтому философия должна прекращаться там, где начинается религия"*.

---

* Rosenkranz, стр. 95 с.

Если единство бесконечного и конечного полагается в чувстве, и последнее подвергается рефлексии, то сущность этого отношения, объективное чувство теряется и распадается на множество отдельных чувствующих субъектов. "Божественное чувство, бесконечное, ощущаемое конечным, тем завершается, что сюда прибавляется рефлексия, дополняет его. Но отношение этой последней к чувству есть только познание его, как чего-то субъективного, только сознание чувства, отдельное размышление над отдельным чувством"*.

Нельзя не заметить, что Гегель в этом месте имел в виду речи Шлейермахера и оспаривал его учение о религии чувства; впоследствии он всегда сохранял эту противоположность Шлейермахеру. Не в чувстве, а в сознании и размышлении заключается причина того, что религия дифференцируется, т. е. принимает отдельные религиозные формы и фазы развития. Здесь высказывается уже собственное воззрение Гегеля в отличие не только от Шлейермахера, но и от Фихте и Шеллинга.

---

* Там же, стр. 96.

Он говорит: "Религия есть возношение конечного к бесконечному, совершающееся необходимо, ибо первое обуславливается последним. Но ступень противоположения и соединения, на которой останавливается определенная природа того или другого народа случайна, если иметь в виду лишь неопределенную природу человечества вообще. Полнейшее совершенство возможно у народов, жизнь которых менее всего разбита и разрознена, т. е. счастливых. Менее счастливые не могут достигнуть этой ступени и принуждены, при разрыве целого, происходящем вследствие стремления удержать какое-либо звено его, заботиться о самостоятельности. Они не могут ее терять, их высшею гордостью должно быть сохранение разрыва и удержание чего-либо одного; со стороны субъективности, это может рассматриваться, как самостоятельность, или, с другой стороны, как чуждый, отдаленный, недостижимый объект"*.

---

* Там же, стр. 98.

3. МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ

Два фактора, составляющие сущность религии, суть бесконечное и конечное, или божественная и человеческая жизнь: от формы их противоположения зависит форма их соединения, следовательно, и род или ступень религии; но форма, как противоположения, так и соединения обуславливается народным сознанием и его эмпирическим бытием: поэтому сущность религии необходимо запечатлевается и раскрывается в исторических формах.

Как противоположение, так и соединение этих двух факторов осуществляется в двух видах: "Дело случая, на какую сторону станет сознание, будет ли оно утверждать существование страшного Бога, который витает над природою, стоит бесконечно выше неба всех небес, выше всего, что можно сочетать; или же оно поставит самого себя, как чистое я, над обломками этого тела и светящимися солнцами, над тысячами тысяч небесных тел, над стольким же количеством новых солнечных систем, сколько есть всех светящихся солнц. Если разъединение бесконечно, то все равно, фиксировать ли субъективное или объективное, во всяком случае противоположность остается, именно противоположность между абсолютным конечным и абсолютным бесконечным"*.

Фиксирование противоположности в первой форме есть религия Моисеева, во второй – религия Фихте.

---

* Rosenkranz, стр. 99.

Соединение также бывает двух родов: или в образах, вечно имеющих значение человеческих идеалов, или в появлении единственного действительного человека, в истории которого Божество проявляет свою сущность. Религия величия Бога находит свое выражение в иудействе, человеческой красоты в язычестве, вочеловечения Бога в христианстве.

Итак, что касается отношения божественной и человеческой жизни (Бога и мира), существуют три главные и основные формы, которые испытывает и переживает человеческое сознание: 1. соединение, которое предшествует всякому разъединению и противоположению, и потому вполне может быть отмечено, как естественное единство (Бог в природе); 2. разрыв природного единства, или противоположность двух факторов: Бог сверх всякой природы; 3. единство, которое предполагает противоположность и происходит из нее, т. е. религия воссоединения или примирения, в котором заключается основная идея всякой религии, потому что цель есть также и сущность вещи. Последнее есть также и первое.

Поэтому всемирно-исторические формы религиозного сознания таковы: 1. естественная религия и ее высший цвет и плод – эллинская мифология, соединяющая в себе действительность и поэзию, природу и историю, поэтический вымысел и искусство, но не дающая себя поглотить ни одним из этих элементов; 2. иудейская религия, носители которой – наиболее разбросанный из всех народов; 3. христианская религия, которая берет начало из иудейской, как эллинская из естественной.

4. ХАРАКТЕР ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Центральный пункт христианских верований занимает личность Христа. Среди мира, отчужденного от Бога, покинутого Богом совсем, лишившегося его и лежащего, как "оскверненный труп", Иисус Христос есть единственное существо между всеми людьми, "сознающее свое единство с абсолютным", уверенное в этом и обладающее силою пробудить эту уверенность в других. Нужно вспомнить об историческом состоянии мира, в котором явилась личность Христа. Римская империя, уже принявшая форму единого государства, разрушила живые индивидуальности народов; общее осталось без живого индивидуального расчленения, единичное и абсолютное лишилось своего завершения: первое сделалось не живым, второе непримиренным, мир стал пустым и скучным. Единственным откровением Бога в мире было религиозное сознание этого человека, отвергнутого и презираемого миром, удрученного всеми страданиями и умерщвленного позорною, мучительнейшею казнью. Виселица, бывшая в глазах мира самым позорным бесчестящим орудием смерти, стала в виде креста символом христианской веры, самым характерным признаком, как бы сигналом ее особенностей*.

---

* Розенкранц, стр. 35-40.

В унижениях и страданиях, в смерти и воскресении Христа совершается откровение Бога в мире и человечестве: история Христа есть история Бога. Наиболее жизненный Бог всякого народа есть всегда его национальный Бог; точно так же Христос, так как в нем единый Бог открывает свою сущность, есть "национальный Бог человечества". Однако вопрос о том, как в евангельской истории Иисуса Христа соединилась и человеческая история Иисуса, и божественная история Христа, Гегель оставил без рассмотрения.

III. РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

1. НОВАЯ ЗАДАЧА

В христианстве мир примиряется с Богом, но при этом не обожествляется вновь, как в эллинской мифологии, хотя и становится опять освященным. Соединение человечества со Христом совершается в культе: в особенности в таинстве Евхаристии. История Христа становится наглядною в изображениях Бога и святых: это производится искусством; так как история Бога есть тема с вечным содержанием и, как таковая, составляет вечную истину, то она должна быть понята и закреплена в мышлении: это производится в догматах, в особенности в догмате троичности.

Христианство, как прекрасная религия, есть католицизм. Однако откровение, как вечная истина, должно быть не только созерцаемо, не только выражено догматически, но и познано в единственно соответствующей ему форме мысли; поэтому, развиваясь, оно должно перейти от католицизма через протестантизм к философии. Настало время, когда христианство готовится достигнуть этой цели. Философия должна прекратиться вместе с религией, и религия вместе с философией. В этом круговороте состоит и завершается система философии. В такой религиозной философии и философской религии Гегель уже во Франкфурте видел современную задачу философии, и притом свою задачу. Можно сказать, что систематическое решение этой задачи обрисовывает характер и значение того учения, которое называется философией Гегеля.

Предоставим слово самому философу: "После того как протестантизм освободился от освящения извне, дух может решаться, как дух в собственной форме, достигать святости и первоначального примирения с собою в новой религии, в которую разрешатся бесконечное страдание и вся тяжесть его противоречий, оставаясь включенными в нее в чистой незатуманенной форме, если явится свободный народ, и если разум возродит свою реальность, как нравственный дух, который может обладать смелостью принять свою чистую форму на собственной почве, исходя из собственного величия. Всякий отдельный человек есть слепое звено в цепи абсолютной необходимости, в которой развивается мир. Всякий человек может возвыситься до господства над значительным отрывком этой цепи лишь в том случае, если познает, куда стремится великая необходимость, и с помощью этого познания может высказать волшебные слова, вызывающие ее образ. Только философия способна доставить это знание, дающее возможность одновременно заключать в себе всю энергию страдания и противоположностей, господствовавших в течение двух тысяч лет над миром и всеми формами его развития, и в то же время подняться над ними"*.

---

* Розенкранц, стр. 140 и 141.

2. ОСНОВНАЯ ИДЕЯ: АБСОЛЮТНЫЙ ДУХ

Мировые религии суть ступени, переживаемые и пробегаемые сознанием или познанием Бога в человечестве. Так как Бог есть все во всем и кроме него нет ничего, то этот процесс мира и познания должен быть понимаем так, что он выходит из сущности Бога и возвращается в него; следовательно, Бог соединяет в себе две существенные особенности: 1. он есть бесконечное, законченное в себе или замкнутое бытие, абсолютное, как это высказано и в учении Спинозы, называвшего его *ens absolute infinitum*; 2. так как он открывает себя в процессе познания, то он сам обладает познающей сущностью, т. е. он есть дух. Итак, Бог есть абсолютный дух, открывающий себя, согласно вечным законам, в процессе мира, т. е. в ходе развития мира, в особенности в мировых религиях, из которых высшею должна быть "религия духа", как она выразилась в христианстве.

Уже во франкфуртских исследованиях, в первых набросках системы, признаны равноценными следующие понятия: абсолютное бытие = абсолютное = Бог = абсолютный дух = разум (абсолютный разум) = самопознание (саморазличение) = самоудвоение абсолютного. Под самоудвоением "подразумевается то обстоятельство, что в самопознании и саморазличении абсолютного предмет не есть только копия, только представляемый или мыслимый объект; он также абсолютен, т. е. закончен в себе, самостоятелен или реален; он есть истинно "другое", в котором Бог созерцает и познает себя, и в то же время созерцается и познается этим другим. С этих пор абсолютный дух и его откровение в развитии мира становится основным понятием и основной темой учения Гегеля.

3. РАСЧЛЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ

В системе абсолютного духа надо различать три главные формы, которые мы можем кратко обозначить, как его идею, явление и завершение. Иными словами: абсолютный дух, как он существует сам по себе, как он является в мире или в форме мира и как он возвращается к себе в форме религии (с которой теснейшим образом связаны искусство и философия).

Сообразно этим различиям система расчленяется прежде всего так, что религиозный дух или вера понимается, как нравственный общий дух, наполняющий всех и выражающийся в нравах и

государстве, религии и культе, в искусстве и науке. Абсолютный дух развертывает свою сущность, как идея, природа и нравственность. Сообразно этому философия, как познание абсолютного духа, делится на учение об идее, природе и нравственности, т. е. на следующие три части: логику с метафизикой, философию природы и этику.

Во франкфуртских набросках логика и метафизика, хотя и составляют одну науку, еще отделены одна от другой: логика есть учение о бытии, мышлении и познании, а метафизика учение об основоположениях, о сущности вещей и о я. Как учение о сущности вещей, именно о сущности души, мира и Бога, Гегель называет ее "метафизикой объективности"; как учение о я, именно о теоретическом, практическом и абсолютном я, он называет ее "метафизикой субъективности". Не трудно заметить, что, говоря о первой, он имел в виду старую вольфовскую метафизику догматизма, осужденную Кантом, а под второю современную метафизику, основанную Кантом и развитую дальше Фихте и Шеллингом.

4. НАБРОСОК ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

Занимаясь очерком философской системы мировоззрения, Гегель в 1798 году был так глубоко потрясен политическими вопросами, относившимися к непосредственному настоящему его родины, нуждавшейся в реформах, что пришел к мысли выразить относящиеся сюда вопросы и требования в брошюре, которую хотел посвятить своим соотечественникам и направить "к виртембергскому народу". Тема была озаглавлена так: "О том, что виртембергские магистраты должны быть избираемы народом" или "О гражданах". В последней редакции: "О новейших внутренних отношениях Виртемберга, в особенности об устройстве магистрата". Посоветовавшись письменно с некоторыми друзьями в Штутгарте, Гегель убедился, что его сочинение вовсе не будет содействовать перемене и улучшению политического состояния его родины. Поэтому сочинение утратилось, за исключением некоторых отрывков. Время его возникновения было замечательное. В конце 1797 г. в Виртемберге на троне явился новый король, а в начале 1798 г. Германская (Римская) империя на конгрессе в Раштате уступила Франции левый берег Рейна.

Со времени французской революции представление о лучших и более справедливых временах стало живее носиться в умах людей; тоска, стремление к более чистому и свободному строю стали волновать людей и отчуждать от действительности. Государственный строй, сохраняющийся и до сих пор, не состоятелен, и это чувство глубоко и широко распространилось. Вопрос в следующем: что не состоятельно? Все учреждения, все законы, не согласующиеся более с нравами, потребностями и мнениями людей, утратившие оживлявший их дух, должны быть уничтожены; это гробы, которые не следует более раскрашивать красивыми словами.

Всякий чувствует, что перемены необходимы, но приступая к делу, большинство людей боязливо оберегают свои выгоды и не хотят ничего знать о переменах, поскольку они противоречат их частным интересам: они подобны расточителям, которые принуждены ограничить свои расходы, но приступая к делу, находят, что всякая статья их прежних расходов необходима. Этих людей побуждает к реформам лишь боязнь опасности, угрожающей разрушением государства, между тем как другие люди под влиянием идеи справедливости возвышаются над своими мелкими интересами и мужественно требуют политических реформ. Такова разница между "боязнью, которая принуждена", и "отвагою, которая хочет".

Недостаток этих отрывков, а может быть, и самого сочинения состоит в том, что в них не определено, какой это "виртембергский магистрат". Очевидно, под этим словом Гегель понимает не городское управление и не мир чиновников герцога, отказывающийся от всякого прогресса, а земские чины, в особенности палату депутатов и ее чиновников или официалов, адвокатов и советников и. т. п. Речь идет о полном преобразовании виртембергской конституции и ее представительной системы; инициатива реформы должна исходить от земских чинов и должна быть упрочена избирательною системою, которая дала бы избирательное право в руки независимых, просвещенных и справедливых людей. По словам Гегеля, древняя виртембергская конституция такова, что в ней "в конце концов все вертится вокруг одного человека, который ex providentia majorum соединяет в себе все власти и не дает никакой гарантии своего признания человеческих прав и уважения к ним".

При настоящем положении вещей чиновники палаты водят за нос и палату, и всю страну. Палата не обнаруживает чрезмерных притязаний; она лишь равнодушна и лишена идеи; противоположными свойствами отличаются люди, стоящие за ее спиной и говорящие, пишущие и даже думающие за нее; ее чиновники, адвокаты и советники дерзки, корыстолюбивы и своевольны. Ни один духовник не имел больше власти над совестью своей паствы, чем эти политические исповедники над чиновничьей совестью депутатов. Лишь изредка у палаты были советниками люди, имевшие голову и сердце на своем месте; такие люди, правда, вели палату на помочах, потому что она не научилась ходить самостоятельно, но они зато не тащили ее в навоз, по крайней мере сознательно и обдуманно. Советники считаются существенною частью земского строя и нередко имеют повод изменить стране ради королей. "Сама палата никогда не была притязательною. Таким характером отличались ее советники и адвокаты. Она была лишь равнодушна и бессмысленно позволяла этим рыцарям своевольные поступки под ее именем. Именно они вызвали щедрость палаты в отношении ко двору, щедрость, с которою может сравняться лишь фривольность оснований, приводимых в оправдание таких проявлений преданности. Их именно старался привлечь на свою сторону двор, в уверенности, что достигнет своей цели, если сумеет вовлечь в свои интересы адвокатов и советников"*.

---

* Rosenkranz, Hegel Leben, стр. 90-94. Ср. Naum, Vorlesung IV, стр. 5-67. прим. стр. 483-485.

Из этих отрывков видно, что Гегель хотел представительного правления в Виртемберге, преобразованного в современном духе, для ограничения наследственной монархической власти и устранения ее злоупотреблений. Когда двадцать лет спустя (1817) он выразил в печати свою оценку виртембергского спора о конституции, в котором земские чины требовали восстановления древней виртембергской конституции, он стоял на стороне короля.

Глава шестая

ГЕГЕЛЬ В ИЕНЕ. ПЕРВЫЕ ШЕСТЬ ЛЕТ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

I. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. ФИЛОСОФСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Вскоре после начала прошлого века, в январе 1801 г., Гегель, не совершив задуманной им поездки в Бамберг, переехал из Франкфурта в Иену. Здесь он оставался до марта 1807 г. и закончил первый период своей общественной деятельности в это замечательное, полное событий время.

Свою литературную деятельность он начал сочинением "О различии между системами философии Фихте и Шеллинга", тема которого очень занимала его и непосредственно вытекала из его занятий. Свою академическую деятельность он открыл сочинением об орбитах планет (*de orbitis planetarum*) на 31 году, 27 авг. 1801 г. В союзе с Шеллингом, с которым он даже жил вместе на первых порах, он издавал "Критический журнал философии" (1802 г.), который должен был служить органом их общего философского мировоззрения и решительно нападать на нефилософское мышление, пользуясь всевозможными оружием, "дубинами, кнутами и бичами", как писал шутя Гегель одному франкфуртскому другу в декабре 1801 г. Наконец, что важнее всего, он разработал в Иене первое основное сочинение своей новой системы и напечатал его под заглавием: "Система науки. Первая часть. Феноменология духа".

Он хотел также в пособие своим лекциям издать учебники логики и метафизики, а также всей системы, следовательно, учебник логики и метафизики и учебник философской энциклопедии. В своих объявлениях о лекциях он постоянно обещал, что его учебник явится через несколько недель или в текущем семестре, однако никогда не выполнял этого обещания. Его новая Логика, не как учебник, а второе основное сочинение, явилась впервые в Нюрнберге, а Энциклопедия в Гейдельберге.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ

Год, в котором Гегель прибыл в Иену и начал свою академическую деятельность, имел всемирно-историческое значение: в это время был заключен мир в Люневиле, закончивший вторую коалиционную войну и запечатлевший конец тысячелетней Римской империи германской нации (801-1801); Рейн перестал быть немецкою рекою и стал лишь границею Германии. Гегель чувствовал себя внутренне призванным применить к Германской империи и ее строю критические исследования, подобные тем, какие он написал несколько лет тому назад во Франкфурте для освещения положения Виртемберга, его основных недостатков и реформ, и выяснить причины его гибели и средства для восстановления.

Это сочинение, как и предыдущее, осталось ненапечатанным и было написано не между 1806-1808 г., как предполагал Розенкранц, а между 1801-1803 г. (следовательно, после люневильского мира и перед основным постановлением сейма), как показал Гайм. Гибель империи совершилась, но ее окончательная судьба еще не выяснилась. Это случилось лишь после установления Рейнского союза под протекторатом Наполеона и отречения римского императора Франца II (июль и август 1806 г.). Об этих событиях в сочинениях Гегеля нет речи; последний мир, о котором он упоминает, был люневильский.

Сочинение не было напечатано, очевидно, потому, что в нем не были приняты в расчет события, вскоре разразившиеся над Германией*.

---

* Розенкранц, стр. 235-246. Ср. Наум, Vorlesung IV. стр. 60-83. Прим. стр. 485-492.

Судьбу Германии, поскольку она была децентрализована и раздроблена, можно сравнить с судьбою Италии, и политические взгляды Гегеля с взглядами Макиавелли, который желал единства Италии и для осуществления этой цели требовал деятельного в политике и на войне правителя. Гегель умел ценить значение и духовное величие Макиавелли и находил, что Фридрих Великий в своем Антимаккиавелли, правда, оспаривает и отвергает основные положения итальянского государственного человека, но в своей военной политике на практике следовал им.

Основной порок Германии заключается в ее неспособности к войне и в недостатке деятельности или бессилии действовать; но причина этих зол таится вовсе не в свойствах народа, а лишь в государственном строе, в механизме целого. Германская империя есть беспомощное тело, в котором ни одно движение не происходит так, как оно должно происходить по законам. Политическое состояние Германии есть узаконенное беззаконие, так что французский писатель метко выразился о Германской империи, говоря, что это – "конститутивная анархия".

Германия формально обречена на бездеятельность своею конституцией; она парализована в том смысле, что переход от дела к мысли, от понятия к реальности невозможен, и этот паралич организован ее конституцией, так что Гегель называет Германскую империю "теоретическим государством". Он прекрасно изобразил это состояние паралича. "Делается общее постановление, которое должно быть выполнено, а в случае отказа вопрос решается судебным порядком. Если отказ не подвергается судебному разбирательству, то постановление прямо не выполняется. Если же он подвергается судебному разбору, то возможно, что отказ не будет осужден; если же отказ будет осужден, то приговор не выполняется. Однако это теоретическое решение должно быть выполнено, и наказание должно быть осуществлено. Поэтому отдается приказ принудительного выполнения его. Этот приказ опять не исполняется. Тогда должен последовать приказ против невыполняющих его, чтобы принудить их к выполнению. Этот приказ опять не имеет успеха. Тогда приходится издать декрет, чтобы наказание было применено к тем, которые не применили его к тому, кто не подчинился ему, и т. д. Сухая история рассказывает, как превращаются в фикцию ступень за ступенью, имеющие цель приводить в действие закон". Переход от понятия к реальности невозможен, так как произвол под видом какого-либо права может на всякой ступени воспрепятствовать исполнению постановлений.

После того как Лейбниц написал свое известное сочинение о безопасности Германской империи (1670 г.), в философско-политической литературе внутренние недостатки старого строя Германии нигде не были описаны так метко, как в приведенном месте. Сочинению Лейбница предшествовал рейнский союз 1658, а сочинение Гегеля предшествовало рейнскому союзу 1806 года. Характеристика Гегеля напоминает нам следующие слова Лейбница: "даже если бы все эти затруднения можно было

преодолеть, и тогда можно быть уверенным, что внешний парад затруднит ход дел и ничего существенного нельзя будет совершить"*.

---

* Ср. наст. соч. т. III (3 изд.) кн. I, гл. V, стр. 79-83, стр. 86.

Ленные или вассальные государства средневековой Германии с течением времени сделались непосредственными самостоятельными территориями империи, и когда феодализм в действительности исчез, вся империя превратилась в комплекс суверенных областей различной величины, из которых каждая обязана была поставлять свой контингент для пестрого конгломерата, носившего название имперской армии. Эти контингенты войск были чрезвычайно разнородны по числу, вооружению, военной выправке и подготовке. Одно сословие поставляло барабанщика, а другое барабан; солдаты какой-либо городской стражи, лейбгвардия какого-либо аббата и т. п. годились лишь для парада, но не были воинами, людьми с воинским чувством достоинства, которое растет и падает вместе с величием армии. Тогда как вообще значительная, готовая к войне и стройная масса солдат производит устрашающее впечатление, вид германской имперской армии наоборот производит комическое впечатление и заслуженно вызывает насмешки у друзей и врагов.

Неспособность империи к войне увеличивается еще ненадежностью больших контингентов, так как имперские чины, в силу своей власти над территорией, имеют неслыханное право заключать союзы друг с другом и даже с иностранными державами, правда под условием, чтобы эти союзы не противоречили обязанностям по отношению к императору и империи. Однако, если эти союзы даже и заключены против императора и во вред империи, нет власти, которая могла бы наказать забывших долг и принудить к выполнению его. "Что касается больших контингентов войск, империя не может рассчитывать ни на их требуемую законом силу, ни на то, что они вообще будут доставлены; мало того, она не может рассчитывать даже на то, что чины, доставившие свой контингент, во время войны и критического положения не вступят в договор о нейтралитете или мирный договор с врагом империи и не предоставят остальных своей слабости и губительному превосходству врага". "Не только в совместных предприятиях, но и в обсуждении вопросов в сейме может оказаться, что другие обязательства чинов не позволяют им принять участие в поставке контингента войск и в подвозе средств для войны".

Здоровье государства обнаруживается не только в покое мирного времени, но и в движении войны, потому что в последнем случае выказывается связь всех членов с целым, определяется, сколько намерено требовать от них государство, и чего стоит то, что они готовы сделать для него по собственному побуждению. "Так, в войне с французскою республикою Германия узнала на опыте, что она более не государство, и познакомилась со своим политическим состоянием как на войне, так и во время мира, который закончил эту войну и дал следующие осязательные результаты: потерю нескольких прекраснейших немецких стран и нескольких миллионов населения, а также бремя долга, которое упало на южные области с большею силою, чем на северные, и затянет бедствия войны на долгое время и в эпоху мира; она узнала также, что кроме государств, попавших под власть завоевателей и, следовательно, под власть чужих законов и нравов, еще многие другие государства утратили свое высшее благо – быть самостоятельными государствами"*.

---

* Ср. Розенкранц стр. 239 и 240, Гайм стр. 481 с.

Это высшее благо утрачено Германией. "Она более не государство". Вина в этом лежит на действовавшей до сих пор конституции Германии, с ее узаконенным беззаконием, с ее недостатком энергичной центральной власти, с ее "безгосударственностью" и "безденежьем". В законной концентрации военных и финансовых сил заключается первое условие возрождения Германской империи.

Своим сочинением Гегель хотел прежде всего пробудить самосознание Германии. Он хотел отчетливо довести до сознания всех, чем была и сделалась теперь Германская империя, так как правильное сознание о нашем прошлом и настоящем, о том, что мы пережили и претерпели и имеем и составляем в настоящее время, есть необходимый исходный пункт для нового лучшего времени. Я нахожу, что подобное сочинение вполне соответствовало пути и задачам философа, который писал

"Феноменологию духа". Он сам говорит следующее: "Мысли, опубликованные в этом сочинении, не могут иметь иной цели и влияния, как содействовать пониманию того, что есть, и вместе с тем более спокойному взгляду на свое положение, а также умению терпеливо переносить его, как на словах, так и в действительной жизни".

II. АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. ЛЕКЦИИ

Объявления Гегеля о лекциях, согласно иенскому обзору лекций (в университетской библиотеке сохранился лишь один экземпляр их), занимают период в тринадцать семестров: от зимы 1801-1802 до зимы 1807-1808. В семестре после битвы под Иеною (1806-1807) его имени нет. Во время семестров 1807 и 1807-1808 его уже не было в Иене, он получил отпуск и находился в Бамберге; поэтому число семестров, когда он читал лекции в Иене, сводится к десяти. Предположение Розенкранца, что он не читал лекций во время летних семестров 1802 и 1804, хотя и объявлял их, я бы не мог обосновать. В обзоре лекций не всегда указаны часы их, и нигде не определено число часов и не названы дни и недели.

Во время первых четырех семестров (1801-1803) он преподавал еще вместе с Шеллингом и даже в первом семестре объявил о философских диспутах под общим руководством, своим и Шеллинга.

Постоянною главною темою его лекций были логика и метафизика, три части системы философии и естественное право (последнее всегда по запискам). Логику и метафизику он называет здесь "умозрительною философией" в отличие от эмпирического учения о познании; как учение об идеях он называет ее "трансцендентальным идеализмом", в отличие от которого философия природы и духа называется "реальною философией". Зимой 1805-1806 Гегель в первый раз читал историю философии, а в 1807 году в первый раз объявил, что в летнем семестре будет читать логику и метафизику, предпослав им феноменологию духа на основании своего теперь явившегося в свет сочинения, однако этого курса он не читал, так как уехал из Иены.

В семестрах 1805-1806, 1806 и 1807 Гегель объявил также курсы чистой математики и читал курс арифметики по учебнику Штала и курс геометрии по учебнику Лоренца, но эти курсы он читал только во время первых двух указанных семестров. Почему Розенкранц утверждает, что эти лекции он читал только один раз, из его слов не ясно*.

В примечании я привожу объявления Гегеля о его лекциях в Иене, в той форме, как они помещены в обзоре лекций этого университета**.

---

* Сообщения Розенкранца (стр. 161 с.) следует исправить на основании приведенных данных.

** В обзоре лекций в иенском университете Гегель поместил следующие объявления от осени 1801 до Пасхи 1808.

2. ПООЩРЕНИЯ

Гете, сделавшийся "превосходительством" по случаю бракосочетания наследного принца Карла Фридриха с русскою великою княгинею Марией Павловною, благосклонно относился к Гегелю и содействовал улучшению его положения. В феврале 1805 г. герцог, покровитель иенского университета, назначил Гегеля экстраординарным профессором, а в следующем году он стал получать из Веймара ежегодное жалование в сто талеров, о чем Гете сообщил ему в дружеском письме 27 июня 1806. Жалование было, правда, очень малое, но и страна была мала, кассы были исчерпаны, ожидалась война, и герцог с большим трудом соглашался на новые расходы. "Смотрите на это, писал Гете, как на доказательство того, что я не перестал втиши заботиться о вас. Правда, я бы желал большего, но в таких случаях можно ожидать многого от будущего, если только положено начало"*.

---

* Briefe von und an Hegel, I. стр. 39.

III. ЖИЗНЬ В ИЕНЕ И ОБЩЕСТВО

1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕГРЕСС

Литературная оргия в Иене, которой опасался Гегель, уже начинала ослабевать. Братья Шлегели и Тик, эти вожди новоромантической школы, покинули Иену. Фридрих Шлегель в первый и единственный раз читал в Иене в зимнем семестре (1800-1801) лекции о трансцендентальной философии и назначении ученого; Новалис умер, Шиллер переселился в Веймар, Фихте в Берлин. Журнал *Allgemeine Litteraturzeitung*, с которым А. В. Шлегель и Шеллинг имели столько неприятных столкновений, привлеченный заманчивыми обещаниями, собирался, после восемнадцатилетней деятельности (1785-1803), под руководством Готфрида Шютца, своего основателя, перебраться в соседний прусский университет в Галле-на-Заале. В это время Гете уже задумал основать в Иене новый литературный журнал, который явился в свет 1 января 1804 под руководством Эйхштедта.

Время было неблагоприятное для Иены. Со времени печального спора об атеизме и отставки Фихте умами овладело скрытое недовольство; сюда присоединилось еще предчувствие предстоящего упадка, которому содействовало много причин. Отлив сил из Иены сделался преобладающим и превысил притягательную и сдерживающую силу, которую Иена с таким блеском обнаруживала в последние десятилетия прошлого века и вновь проявила в середине нашего века.

Значительную притягательную силою как раз в это время обладал вновь организованный в новых областях курфюршества баварского университет в Вюрцбурге, куда были приглашены осенью 1803 юрист Гуфеланд, ориенталист и теолог Паулус и Шеллинг. Незадолго до того Паулус приобрел известность в Иене тем, что на свои средства сделал первое издание собрания сочинений Спинозы. Первый том, радостно встреченный Гегелем, явился на Пасху 1802.

2. ИММАНУИЛ НИТГАММЕР

Одновременно с Паулусом и Шеллингом еще один земляк Гегеля покинул Иену, следуя призыву в Вюрцбург: Ф. И. Нитгаммер из Бейльштейна, самый верный, испытанный и услужливый друг Гегеля. Будучи экстраординарным профессором философии, он вместе с Фихте издавал "философский журнал" (1795-1797), в котором явились статьи Форберга и Фихте, вызвавшие обвинения в атеизме и преследования. Нитгаммер был вполне согласен с Фихте во всем, что касается самого этого дела, защиты и судебной ответственности, но он не соглашался с приемами Фихте, с его угрозами веймарскому правительству перед разбором дела, угрозами, которые как бы за волосы притянули выговор и отставку*.

---

* Ср. наст. соч. т. V (2 изд., юб. изд. т. VI) кн. II гл. IV. стр. 284-303.

Благодаря своей рассудительности он спокойно перенес благосклонное предостережение и сохранил свободу преподавания в полной мере: несмотря на обвинение в атеизме, он сделался впоследствии из профессора философии профессором теологии и руководителем гомилетического семинария в том же университете. Другого такого случая, пожалуй, нельзя найти в академической практике. Наконец, теперь Нитгаммер был приглашен исполнять должность евангелического главного пастора и профессора в "секции знаний, необходимых для преподавателей религии народу"; так назывался теологический факультет нового университета, основанного в этой стране, бывшей епископством.

Когда владычество Баварии в Вюрцбурге после пресбургского мира (26-го декабря 1805) на время прекратилось, Нитгаммер остался на службе в Баварии и был приглашен сначала в Бамберг в качестве "члена совета дирекции" (1805) для руководства вверенными ему делами просвещения, а затем весной 1807 он был переведен в Мюнхен, столицу нового королевства, в качестве "Centralschul- und Studienrath" (главный член школьного совета). Он жил в счастливом браке с вдовою теолога и члена церковного совета Дедерлейна; для характеристики ее достаточно заметить, что Гегель был с ней в большой дружбе, переписывался с нею и, вспоминая о ней, обыкновенно, называл ее "лучшею женщиною"*.

* Из 274 писем, оставшихся от Гегеля, 101 письмо составляет его переписку с Нитгаммером; из них Гегель написал 84, а Нитгаммер 17 (кроме того, одно письмо написано жене Нитгаммера).

3. ДОЦЕНТЫ ФИЛОСОФИИ

Несмотря на отъезд знаменитостей и уменьшение числа студентов, маленький иенский университет был еще в течение некоторого времени прямо переполнен преподавателями философии. Летом 1803 всех доцентов в этом университете было 52; из них 12 читали лекции по философии: три ординарных профессора, два экстраординарных профессора и семь приват-доцентов. Число приват-доцентов философии относилось к числу приват-доцентов философского факультета как 7:9. Зимой 1803-1804 всего было 48 доцентов; из них 12, следовательно, буквально четверть всего персонала, читали лекции по философии. Летом 1804 на философском факультете было 7 приват-доцентов, из них 6 доцентов философии. Число преподавателей философии относилось к числу всех преподавателей, как 9:42. Гегель попал в непроходимую чащу специалистов-товарищей.

Наряду с ним в это время действовали в Иене Кирстен, И. Ф. Фриз, К. Х. Краузе, И. Б. Шад, Вермерен, Ф. Аст, Г. Грубер, Г. Генрици.

Только после битвы и вследствие ее изменились эти неестественные и нездоровые отношения, перепроизводство философов прекратилось, но весь университет пришел после этого в состояние глубокого и продолжительного упадка.

4. КРУГИ ОБЩЕСТВА

Общественные отношения, непритязательные, разносторонние и интересные, какими они были в этом привлекательном городе, не потерпели продолжительного ущерба от бедствий и беспорядков этого времени. В нескольких домах, устраивавших собрания каждые две недели, именно в домах Фроманна, Кнебеля, Зебека, Гегель всегда был любимым, веселым и общительным гостем; его охотно встречали в них и всегда с удовольствием вспоминали о нем. Майор Людвиг фон Кнебель переселился в 1805 из Веймара в Иену. Физик Томас Зебек, известный своим открытием термоэлектричества и энтопических цветов, восемь лет жил в Иене (1802-1810) и подружился здесь с Гегелем. Позже они опять встретились в Нюрнберге и, наконец, в Берлине. В Иене у него родился сын Мориц (8 января 1805), заботливому и энергичному попечительству которого иенский университет обязан новым своим процветанием во второй половине этого века*.

---

* Ср. мое соч. *Erinnerungen an Moritz Seebeck* (Гейдельберг, 1886), гл. I, стр. 1-21.

IV. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И БИТВА

1. СОЧИНЕНИЕ ГЕГЕЛЯ И СПОР С ИЗДАТЕЛЕМ

Кант назвал четвертую и последнюю часть своего метафизического учения о природе или телах (учения о движении) феноменологией, так как здесь были изложены основные положения модальности движения, т. е. форм, в каких движение должно быть представляемо или как оно является: это было учение о явлениях (феноменах) движения*.

---

* Ср. наст. соч. т. V [4 изд.], кн. I, гл. I, стр. 8; гл. IV, стр. 145 с.

Главное сочинение, которое Гегель написал в Иене и надеялся уже издать в конце 1805 г., было посвящено вопросу о явлениях (не движения, а знания), о необходимых ступенях развития сознания от низшей чувственной достоверности вплоть до высшего абсолютного знания: это учение свое о формах развития или явлениях (феноменах) знания он назвал "феноменологией духа".

Это сочинение должен был напечатать и издать книгопродавец Гебгардт в Бамберге; но Гегель не следовал мудрому правилу Канта, начинавшего печатать свои сочинения лишь тогда, когда они были вполне готовы, вплоть до последней буквы написаны и переписаны. Пока Гегель еще писал

Феноменологию, это неоконченное сочинение уже начало печататься. Издатель должен был платить за лист 18 гульденов и выслать первую половину гонорара после получения всего манускрипта. Определить, как велика первая половина сочинения, еще не вполне написанного, не легко.

Печатание началось в феврале 1806 г., а в сентябре был уже напечатан 21 лист. Гегель в высшей степени нуждался в гонораре, но издатель, понизив определенное в контракте число экземпляров с 1000 на 750 и соответственно этому уменьшив гонорар, отказывался произвести уплату раньше, чем вся рукопись будет в его руках. Гегель, не доверяя честности издателя, который был в то же время книгопродавцем, просил помощи своего друга Нитгаммера в Бамберге, и этот последний заключил 29 сентября 1806 контракт, по которому он должен был купить все издание, поскольку оно было напечатано, и заплатить 12 гульденов за всякий экземпляр, если вся рукопись не будет доставлена к 18-му октября. После этого издатель уплатил гонорар за 24 листа, как за предполагаемую половину целого сочинения. Своим поручительством Нитгаммер оказал Гегелю настоящую дружескую услугу, "героическую", как выразился Гегель, желавший теперь во что бы то ни стало выполнить также свое обязательство. До 18-го октября!

"Главное, именно отправление всей рукописи непременно должно быть выполнено на этой неделе", – так писал он в понедельник 6 октября. 8 октября он послал половину рукописи, а остальная часть должна была последовать в пятницу 10 числа. "Степень моей благодарности за вашу дружескую услугу я бы мог выразить лишь тогда, если бы описал Вам, в каком затруднении я находился"... "Если бы часть этой рукописи потерялась, я бы не мог, пожалуй, помочь делу; восстановить ее было бы трудно, и в этом году сочинение не могло бы тогда явиться"*.

---

* Briefe von und an Hegel, I. стр. 66 (письмо 8 октября 1806).

2. БИТВА ПОД ИЕНОЮ

В своем письме 17 сентября Гегель выражал опасение, что, по-видимому, война, "да будет Господь с нами", разразится; напрасно он надеялся на мирное веяние "октябрьского зефира" после того, как Наполеон уже получил в Бамберге (7 октября) прусский ультиматум и написал прокламацию о войне своему войску. Теперь все пошло по-наполеоновски, т. е. с быстротой молнии. Война разразилась; она была уже не только перед воротами Иены, но и в стенах ее. 13 октября французы заняли город; сам Наполеон приехал сюда. "Я видел императора, эту мировую душу, в то время, как он проезжал по городу с целью рекогносцировки; – в самом деле, испытываешь удивительное чувство, когда видишь такое существо, сконцентрированное здесь в одном пункте, сидящее на лошади и в то же время повелевающее и управляющее миром". "Такие успехи в течение времени от четверга до понедельника возможны лишь для этого необыкновенного человека, которому нельзя не удивляться". В 11 часов ночи Гегель видел из своей квартиры на всей площади огни французских батальонов, а перед собою последнюю часть рукописи Феноменологии.

18 октября Гете отправил циркулярное послание друзьям в Иену, чтобы узнать, как им живется, и что они перенесли в дни битвы. Один из его адресов был такой: "господину профессору Гегелю в старой фехтовальной зале". Гегель принадлежал к числу ограбленных и до такой степени нуждался в деньгах, что Гете поручил Кнебелю дать ему "до десяти талеров" (28 октября).

Наконец, 20 октября он мог послать в Бамберг остальную часть рукописи, последние несколько листов, которые он носил с собою в кармане после ночи тринадцатого числа. В январе 1807 было написано предисловие. Посылая свое сочинение другу Шеллингу в Мюнхен (1 мая 1807), он сделал в письме следующее замечание: "Большую беспорядочность последних глав пусть припишет твоя снисходительность между прочим тому обстоятельству, что я окончил редакцию их в полночь перед битвою под Иеною"*.

---

* Там же, I, стр. 71 и 202.

Одним поколением позже Ф. Капп написал небольшое сочинение* "Гегель, как директор гимназии", начав его словами: "Во время грохота битвы под Иеною Гегель закончил свою Феноменологию духа. Нередко встречающееся указание на этот факт считают напыщенным. Однако

мы начинаем им свое изложение" и т. д. И в самом деле, это часто повторяемое указание следует считать не только напыщенным, но и ложным. Настолько театральна эта фраза, настолько же непредставим этот факт. Мы описываем события так, как они происходили в действительности.

---

* Минден, 1835.

3. ПЕРВОЕ РАЗНОГЛАСИЕ МЕЖДУ ШЕЛЛИНГОМ И ГЕГЕЛЕМ

Шеллинг возлагал большие надежды на это сочинение, пока причислял Гегеля к своим, т. е. к толпе своих последователей. "Твоего наконец явившегося сочинения", – писал он 11 января 1807, – "я напряженно ожидал. Что должно получиться, если твоя зрелость не торопится еще давать плоды! Я желаю тебе лишь спокойного положения и досуга для выполнения таких основательных и как бы сверхвременных произведений". Когда он получил это сочинение и начал его читать, – он не пошел дальше предисловия, – он ответил Гегелю спустя полгода, очевидно раздраженный и недовольный мнением о своих поклонниках, высказанным в предисловии. Этим письмом 2 ноября 1807 закончилась переписка между Шеллингом и Гегелем, а также и дружба со стороны Шеллинга*. После этого Гегель и Шеллинг, бывшие друзьями в Тюбингене и Иене, виделись всего два раза: в октябре 1812 в Нюрнберге и 3 сентября 1829 в Карлсбаде**.

---

* Briefe von und an Hegel, I, стр. 102 и 103 прим. (Бамберг 1 мая 1807). Ср. наст. соч. т. VI (2. изд.) кн. I, гл. XI. стр. 145 и 146.

** Там же, кн. I, гл. XVI, стр. 215 с. Briefe von und an Hegel, I, стр. 350 [Письмо к Нитгаммеру 23 октября 1812] II, стр. 326 [письмо Гегеля к своей жене из Карлсбада 3 сентября 1829]. Какого мнения был Гегель о первой жене Шеллинга [Каролине], видно из одного места его письма к Нитгаммеру 4 октября 1809. Briefe, I, стр. 248. Такие женщины были не в его вкусе.

V. ПЛАНЫ НОВОЙ ЖИЗНИ

1. ПИСЬМО К И. Г. ФОССУ

После несчастной битвы Гегель принужден был подумывать о перемене своего положения. Его маленькое состояние было давно уже истрачено, а доходы от сочинений, лекций и жалование были слишком незначительны, чтобы можно было жить на них. Университет стал приходить в упадок, число студентов уменьшилось, город и страна бедствовали от войны. Пруссия, обессиленная, растерзанная, подавленная долгами от войны, изнывала под бременем тильзитского мира (июль 1807), тогда как союзные рейнские государства Бавария, Виртемберг, Саксония и новое курфюршество Баден под покровительством Наполеона процветали.

На новое курфюршество Гегель стал возлагать свои надежды уже перед битвою; он надеялся на получение кафедры в гейдельбергском университете, который был некогда основан курфюрстом Рупрехтом пфальцским (1386 г.) и теперь был возобновлен курфюрстом Карлом Фридрихом баденским под именем "Ruperto-Carola" (1803).

Желая получить кафедру в Гейдельберге, Гегель написал И. Г. Фосу, который жил в 1802-1805 в Иене, а теперь, по приглашению Карла Фридриха, поселился в Гейдельберге, получая здесь пенсию, как некогда Клопшток в Карлсруэ. В письме Гегеля была фраза, нашедшая хороший прием у Фоса. Как Лютер заставил Библию, а Фос Гомера говорить по-немецки, так и он, Гегель, не ставя, однако, себя в одну линию с такими предшественниками, сделал, по его словам, попытку ввести немецкий язык в философскую речь. Фос тотчас же поговорил с чиновником правительства (фон Рейценштейном), которому были поручены дела нового университета, но этот чиновник с сожалением заявил, что касса университета должна ограничиваться настоятельными потребностями; вероятно, вопрос о замещении кафедры философии уже был решен.

"Благослови, Господи, Ваше намерение", – заметил, Фос в своем ответном письме, – "низвести философию с облаков для дружеского общения с людьми, говорящими удобопонятною речью. Мне кажется, что глубокое понимание и чувство возможно лишь в связи с близким нам родным языком, и

что наш богатый первобытный язык обладает формами для выражения свободнейших и тончайших движений духа, или, по крайней мере, он настолько гибок, чтобы создать эти формы. Олимпиец сделал бы больше чудес, придя в виде пастуха, чем путем сверхчеловеческих явлений"*.

---

* Briefe von und an Hegel, I, стр. 57 [письмо 24 августа 1805 г.).

Из товарищей Гегеля по специальности, которых, как мы уже говорили было слишком много, выделялись двое, приобретшие своею позднейшею деятельностью имя и создавшие школу: Я. Ф. Фриз из Барби и К. Х. Ф. Краузе из Эйзенберга*. Фриз, сторонник школы Канта, был упорным противником метафизического и монистического направления, получившего начало в лице Рейнгольда и достигшего вслед затем расцвета в учении Фихте и Шеллинга; в 1805 году он был приглашен в Гейдельберг, куда желал переселиться и Гегель. Краузе, сделавшись уже на 21 году приват-доцентом (1802), будучи сторонником направления, руководящегося принципом тождества, носился с пантеистическою системою и хотел ввести в философию новые немецкие выражения, в высшей степени неуклюжие и нецелесообразные. Нитгаммер называл его "aufgeblasene Krause"**. Он перебрался потом в Дрезден.

---

* Ср. наст. соч. т. V (4 изд.), кн. IV, гл. V, стр. 630 с., 637.

** "Briefe von und an Hegel", I. стр. 48 и 56. Письмо Нитгаммера из Вюрцбурга, 19 декабря 1804. Письмо Гегеля из Иены 4 марта 1805.

2. ПРИГЛАШЕНИЕ В БАМБЕРГ

Тогда Гегель обратил внимание на Баварию, отыскивая подходящую для себя кафедры. Однако Вюрцбург в это время уже более не принадлежал Баварии, а Эрланген еще не сделался баварским городом; в Мюнхене еще не было университета, так что в это время в Баварии был университет лишь в Ландсгуте, с которым с 1800 года был соединен ингольштадтский университет. Но здесь для Гегеля не было вакантного места; поэтому ему пришлось на время оставить надежды на профессию и обратиться к журналистике. Охотнее всего он основал бы в Мюнхене критический журнал немецкой литературы, в особенности опираясь на вновь основанную в этом городе королевскую академию наук, президентом которой был Якоби и одним из влиятельных членов Шеллинг; однако сам Шеллинг отговорил Гегеля от этого плана и указал ему на возможность неблагоприятного влияния Якоби.

Тогда дружеская, всегда готовая помочь рука Нитгаммера открыла Гегелю доступ к публицистической деятельности более или менее желательного и подходящего характера. В Бамберге нужен был редактор для газеты, которая принадлежала частному лицу, находилась под надзором местного правительства и редактировалась сначала французским эмигрантом, приехавшим с маршалом Даву; затем она попала в неловкие руки профессора Тейбера (Täuber), который распугал, а не привлек подписчиков. Тайный советник Баяр поручил редакцию самому Нитгаммеру, но он, обремененный делами, как член совета дирекций, отклонил это предложение и рекомендовал своего друга Гегеля. Баяр, светлый и подвижный ум, тотчас согласился, быстро устранил с пути несколько встретившихся препятствий и сам редактировал газету, пока Гегель не приехал из Иены. Еще до его приезда Нитгаммер был переведен в Мюнхен главным членом совета министерства, благодаря чему круг его деятельности значительно расширился и распространился на все новобаварское королевство. Гегель писал ему в Мюнхен словами распятого разбойника: "Помяни меня, Господи, когда приидешь в царствие твое"*.

---

* Там же, I. стр. 61 (письмо 6 августа 1806). Ср. стр. 145 (письмо 23 дек. 1807). Ср. стр. 83-89 (письма 16 и 20 февр. 1807).

Глава седьмая ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕГЕЛЯ В БАВАРИИ. – ЖЕНИТЬБА ГЕГЕЛЯ

I. БАМБЕРГСКАЯ ГАЗЕТА

1. РЕДАКТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В ответ на предложение Нитгаммера Гегель тотчас же заявил, что деятельность редактора интересует его, так как он всегда со вниманием следит за мировыми событиями. Он прибыл в Бамберг в марте 1807 и оставался до конца ноября 1808, следовательно, несколько более полутора лет. В течение первого года (от Пасхи 1807 до Пасхи 1808) он считался иенским профессором, находящимся в отпуске, и все это время получал оттуда жалование. Когда редактор и издатель стали делить между собою пополам прибыль от газеты, то доходы Гегеля в Бамберге дошли до 1300-1400 гульденов ежегодно.

Газета "Bamberger Zeitung mit Königlich-allernädigster Freiheit" печаталась на непроклеенной бумаге форматом in quarto и выходила ежедневно в объеме полулиста, состоя из восьми страниц, из которых последняя и частью предпоследняя были заняты местною хроникой и объявлениями, напечатанными петитом. Имена издателя и редактора не были указаны; так называемых руководящих статей, можно сказать, вовсе не было, выдающиеся события, которыми то время было чересчур богато, перепечатывались из других газет, в краткой форме, сопоставленные в порядке, удобном для обозрения. Одним из главных источников служил "Парижский вестник". Лишь в одном месте можно заметить, что редактором был философ: в сообщении об одном фокуснике, обладавшем замечательною памятью и угощавшем своими фокусами парижскую публику, в оценке этой мнемотехники, которая была бы признаком помешательства, если бы проявлялась не с намерением и в шутку, а бессознательно и как бы в естественной жизни духа*.

---

* Bamberger Zeitung, No 16, 19 марта. Ср. Haym, Vorlesung XII, стр. 270 с., стр. 505.

2. МИРОВЫЕ СОБЫТИЯ

В описываемую эпоху Наполеон создал уже мировую державу: он достиг полноты и высоты своей власти, но еще не высшей точки ее. Победоносная война с Россией и Пруссией (1806-1807) не была еще закончена; победоносная война против Австрии (1809) не была еще начата. Наполеон, как французский император и король Италии, как протектор Рейнского союза (с 12 июля 1806) стоял во главе мира. Священная Римская империя германской нации погибла (6 августа 1806). Непримируемая война на жизнь и смерть между Францией и Англией еще продолжалась.

Перед читателем, перелистывающим бамбергскую газету за 1807 и 1808 год, пронесится множество необыкновенных, потрясающих мир событий: битва при Эйлау (7 февр. 1807), занятие Данцига Лэфевром (21 мая 1807), битва при Фридланде (14 июня 1807), мир в Тильзите (июль 1807), со стороны побежденных признание великого герцогства Варшавского, королевства Саксонского, нового французского королевства Вестфальского под управлением Иеронима Наполеона, нового французского королевства Баварского под управлением Людовика Наполеона, протектората над Рейнским союзом; далее следуют континентальная система, французская экспедиция в Португалию под начальством Жюно, низложение браганцкой династии в Португалии, английская экспедиция в Копенгаген, бомбардировка этого города, выдача датского флота (сентябрь 1807), спор из-за трона в Испании между отцом и сыном, Карлом IV и Фердинандом VII (принцем Астурийским), низложение династии Бурбонов в Испании, новое испанское королевство под управлением Иосифа Наполеона, франко-английская война на Пиренейском полуострове, французская война в Испании с восставшим испанским народом (здесь был зародыш гибели Наполеона, предчувствуемой также и им самим), созванный Наполеоном конгресс государей в Эрфурте, на котором правители Рейнского союза с королями Баварии, Виртемберга и Саксонии во главе столпились вокруг императора французского и русского в октябре 1808, блестящие празднества в Веймаре, беседы Наполеона с Гете и Виландом, – все события самого поразительного и интересного характера; Гегель получал о них восторженные сообщения от Кнебеля, как очевидца*. Император австрийский не был приглашен и не явился. Недовольство Наполеоном возрастало в Вене и привело к войне 1809 года, которая возвела Наполеона на вершину его могущества.

Хотя газета, с внешней стороны и с современной точки зрения, имеет совсем печальный вид, тем не менее характер и содержание ее известий может приковать и современного читателя. С напряженным интересом следишь, перелистывая номер за номером, за важными событиями, например за семейным спором в Испании из-за трона, изображенным во всей полноте, начиная с восстания черни в Аранжуэце, заточения "князя мира", прибытия Наполеона в Байонну и кончая низложением Бурбона и основанием нового королевства под управлением Иосифа Бонапарта, со всеми сценами, разыгравшимися в Аранжуэце, Мадриде и замке Маррак**.

---

* Briefe von und an Hegel, I. стр. 184-186, стр. 187-190 (письма 28 сент. и 7 окт. 1808). Ср. Bamb. Zeitung, 1808. No 277-295 (от 3 до 21 окт. 1808).

** Bamberger Zeitung, начиная с No 98 (17 апреля 1807 до 19 марта 1808), ряд описаний событий в Испании. Деятельность Гегеля продолжалась до начала бюллетеней из армии в Испании. No 330-333 (1808).

Редактора газеты нельзя серьезно упрекать в том, что он, живя в Бамберге, среди только что созданного Наполеоном королевства, к тому же и сам удивляясь Наполеону, как военному и политическому гению, как полководцу, государственному человеку и законодателю, "великому парижскому учителю государственного права", не громил в патриотических речах владычества чужеземцев. Ни время, ни газета, ни редактор не подходили для этой цели. Одно слово против Наполеона, и газета была бы закрыта. Настроение 1807 и 1808 г.г. было далеко от течения, достигнувшего господства и победившего в 1813, 1814 и 1815 г.г.

3. УГРОЖАЮЩИЙ КОНФЛИКТ

Гегель случайно познакомился в достаточной мере со строгостью надзора над прессою в Баварском королевстве. В одной статье "Мюнхен, 13 августа" он сообщил известие, что на основании королевского декрета баварская армия с ее тремя дивизиями должна получить место для упражнений у Платтлинга, Аугсбурга и Нюрнберга*. Это известие было уже напечатано в других газетах. Случайно Гегелю попала в руки часть копии с королевского декрета, и ради точности он поместил ее в статью. Тотчас же министерство объявило ему, что закроет на время газету (это было равносильно разорению издателя и редактора), если он не назовет военного, сообщившего ему копию. Гегель попал в самое затруднительное положение и писал Нитгаммеру: "Так как в таких случаях необходима быстрая помощь, то я не нахожу иного средства, как ехать в Мюнхен и лично молить о прощении"***.

Он был уже в Нюрнберге, когда узнал, что бамбергская газета внезапно запрещена и станки опечатаны; эту меру он принял за результат недавно полученной угрозы и опять пришел в сильное беспокойство, пока не убедился, что между этими двумя происшествиями не было связи***.

---

* Там же, No 232 (19 августа 1808).

** Briefe von und an Hegel, I. стр. 183 (письмо 25 сент. 1808).

*** Там же, стр. 220 с. (письмо к Нитгаммеру 20 февр. 1809).

II. ПЕРЕХОД К НОВОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. ГАЗЕТА-ГАЛЕРЕА

Независимость мертвеца, которою мог пользоваться редактор газеты в баварском провинциальном городе, вовсе не соответствовала настроению Гегеля, так как он, подобно своему учению, был слишком увлечен идеей государства, чтобы находить удовлетворение в работе, не входящей в строй общественных интересов и не способной вмешиваться в жизнь целого своим содействием и руководством. Вскоре он начал вздыхать по поводу "газетного ярма" и работы в "газете-галере". Уже 30 мая 1807 он писал Нитгаммеру: "эту работу нельзя считать солидным предприятием". "Как ни привлекательна обособленность и независимость, тем не менее всякая деятельность должна стоять в связи с государством и заключаться в работе для него. Удовлетворение, доставляемое, по мнению

некоторых людей, частною жизнью, все же обманчиво и недостаточно"* . Год спустя он писал: "Пребывание в провинциальном городе всегда можно рассматривать, как ссылку в изгнание, даже если сам человек устроил себе эту ссылку. Только университет, делающий себя высшим центром деятельности и интересов, может соперничать со столицею и сам быть столицею"**.

---

* Там же, стр. 112.

** Там же, стр. 169 (письмо 20 мая 1808).

2. НЮРНБЕРГ, АЛЬТОРФ, ЭРЛАНГЕН

Гегель страстно желал попасть в баварский университет. На основании договоров Рейнского союза (12 июля 1806), область древнего и славного имперского города Нюрнберга с входящим в нее университетом в Альторфе была включена в королевство Баварское. В 1809 университет в Альторфе был закрыт и соединен с эрлангенским.

Княжество Байреит с принадлежащим ему университетом в Эрлангене, находившееся с 1791 до 1805 под прусским, и с 1806 до 1810 под французским управлением, также было присоединено к баварскому королевству (29 июня 1810). Королевский декрет 2 ноября 1810 возвещал, что отныне баварское королевство должно иметь два полных университета: в Ландсгуте и в Эрлангене. Первый был католическим, а второй протестантским. С этих пор мечты Гегеля сосредоточились на кафедре философии в Эрлангенском университете. Однако эта цель была еще далека и в 1808 году не могла еще даже явиться.

Уже в Бамберге он мечтал о протестантском университете. "Итак, дорогой друг", – писал он 23 декабря 1807 Нитгаммеру, – "Вы наверное еще получите или устроите для нас более или менее протестантский университет и тогда, в этом своем царстве, вспомните обо мне! Не оставляйте меня здесь, у этой газеты"*.

---

* Там же, стр. 145. Ср. наст. соч. выше гл. VI. стр. 77.

3. НОВЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ПЛАН

Нитгаммер, как главный член школьного совета в Мюнхене и влиятельный член "секции для управления общественными учебными и воспитательными учреждениями", выработал новый школьный план, который по королевскому эдикту 3 ноября 1808 приобрел силу закона и был объявлен в соответствующих учреждениях, как "общая норма для устройства общественных учебных заведений". Его называли даже нитгаммеровским школьным планом.

Соответственно этому плану обучение должно было начинаться с элементарных школ, т. е. двухклассных первоначальных школ, продолжаться прогимназиями и реальными школами, а затем гимназиями и реальными институтами, так что лицеи заняли положение между гимназиями и университетом, не будучи необходимою промежуточною ступенью.

Задачею гимназии, по этому плану, было изучение языков, а задачею реальных институтов (их было два: в Нюрнберге и в Аугсбурге) изучение природы; философское преподавание должно было в гимназии служить "введением в умозрительное изучение идей", а в реальных институтах "созерцательным изучением идей". Таким образом философия получала необыкновенное педагогическое значение. В каждом из четырех классов гимназии (низший класс, низший средний класс, высший средний класс, высший класс) преподавание философии, занимавшее еженедельно четыре часа, распределялось таким образом, что в низшем классе (*Untersecunda*) должны были изучаться логика, а также учение о праве и долге, в низшем среднем классе (*Obersecunda*) космология и естественная теология, в высшем среднем классе (*Unterprima*) психология и этика, и в высшем классе (*Oberprima*) философская энциклопедия. Основую всего преподавания в гимназии оставалось изучение древних языков и литературы*. Свои педагогические взгляды Нитгаммер изложил также публично в сочинении: "Спор филантропинизма и гуманизма". Он оценил в этом сочинении два противоположных направления в педагогике, называемых теперь реалистическим и гуманитарным,

взвесил их права и требовал, чтобы гимназия во всем своем объеме была посвящена гуманитарному образованию**.

---

* Briefe von und an Hegel, I, стр. 204-207.

** Заглавие этого чрезвычайно расхваливаемого Гегелем сочинения, под которым Нитгаммер подписался со всеми своими титулами, было таково: *Der Streit des Philanthropinismus und Humanismus in der Theorie des Erziehungs-Unterrichts unsrer Zeit, dargestellt von F. I. Niethammer, der phil. und theol. Doct., der Kцnigl. Akademie der Wissenschaften zu Mьnchen ausserordentl. Unthl., Bayerisch. Central-Schul- und Studien-Rath bei dem Geh. Minist. des Innern. Iena bei. Fried. Fromman. 1808.*

III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕГЕЛЯ В НЮРНБЕРГСКОЙ ГИМНАЗИИ

1. ДОЛЖНОСТЬ ДИРЕКТОРА И ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В ЖИЗНИ

Общий школьный план еще не был обнародован, когда Нитгаммер 26 октября 1808 уже писал своему другу в Бамберг: "я должен сообщить Вам, что Вы назначены преподавателем философских пропедевтических наук и вместе с тем директором гимназии в Нюрнберге, и что желательно, чтобы Вы уже в начале или самое позднее в середине следующей недели прибыли в Нюрнберг, где Ваше присутствие будет настоятельно необходимо".*

Гегель чувствовал себя чрезвычайно очастливленным и удовлетворенным этим допущением к активной государственной деятельности, этим назначением на философскую и педагогическую учебную и административную должность. В то же время его глубоко тронуло это новое доказательство привязанности и дружеского отношения со стороны Нитгаммера, так как он принадлежал к числу тех характеров, которых благодарность не тяготит, а возвышает, которые охотно и радостно выражают это чувство. "Любовь моих друзей ко мне, которая наряду с моею наукою или даже одна, если наука не может играть этой роли, составляет счастье моей жизни, я буду стараться сохранить, но свое счастье в остальном я предоставлю и доверю времени и своему сердцу, помимо тех из обстоятельств, которые не обладают властною силою"**.

В его жизни наступил поворотный пункт. Ему казалось, что судьба как бы исполнила свой долг к нему. Тем, что судьба уплатила ему долг, он обязан был тому же испытанному другу, благодаря которому некогда и издатель Феноменологии уплатил ему свой долг. "Я не могу здесь выразить всего моего чувства удовлетворения; сегодня я вступаю в то положение, в котором не приходится более требовать от судьбы ничего, чтобы выполнять то, что можешь, а также не приходится возлагать на нее вину в том, чего не удалось бы сделать. Вы этот мой творец, а я Ваше творение, которое будет соответствовать Вашему делу своими чувствами и также делами, если захочет Бог, т. е. теперь уже я, а я именно хочу этого"***.

---

* Briefe von und an Hegel, I, стр. 191 с.

** Там же, I, стр. 195 (письмо 28 окт. 1808).

*** Там же, стр. 195 и 196 (письмо 29 окт. 1808).

2. ДОЛЖНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕДЫ

Ближайшим начальником Гегеля в 1808-1810 был, как школьный советник пегницкого округа (окружной школьный советник в Нюрнберге), профессор Паулус, с которым Гегель был в дружеских отношениях и хорошо познакомился еще в Иене и Бамберге. Позже, сохраняя ту же должность, он был перемещен в Ансбах (1810), а затем в том же году получил должность профессора теологии и философии в новобаденском университете в Гейдельберге.

Новая должность в Нюрнберге принесла с собой в течение первых лет много бед и неприятностей. Вознаграждение было на одну треть меньше, чем доходы в Бамберге. Как преподаватель, Гегель получал ежегодно 900 гульденов, а как директор 100 гульденов с казенною квартирою; непонятным и неприличным образом последнее условие было истолковано в том смысле, будто бы директор должен получать сто гульденов или казенную квартиру; однако Гегель решил в таком случае отказаться от

должности директора*. Финансы были так расстроены, что уплата жалования всегда запаздывала, и Гегель нередко не в состоянии был покрывать расходы своей ежедневной жизни. В гимназии не было педеля, писца; поставщики учебников продавали книги дороже других книжных магазинов! Помещения школы находились в самом жалком состоянии, и без всякой защиты от лучей солнца; наконец, всего невыносимее и позорнее было то, что в гимназии, а также в обеих первоначальных школах в Нюрнберге (в школе Себальда и Лоренца) не было никаких приспособлений для стока нечистот, на что Гегель постоянно принужден был резко и настойчиво жаловаться в своих письмах к Нитгаммеру**.

---

* Там же, стр. 217 (письмо 12 февр. 1809).

** Там же, стр. 216-218.

3. ЛОГИКА И ПРОПЕДЕВТИКА. РЕЧИ ДИРЕКТОРА

Занятия начались в новобаварской гимназии в Нюрнберге 12 декабря 1808. Постепенно все выровнялось, и жизнь пошла правильным спокойным ходом. Восемилетняя деятельность Гегеля в должности преподавателя и директора гимназии Эгидия в Нюрнберге составляет в его жизни плодотворный и счастливый период, полный труда*.

---

* Первое письмо из Нюрнберга относится к 14 декабря 1808, а последнее к 16 окт. 1816.

Феноменология духа явилась в качестве "первой части системы науки" и изображала развитие сознания от низших зачатков вплоть до истинного или "абсолютного знания". Теперь должна была явиться, как вторая часть, система абсолютного знания, основой которой и в свою очередь первой частью была логика. Это была новая логика, составляющая в истории этой науки эпоху. Первая эпоха создана Аристотелем, вторая Кантом, а третья Гегелем. Как Феноменология относится к иенскому периоду, так Логика к нюрнбергскому: первые две ее части явились в 1812, а третья и последняя в 1816.

Как преподаватель философских пропедевтических наук, Гегель, несколько отступая от нормального плана, давал в низшем классе уроки о праве и обязанностях (включая политические и религиозные обязанности), в среднем классе уроки по феноменологии и логике, и в высшем классе — по философской энциклопедии. На основании собственных его тетрадей и записок под диктовку, а также устных разъяснений его, эта "Философская пропедевтика", возникшая в 1809-1811, была издана Розенкранцем, как XVIII том сочинений Гегеля (1840). Логика встречается здесь два раза: 1. как предмет преподавания в среднем классе и 2. как первая часть философской энциклопедии, составляющей предмет преподавания в высшем классе; поэтому она занимает большую часть пропедевтики (80 страниц из 205) и также и в этом отношении соответствует характеру нюрнбергского периода.

Уже в Бамберге Нитгаммер побуждал его написать учебник логики, и в то же время хотел доставить ему место преподавателя религии в семинарии этого города. Однако между пантеистическими идеями о Боге и религии, которые Гегель высказывал в Швейцарии, а потом логически развил, и учением о религии в духе протестантской семинарии в Бамберге, был такой резкий контраст, что Гегель, при мысли о соединении этих двух деятельностей, испытывал комический страх и отклонил предложение. "Преподавать теологию и писать логику это значило бы, как Вы хорошо знаете, быть белильщиком и вместе с тем трубочистом, пить минеральную воду для очищения желудка и вместе с тем бургонское вино. Я, много лет проживший на свободной скале, в гнезде у орла, и привыкший дышать чистым горным воздухом, принужден был бы теперь учиться передавать трупы умерших или (современных) мертворожденных мыслей и прозябать в спертom воздухе пустой болтовни. В университете я бы охотно преподавал теологию и, позанявшись несколько лет философскими лекциями, сделал бы это, но преподавать а) учение о религии века просвещения, б) в школах, в) в Баварии, д) в ожидании притязаний ко мне здешней христианско-протестантской церкви, эта — мысль потрясает все мои нервы, как если бы христианская церковь была гальванической батареей е, з, и т. д. Господи, да минет меня чаша сия!"*

В нюрнбергской пропедевтике Гегеля логика и учение о религии вполне согласуются друг с другом и находятся в тесной связи. Как это видно из отчета гимназии за 1812 год, Гегель в каждом из трех классов давал не четыре урока по философии, а три урока и, кроме того, один час посвящал учению о религии**.

---

* Там же, I, стр. 138 (Бамберг, ноябрь 1807).

** Там же, I, стр. 330. прим.

Прекрасным памятником управления Гегеля гимназией служат его пять директорских речей, произнесенных им во время акта в конце школьного года: 29 сентября 1809, 14 сентября 1810, 2 сентября 1811, 2 сентября 1813, 30 августа 1815*. Первая из этих речей освещает задачу и значение гуманитарной школы с такою замечательною ясностью, что мы приведем для наших читателей некоторые места из нее, тем более, что они обрисовывают образ мыслей оратора. "Дух и цель нашего учреждения состоит в подготовке к научным занятиям, и притом в подготовке, основанной на знакомстве с греками и римлянами. В течение нескольких тысячелетий это та почва, на которой возникает всякая культура, из которой она вырастает, находясь с нею в постоянной связи.

Как естественные организмы, растения и животные сопротивляются тяжести, хотя и не могут покинуть этого элемента своей сущности, так и всякое искусство и наука поднялись из этой почвы и, хотя стали самостоятельными, не освободились от воспоминания о древнем просвещении. Как Антей обновлял свои силы соприкосновением с матерью-землею, точно так же и всякий новый расцвет и возрастание науки и просвещения возникает путем обращения к древности". "Если допустить, что вообще следует исходить из прекрасных образцов, то для высшего образования основой должна быть и оставаться главным образом литература греков, а затем также римлян. Совершенство и красота этих мастерских творений должны быть духовною купелью, крещением для непосвященных, дающим душе неизгладимый отпечаток ж сообщающим вкус к искусству и науке. Для этого посвящения недостаточно общего внешнего знакомства с древними, мы должны сродниться с ними, чтобы впитать в себя их воздух, представления, нравы, даже, если угодно, их заблуждения и предрассудки и стать членами этого мира – прекраснейшего из всего, что когда-либо существовало. Если первый рай был раем человеческой природы, то этот второй высший рай есть рай человеческого духа, выступающего в своей прекрасной естественности, свободе, глубине и ясности, как невеста из своих покоев. Первобытное дикое великолепие его восхода на востоке получило новое выражение в прелестных формах и смягчилось до степени красоты. Здесь его глубина выражается уже не в беспорядочном хаосе, меланхолии и высокомерии, а в непринужденной чистоте; его ясность не есть ребяческое веселие, она стоит над скорбью, которая знает суровость судьбы, однако не лишается вследствие нее свободы и гармонии. Я думаю, я не впаду в преувеличение, если скажу, что человек, не знающий творений древних, прожил, не зная красоты"***.

---

* Vermishte Schriften, т. I (т. XVI в собр. соч.), стр. 131-199.

** Там же, стр. 135, 138 и 139. Ср. письмо к Нитгаммеру.

В своем первом письме из Нюрнберга, познакомившись со школьным планом Нитгаммера и выраженной в нем оценкою классицизма, Гегель высказывал Нитгаммеру следующее: "Я выражаю Вам свою благодарность не только за целое, но и в особенности за высокую оценку изучения Греции; да будете вы трижды, семь и девять раз прославлены за это, а также за отрицательную услугу, состоящую в уничтожении всяких забавок, вроде технологии, экономии, ловли бабочек и т. д., точно так же и за мудрое распределение классов и т. п., и за то, что Вы не отвели эти предметы в реальное отделение, а установили в нем такое же основательное усвоение настоящих, т. е. научных реальных знаний"***.

Об отношениях Гегеля, как директора и учителя, к ученикам интересные сведения сообщает в письме к Гайму один из первых учеников его, Лохнер, сделавшийся впоследствии директором этой же гимназии. Мы передадим эти сведения также своим читателям. В отношении к ученикам Гегель умел соединять серьезность и достоинство с участливым дружеским расположением и умением входить в обстоятельства каждого, помогая советами. Согласно традициям, ученики обучались в гимназии

верховой езде, наездничеству и фехтованию; вместе с портфелями и книгами они приносили в школу также рапиры и фехтовали между уроками на дворе, в коридорах и классах. Таким образом преждевременно усваивались студенческие нравы, которые приводили, в конце концов, к дуэлям с опасным исходом. Еще в последний год управления Гегеля гимназией приходилось энергично бороться с этим бесчинством запрещениями и наказаниями. Когда постановлялось какое-либо решение, Гегель со всею строгостью настаивал на выполнении его. В 1812 году один учитель танцев с позволения директора предложил ученикам гимназии свои услуги, и почти все подписались на его уроки. Затем многие отказались от своего желания без достаточных оснований и послали Лохнера и еще одного товарища к Гегелю просить освобождения от этих занятий. "Однако как он напустился на нас! Не помню уж, как мы сошли с лестницы. Очевидно, он хотел, чтобы гарантированный нами доход этого человека не был уменьшен, и нам пришлось танцевать до конца лета"**.

---

* Briefe von und an Hegel, I, стр. 211 с. (письмо 14 дек. 1808).

** Haym, Vorlesungen, т. XII, стр. 276, прим. стр. 505 и 506.

IV. ЖЕНИТЬБА ГЕГЕЛЯ

1. ВОПРОС О СЕМЕЙНОМ СЧАСТИИ

Когда Гегель приехал в Нюрнберг ему было уже 38 лет, но мы нигде еще не встречали серьезного намека на желание распрощаться с жизнью холостяка. Он вовсе не был от природы склонен к жизни старого холостяка, однако он имел глубоко продуманное и правильное представление о сущности и достоинстве совместной жизни в браке, о необходимости взаимного удовлетворения, и сомневался, что способен быть счастливым и создать чужое счастье в брачном союзе. Его философское призвание тяготело на его душе; ему приходилось бороться с идеями и выражением их; как Моисей, он имел тяжелый язык и тяжелую речь и, обыкновенно, говорил, что Бог в наказание создал его философом. Находясь под влиянием таких интеллектуальных беспокойств и мучений, он естественно сомневался в том, создан ли он для чистого житейского счастья, в особенности для взаимного счастья в семейной жизни.

Гегель был вполне свободен от дурных и злых аффектов, этих тиранов человеческой природы и губителей человеческого счастья. В нем никогда не пробуждались недоброжелательство и зависть, высокомерие и честолюбие, суетность, самомнение и лживость. Зато он мог оценивать суету человеческой жизни в больших и малых размерах без всякого ослепления, без всякой горечи, всегда с оттенком шутки и юмора. Этот человек, по существу рассудительный и честный, умеющий жить и в то же время совершенно естественный, простой и открытый, согласно своей швабской натуре и даже языку, возвышенный, общительный и веселый, несмотря на некоторую внешнюю угрюмость, которая всегда была присуща ему, в самом деле был очень привлекательной и интересной личностью для тех, кто умел его ценить и чувствовать внутреннюю сущность его глубокой природы.

2. МАРИЯ ФОН ТУХЕР

Значительность, я готов даже сказать обворожительность, этого человека поняла Мария фон Тухер, девушка, происходившая из известного дворянского рода древнего имперского города Нюрнберга. Ее отец, И. В. Карл барон Тухер фон Зиммельсдорф, был сенатором имперского города, а ее мать Сусанна, урожденная баронесса Галлер фон Галлерштейн, была дочерью имперского старосты, первого должностного лица в Нюрнберге. Мария фон Тухер, родившаяся 17 марта 1791 года, была старшей из семи сестер в семье.

Мы не знаем истории, предшествовавшей их обручению. Оно состоялось после продолжительного знакомства в апреле 1811 и было восторженно воспето Гегелем в стихотворениях, привлекающих нас не легкостью и звучностью стиха, а глубиной чувства*.

---

* Розенкранц приводит два стихотворения, написанные 13 и 17 апреля 1811, и предполагает, что обручение состоялось между этими числами (стр. 260-262).

Во время дружеского обмена мыслей также и в душе невесты возникали иногда сомнения в прочности их взаимного счастья. Она была огорчена, когда в письме ее к сестре Гегеля, жених ее сделал следующую приписку: "ты видишь отсюда, как я могу быть счастлив с нею всем своим существом вообще, и какое счастье уже доставляет мне приобретение такой любви, на которую я едва мог надеяться, поскольку счастье возможно при характере моей жизни". Это ограничение, это "поскольку" огорчило ее. Жених, выражавший ей свою любовь вдохновенными стихами, мог еще сомневаться, соответствует ли характеру его жизни счастье!

Гегель тотчас же постарался успокоить ее письмом. "Почти всю ночь я мысленно писал тебе. Я обдумывал не различные частные случаи, встречавшиеся в наших отношениях, а поднимал основной вопрос: не сделаем ли мы друг друга несчастными? В глубине моей души что-то восклицало: это не может, это не должно, это не смеет случиться! Этого не будет! Я напоминаю тебе, милая Мария, что и тебя твое глубокое чувство, высшие стороны твоей природы привели к убеждению, что в умах, не поверхностных, всякое чувство счастья связывается с чувством скорби! Наконец, я напоминаю тебе, что ты обещала мне исцелить меня от остатков неверия в счастье, т. е. примирить мою истинную сущность с отношением, в каком я – слишком часто – бываю в действительности и для действительности; я напоминаю тебе, что эта точка зрения дает твоей миссии высокое значение, что я верю в твои силы для этого, что эти силы должны заключаться в нашей любви" и т. д.

В другой раз в одной интимной беседе Гегель утверждал, что ее мораль, основанная на чувстве, не пригодна для практических основоположений, и опять задел ее и вызвал выражение ее недовольства. Зато нельзя себе представить ничего более привлекательного и любезного, чем письмо, которым он успокоил ее. "Наконец, ты знаешь, что некоторые злые мужчины мучат женщин лишь для того, чтобы постоянно созерцать при этом в их поведении их терние и любовь. Я думаю, что я не так зол, однако, хотя такому милому существу, как ты, никогда не следует причинять страдания, я почти не раскаиваюсь в своем поступке, так как чувствую, что благодаря ему я глубже проник в твою природу, и сила и основательность моей любви к тебе еще более возросли; поэтому утешься также и тем, что все неприятное и резкое, что было в моих возражениях, не мешает тому, чтобы я чувствовал и узнавал тебя все глубже, сознавая твою привлекательность, любя и во всех отношениях покоряясь любви. Пора на лекцию. Прощай милая, милая, драгоценная Мария".

---

* Briefe von und an Hegel, I, стр. 320-324 (письма к Марии фон Тухер, лето 1811).

Если бы нужно было еще письменное доказательство, как сильно Гегель любил свою невесту, то такую роль могло бы играть это письмо. Бесконечному размышлению и сомнению о счастье и умении доставлять счастье вполне правильно и чисто по-гегелевски был положен конец тем, что от слов Гегель перешел к делу. 16 сентября 1811 философ 41 года и двадцатилетняя девушка, в присутствии лучшего друга и лучшей женщины, вступили в брак, который в течение двадцати лет был и должен был быть самым счастливым. В самом деле, истинное счастье, вытекающее из глубины души, возрастает ежечасно*.

---

* От этого брака родились дочь, умершая вскоре после появления на свет, и два достойных сына: старший (названный по имени деда) Карл Гегель, состоящий профессором истории в эрлангенском университете и отпраздновавший 7 июня 1898 свой восемьдесят пятый год, и младший (названный по имени своего крестного отца Нитгаммера) Иммануил Гегель, который, будучи президентом консистории в провинции Бранденбург, принадлежал к числу вожаков церковно-ортодоксальной партии и, оставив свою должность, вскоре умер 26-го ноября 1891 семидесяти семи лет.

Имущество семьи Тухеров было настолько ограниченное или распределялось так неравномерно, что дочь получила лишь приданое вещами и ежегодную помощь в размере ста гульденов*. Из-за недостатка денег свадьба едва не была отложена, так как жалование Гегеля опять не уплачивалось в срок. За четыре недели до свадьбы он писал Нитгаммеру: "Не хватает лучшего, именно денег. Если я не получу в скором времени жалования, не уплаченного мне за пять месяцев, а также других причитающихся мне дополнений к жалованию или, по крайней мере, если мне не будет определено

указан срок этой уплаты, то я едва буду в состоянии sustentare vitam quotidianam (поддерживать ежедневную жизнь), даже и свою, а уж тем менее двух лиц".

---

* Briefe von und an Hegel, I. стр. 317 (письмо 13 августа 1811).

Постепенно экономическое положение улучшилось. Спустя два года, Гегель сделался школьным советником и, как таковой, стал получать содержание, благодаря которому его ежегодные доходы возросли более, чем до 1.500 гульденов. Он вступил в эту новую должность 25 ноября 1813. В течение первой зимы своего брака, он напечатал первую часть своей логики в двух книгах, которые явились во время Пасхи 1812. "Из моей логики напечатаны девять листов", – писал он 5 февраля 1812 Нитгаммеру, – "до Пасхи, быть может, будет напечатано еще два. Пока я могу сказать об этом лишь, что 25-30 листов составляют только первую часть, что в них еще нет ничего подобного обыкновенной так называемой логике, что это метафизическая или онтологическая логика; первая книга о бытии, а вторая о сущности, если только вторая еще может входить в первую часть. Я по уши застрял в этой работе; не безделица написать в первое полугодие после свадьбы книгу самого неуклюжего содержания в 30 листов". К этому сочинению, содержание которого Гегель сам считает наименее доступным, мы не можем относить шуточного замечания, которым он в первые недели после своей свадьбы хотел отметить возрастающую доступность своих лекций: "С каждым годом я чувствую себя все более снисходящим, в особенности в этом году, когда я сделался женатым человеком"*.

Опять в его жизни наступил поворотный пункт, казавшийся ему заключением, так как он вовсе не мечтал о будущей мировой славе и вовсе не стремился к ней. "Моя земная цель достигнута", – писал он 10 окт. 1811 Нитгаммеру, – "так как человек, получивший должность и привлекательную жену, вполне закончен; это главные статьи, составляющие цель стремлений в личной жизни, остальное уже не настоящие главы, а лишь параграфы и примечания"**.

---

* Там же, стр. 330 (письмо к Нитгаммеру 10 окт. 1811). Там же, стр. 334 с.

** Там же, I, стр. 324 с.

Глава восьмая

СТАРАЯ И НОВАЯ БАВАРИЯ. – МРАК И РЕАКЦИЯ В БАВАРИИ. – ВЗГЛЯД ГЕГЕЛЯ НА СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЕГО

I. НЕДОСТАТКИ И БЕДСТВИЯ БАВАРИИ

1. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

В короткий промежуток времени от люневильского мира и главного постановления имперского сейма (1801 и 1803) до двух трактатов о мире в Париже (1814 и 1815) и венского конгресса (1815-1816) было перестроено государство Баварское в той форме, как оно существует еще до сих пор, или, правильнее говоря, сколочено, так как главными факторами перемен были случайности войны. К старому баварскому герцогству, которое, как вожак католической лиги, в Тридцатилетней войне приобрело себе могущество и достоинство курфюршества, было присоединено множество новых земель: епископства, вроде Вюрцбурга, Бамберга, Нассау и т. п., имперские области, вроде Нюрнберга, Аугсбурга, Регенсбурга и т. п., маркграфско-бранденбургские области, вроде Ансбаха и Байрейта, княжеские протства (gefürstete Propsteien), как Берхтесгаден и т. п. Земли присоединялись, опять отнимались и опять присоединялись, как Вюрцбург; другие присоединялись и опять отторгались, как Тироль и Зальцбург. В этом приливе и отливе, смешивавшем земли, не могло быть иного государственного единства, кроме бюрократической централизации по французскому образцу, как она была введена и практиковалась при министерстве Монжеля (Montgela, 1799-1817), без внимания к историческим особенностям, различиям в вере и нравах, различиям между католическим и протестантским населением; потому эта централизация политически необходимо была связана с принципами терпимости и просвещения, свободы религии и совести.

Рука об руку с новым государственным единством должно было идти также новое единство просвещения и культуры. Новое Баварское королевство должно было сделаться образцовым просвещенным государством, по возможности первым в Германии, по возможности в кратчайшее время. Поэтому сюда было приглашено много известных ученых людей, вроде вызванных из Иены Паулуса, Нитгаммера, Шеллинга и др. Однако такие вещи, как народное образование, не могут быть созданы сверху, не могут быть предметом ввоза, а должны быть воспитаны и развиты изнутри.

Эту централизацию назвали словом, наименее для нее подходящим, именно "организацией". Бесперывно все занимались организацией и деланное опять изменяли, называя это в шутку "переорганизацией". Ни один из новых чиновников не чувствовал прочно почвы под своими ногами, она постоянно колебалась*. Одни "жаждали организации", а другие "переорганизации". Новомодные мужские шляпы получили название "организационных шляп". Гегель, желавший, чтобы его друг, школьный советник Паулус в Бамберге, оставался в этом городе, писал Нитгаммеру: "Не переорганизуйте нам только Паулуса!".

---

* Там же, стр. 183 с. (Гегель к Нитгаммеру, Бамберг, 1 сентября 1808).

2. НЕДОСТАТОК АВТОРИТЕТА И ГЛАСНОСТИ

Метод так называемой организации страдал двумя основными недостатками, которые Гегель метко определил и осветил в своих письмах к Нитгаммеру: неоставало настоящего авторитета, который не состоит в одном командовании, и действительной гласности, без которой не может быть речи о воспитании и свободе народа*.

---

* Там же, стр. 149-154 (письмо 22 января 1808).

По словам Гегеля, литературной и научной жизни, которая составляет существенную часть национального просвещения, неоставало публичного веского авторитета, литературного руководителя, который был бы в состоянии прямо удалять с пути незрелых и безобразных выкидышей, *pruritus* (чиры), как их называет Гегель, которые в противном случае, если их оставить живыми и молчать, не остаются без действия, так как имеют огромное преимущество речи перед молчанием. Он имел в виду жалкие сочинения, вроде статьи некоего Ротманнера о речи Якоби в академии и некоего Риттерсгаузена о речи Шеллинга. "У вас нет важнейшего средства встречать такие *pruritus*", – пишет Гегель Нитгаммеру, – "так как у вас нет литературного органа. Неумытое рыло нужно обуздывать и замыкать авторитетом". "Мы должны начинать с авторитета, т. е. с веры в то, что Платон, Аристотель, судя по их славе, другие, ввиду их влияния в государстве, заслуживают более доверия, чем наши мысли, даже и в том случае, если мы уже не понимаем их, т. е. считаем их слова бессмыслицею, так как теперь наши мысли противоречат их взглядам" и т. д.*.

---

* Там же, стр. 151 (Бамберг, 22 января 1808).

Гегель имел в виду важное педагогическое правило, которое лучше всего выражается словами Гете: "Если есть повиновение в душе, скоро явится и любовь". Это правило относится и к интеллектуальному повинению, нуждающемуся в том авторитете, о котором пишет Гегель: "Мы должны начинать с авторитета" и т. д.

Затем он продолжает так: "Литературная сторона такого авторитетного органа должна впрочем быть побочным делом; главное значение имеет политический внешний и внутренний характер, который именно и придает вид авторитета литературной стороне. Но у вас нет и политического органа; говоря правду, вы имеете свободу писать и печатать ("Press-Freiheit, я едва не сказал Fress-Freiheit", – замечает Гегель), но у вас нет гласности, т. е. обычая, чтобы правительство излагало народу состояние государства, расходование государственных денег, состояние государственного долга, организацию учреждений и т. п.

Эта беседа правительства с народом о своих и его интересах есть один из важнейших элементов силы французского и английского народа. Для такой беседы нужно многое, в особенности же мужество"*.

Уже 8 июля 1807 Гегель писал: "Однако в Мюнхене, очевидно, не любят гласности или не ищут ее. А ведь гласность божественная сила; в печати всякая мысль имеет часто совсем иной вид, чем на словах или в выполнении; недочеты мысли в печати выступают так же на первый план, как и ее преимущества, которые приобретают таким образом блеск. Я также содействовал тому, чтобы это ясное и беспартийное зеркало явилось в полной чистоте", – прибавляет он шутя, – "я покупаю теперь для своей газеты более белую бумагу"***.

---

* Там же, стр. 151 и 152.

** Там же, стр. 119.

В бамбергской газете 8 февраля 1808 в отделе разных известий напечатано следующее: "Во многих рейнских союзных странах говорят, как о предстоящем вскоре событии, о введении кодекса Наполеона и конституционных форм, которые были положены в основу при организации королевства Вестфалии".

Имея в виду это известие, спустя несколько дней Гегель писал Нитгаммеру: "Однако важное значение кодекса не может и сравниться с важностью надежды, которую можно почерпнуть отсюда, что и более далекие от нас стороны французской или вестфальской конституции будут введены.

По собственному желанию это едва ли будет осуществлено, по собственному пониманию – а где оно встречается? – также нет. Но это может произойти, если такова будет воля неба, т. е. французского императора, и тогда исчезнут теперешние характерные особенности централизации и организации, в которых нет справедливости, нет гарантий, нет популярности, а есть только произвол и умничание отдельных лиц. Не знаю, обратите ли вы в своем ответе специальное внимание на этот пункт, и потому прошу вас, по крайней мере, считать мою зарождающуюся надежду на дальнейшие подражания маленьким пунктом, стоящим в центре всех моих политических стремлений. В газете одно сведущее лицо дало понять кое-что в этом роде"*.

---

* Там же, стр. 158 и 159, прим. (Бамб. 11 февр. 1808).

В этих словах есть одно признание. Гегель прокликает централизацию без конституции. Надежда на конституционное государство есть пункт, стоящий в центре всех его политических стремлений.

3. МРАК В СТАРОЙ БАВАРИИ

В старой Баварии, замкнутой и невосприимчивой к свету нового времени, умы находились в глубокой тьме. "Эта Бавария есть настоящее чернильное пятно на светлой картине Германии", – случайно сказал Гегель в одном разговоре с тайным советником Баяром, который стал защищать просвещение Монжеля и ожидал от него крупных результатов. В своем письме к Нитгаммеру Гегель повторил это выражение, указывая на то, в каком состоянии косности и слабости находились в Баварии высшие отделы учености, филология и философия. В течение пятидесяти, пожалуй, даже ста лет в Баварии не явилось ни одно замечательное издание классического автора, в обзоре лекций университета в Ландсгуте не упоминается более ни об одном философском курсе, даже о курсе логики, в Альтдорфе нет даже профессора философии и т. д.*.

Положение народного образования в Баварии Гегель обрисовывал своему мюнхенскому другу одним незадолго до того пережитым случаем. Баварские солдаты, которые должны были в 1809 выступить в поход против Австрии и, сделав несколько переходов, еще не перешагнули границ Баварии, воображали, что находятся в Турции и считали* жителей старой Баварии турками.

---

* Там же, стр. 168-177 (Бамберг, 20 мая 1808). Это письмо (№ 54) одно из самых подробных и важных.

** Там же, стр. 226-230 (Нюрнберг 7 марта 1809).

4. ФАНАТИЧЕСКИЙ ГИОЗОИЗМ

Старые и новые элементы не слились в наскоро сколоченном королевстве. Старобаварские темные силы не только отвратились от света нового времени, но и обнаружили коренное отвращение к нему и злобу ко всем новым людям, приглашенным в страну для обоснования и распространения современного просвещения. Один из высших чиновников в Мюнхене Христофор фон Аретин основал так называемую патриотическую партию и подстрекал ее против вновь приглашенных протестантских ученых. Якоби был публично обруган в театре, А. Фейербах подвергся нападению черни и оскорблению у себя дома, Тиршу угрожали покушением на его жизнь, Якобс поспешно возвратился в Готу и т. п.*.

Эти неслыханные сцены, эти вспышки грубости и дикого фанатизма Гегель обозначал словом "гиозоизм", чтобы не назвать их на славном швабском языке словом "свинство", которое он впрочем также применял к данному случаю, дополняя его и другими соответствующими выражениями**.

---

* Ср. наст. соч. т. VI (Шеллинг) 2 изд. кн. I. гл. X. стр. 126-130. Упомянутые происшествия с Фейербахом и Тиршем относятся к 15 апреля 1810 и 28 февраля 1811.

** "Briefe von und an Hegel" I. стр. 265-267 (Нюрнберг 7 августа 1810), стр. 274-277 (Нюрнберг, 27 сент. 1810). Когда Гегель писал это письмо, семья Якобса уже переехала в Готу (стр. 276). Ср. Briefe, I. стр. 254 с. (письмо 15 марта 1810).

II. БАВАРСКАЯ РЕАКЦИЯ

1. КОНФЛИКТЫ В КОМИССИИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. – ПОРАЖЕНИЕ НИТГАММЕРА

Вскоре положение приняло более печальный и угрожающий характер, когда реакция из рядов черни перешла в ряды правительства и увлекла даже короля Максимилиана I, который осуждал описанные выходки черни и назвал их "мальчишествами". После отпадения Баварии от Наполеона по договору в Риде (8 окт. 1813), после изумительного, но несчастного похода Наполеона в 1814 году, в особенности же после его поражения под Ватерлоо (18 июня 1815) положение вещей совсем переменилось. Со времени австрийского влияния в Баварии стало преобладать значение фанатической католической партии, и это прежде всего почувствовал Нитгаммер на самом себе.

Еще весной 1811 Нитгаммер торжествовал победу. Как протестантский член секции народного просвещения, он требовал у короля или своей отставки, или отставки своего противника, католика Висмайра; отставку получил Висмайр, и влияние Нитгаммера вновь укрепилось. Ничто не могло доставить Гегелю, после недавно отпразднованного обручения, большего удовольствия, чем следующее известие: "Со вчерашнего дня я знаю, что король подписал. Итак, я остаюсь. Quod felix faustunque sit"*.

---

* Там же, стр. 303 (письмо Нитгаммера 7 мая 1811).

Спустя пять лет положение совсем переменилось. В заседании комиссии народного просвещения 26 апреля 1816 Нитгаммер был побежден, и католическое большинство (к которому принадлежали упомянутый Висмайр и известный нам еще из биографии Шеллинга К. Вейлер) постановило понизить предельный возраст для вступления в прогимназию, вследствие чего элементарное преподавание было ускорено, сокращено и, следовательно, ухудшено, и уничтожить в гимназиях преподавание математики и философских пропедевтических наук. По этому поводу в заседании поднялся спор. Нитгаммер опять обратился к королю (28 апреля), указывая на то, что принятые решения не применимы в протестантском воспитании. Однако король в своем рескрипте 4 июня 1816 стал на сторону противников Нитгаммера, утвердил их решение и высказал высшему школьному советнику Нитгаммеру "высочайшее неодобрение" как по поводу его поведения в заседании, так и в особенности потому, что он в своем докладе берет на себя "роль представителя протестантского вероучения в школьных вопросах", тогда как в школе вероисповедание не должно играть роли*.

---

* Там же, стр. 396-398 (Нитгаммер к Гегелю 16 июня 1816).

Нитгаммер не говорил о таком представительстве, он настаивал только на своем долге чиновника и связанной с ним ответственности. Его противникам, конечно, хотелось, чтобы он подал в отставку. Однако он был слишком рассудителен и храбр, чтобы оставлять свой пост с наступлением дурной погоды, которую он предвидел. Уже в своем письме 19 ноября 1815 он предсказывал своему другу Гегелю приближение общей реакции и описывал ее признаки. "Как черви, лягушки и другие гады часто выползают вместе с дождем, так и Вейлеры вместе с им подобными являются в пасмурные дни, распространяющиеся по всему цивилизованному миру. Во всеобщем потоке, в котором возвращается все устаревшее, эта литературная и педагогическая, а также всякая прочая чернь надеется найти свой момент; и я готов опасаться, что она нашла его.

Сообщенные Вам мною устно проекты уничтожения первоначальных школ уже расширились; дерзость дошла до того, что учителя не только философии, но даже и математики в гимназиях признаны ненужными и вредными; являются уверения, что нужны собственно лишь шесть классов (элементарное обучение, грамматика, поэзия и риторика); и эти речи выслушиваются благосклонно!

Что из этого выйдет, мне, в конце концов, все равно, не только в отношении моей личности, но даже уже, пожалуй, и в отношении самого дела. Глупый, идущий за попами народ в Баварии останется ленивым и тупым, если этого хотят; к счастью, просвещение не принуждено более искать себе убежища в Баварии, куда его к тому же завлекли, по-видимому, лишь для того, чтобы умертвить. Однако им не удастся уничтожить нас таким образом втиши! им не удастся изуродовать наши протестантские школы по образцу прежних монашеских школ! Напротив, я буду защищаться до последнего человека, которым я еще надеюсь быть!"*

Насколько правильно он понимал и оценивал современное положение, доказательством послужил королевский рескрипт 4 июля 1816. "Во всяком случае это высочайшее постановление есть замечательный документ, пожалуй, желательный для меня, поскольку он служит мне доказательством, что протестанты в этой стране формально лишены прав"*

---

* Там же, I. стр. 387 с.

** Там же, I. стр. 398.

2. ОТСТАВКА МОНЖЕЛЯ И КОНКОРДАТ

Министерство Монжеля вышло в отставку 2 февр. 1817, и в этом году между Баварией и Римом был заключен конкордат, "равного которому не бывало". Так писал Нитгаммер 27 дек. 1817. Одним из главных руководителей этого конкордата был Казимир Геффелин, епископ Херсонеса, который усомнился однажды, принадлежит ли Новый Завет к Библии, по словам Нитгаммера, присутствовавшего при этой сцене по делам службы*.

---

* Там же, стр. 13 (Нитгаммер к Гегелю, Мюнхен, 27 дек. 1817).

3. ВЗГЛЯДЫ ГЕГЕЛЯ НА СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ И НАДЕЖДЫ ЕГО

Гегель был убежден в том, что век французской революции закончился падением и самоуничтожением Наполеона, и за ним наступил век сознательного, обдуманного прогресса народов и народных масс.

После отречения Наполеона в Фонтенбло (11 апр. 1814) он писал Нитгаммеру: "Вокруг нас происходят великие события; великое зрелище доставляет нам саморазрушение необыкновенного гения; это – траγικώτατον (самое трагическое); вся масса посредственности давит без устали и примирения всю свою абсолютную свинцовую тяжестью до тех пор, пока не стащит вниз высшую силу и не поставит ее на одном уровне с собою; основная пружина всего этого процесса, причина, благодаря которой эта масса имеет силу и остается, действуя хором, наверху, состоит в том, что великая индивидуальность сама принуждена давать ей право на это, т. е. сама ведет себя к гибели.

Впрочем, весь этот переворот я, – могу похвалиться этим, – предсказал в своем сочинении, законченном в ночь перед битвою под Иеною", и т. д.*.

---

* Там же, стр. 371 (письмо 29 апр. 1814).

Что же говорит он о баварской реакции, которую Нитгаммер так живо описал ему двумя годами позже? "Общие мировые события и ожидания, а также более близкие события побуждают меня к общим рассуждениям, отодвигающим на задний план все частное и ближайшее, как бы оно ни влияло на чувство, Я держусь убеждения, что мировой дух нашего времени скомандовал идти вперед; такая команда встречает отпор; это существо идет, как закованная в панцирь сомкнутая фаланга, неодолимо и так же едва заметно, как солнце, все вперед, не останавливаясь перед препятствиями; бесчисленные легкие отряды, борющиеся за и против этого духа, разъезжают с боков, большинство из них вовсе не знает, в чем дело, и получает лишь удары в голову как бы от невидимой руки". – "Самый правильный расчет, конечно, зорко следит за идущим вперед великаном, тогда можно даже и останавливаться на пути, устраивать даже деловые, усердно действующие компании, содействуя намазыванию клея с целью удержать великана, и для собственного развлечения помогать деловитой суете. Реакции, о которой мы столько слышим, я ожидал; она хочет добиться своего: *la vérité en la repoussant, on l'embrasse* (отталкивая истину, мы обнимаем ее), вот глубокомысленное изречение Якоби"*.

---

* Там же, стр. 401 и 402 (письмо 5 июля 1816).

Истинно гегелевские слова! Слова, неподражаемо запечатленные духом этого философа. Мировой дух не торопится. Всемирная история есть прогресс в сознании свободы. После того, как великая индивидуальность в замечательной трагедии разрушила сама себя, на сцене остался лишь хор. Теперь хор выступает вперед и начинает действовать. Мировой дух скомандовал: массы, вперед!

Предсказание Гегеля, сделанное им в начале 19 века после событий в Фонтенбло и Ватерлоо, теперь, в конце века, стало понятным для всех. Он сказал: массы идут вперед.

Глава девятая **ГЕГЕЛЬ, КАК ПРОФЕССОР ФИЛОСОФИИ В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ (1816-1818)**

I. ТРИ ПРИГЛАШЕНИЯ

1. ЭРЛАНГЕН

С 25 ноября 1810 эрлангенский университет принадлежал Баварии, и мы знаем, какие пылкие надежды, поддерживаемые и подкрепляемые Нитгаммером, вызывал в Гегеле уже давно этот университет. Уже в мае 1811 Нитгаммер писал ему, что он несомненно будет приглашен в Эрланген и притом не позже конца текущего учебного года*. Приглашения, однако, не последовало. Напрасно Гегель ожидал из года в год и, наконец, утомленный и раздосадованный ожиданием и надеждами, узнав, что в Эрлангене нужен профессор филологии, принял смелое решение предложить самого себя баварскому правительству на это место*.

---

* Там же, стр. 301 (письмо 5 мая 1811) Ср. стр. 308-320 (письмо Гегеля 27 августа 1811).

** Там же, стр. 395 с. (письмо 8 июня 1816). Ср. об Эрлангене: стр. 319 и 333.

2. БЕРЛИН

Одновременно с присоединением Эрлангена к Баварии был основан университет в Берлине. Вместе с надеждами на место в Эрлангене для Гегеля открылись благоприятные виды на приглашение в Берлин, где кафедра философии с 18 января 1814 все еще оставалась незанятой после Фихте. Среди предложенных факультетом профессоров для замещения этой должности упоминался и Гегель. Фридрих фон Раумер, находившийся в хороших отношениях с министром фон Шукманом и, согласно

своей живой натуре, очень интересовавшийся этим делом и личностью Гегеля, посетил его в Нюрнберге во время своей поездки в Италию, предпринятой им для исследований по истории Гогенштауфенов*. Министр фон Шукман, знавший от Нибура, что Гегель желает приглашения в Берлин, сам письменно предложил философу вопрос, вполне ли он, удалившись в течение нескольких лет с академической кафедры и, быть может, отвыкнув от нее, еще сохраняет силу живой внушительной речи, необходимую для преподавания философии именно теперь, когда в науке везде заметна лишь жалкая погоня за хлебом**. Так как Гегель желал приглашения, то, без сомнения, он находил в себе такую силу. Так как он в течение восьми лет был учителем гимназии в Нюрнберге, то он поддерживал, не оставляя без упражнения, свои педагогические способности. Вопрос министра был прямой, доброжелательный, но излишний. Спустя короткое время, Нитгаммер, будучи в Берлине, разговаривал об этом деле со статским советником Николовиусом и был уверен, что Гегель будет приглашен. Однако час его переселения в Берлин еще не пробил***.

---

* Там же, стр. 410-413 (Раумер к Гегелю, Мюнхен, 7 августа 1816).

** Там же, стр. 415 и 416 (Берлин, 15 августа 1816).

*** Там же, стр. 425 с. (Иена, 13 сентября 1816).

3. ГЕЙДЕЛЬБЕРГ

Гейдельберг, куда Гегель стремился уже одиннадцать лет тому назад после письма к Фосу*, также стал в это время подавать надежды. Профессором в этом университете сделался раньше Фриз, но теперь он опять был приглашен в Иену занять кафедру философии и физики. Место освободилось. По поручению баденского правительства проректор университета предложил Гегелю ординарную профессию философии с вознаграждением в 1300 гульденов и некоторыми другими выгодами. Проректором в этом году был Карл Дауб, бывший двадцать лет профессором теологии в Гейдельберге, один из самых глубоких мыслителей теологов. Он перешел от Канта к Шеллингу и, находясь под влиянием учения Шеллинга о свободе, разработал свое сочинение "Judas Ischarioth oder das Böse in Verhältniss zum Guten" ("Иуда Искариот, или зло в отношении к добру") и напечатал уже первый выпуск его (1816). Он был уже увлечен изучением философии Гегеля и вскоре отдался ему всею душою. Можно было видеть благоприятное предзнаменование в том, что назначение Гегеля произошло при его помощи".

Дауб писал: "Если Вы примете приглашение, то в Вашем лице Гейдельберг впервые (Спиноза некогда был приглашен сюда, но отказался, как Вы, вероятно, знаете) со времени основания университета приобретет философа. Философ приносит с собой усердие; кроме того, философ, называемый Гегелем, принесет с собой еще много другого, о чем большинство как здесь, так и везде до сих пор не имеют и понятия, и что не может быть приобретено одним усердием" и т. д. "Если я доживу до того, что Вы вступите в гейдельбергский университет, который я люблю, как свою alma mater, и до конца буду любить, то в мою жизнь проникнет чистый и освежающий луч света"***.

---

* См. выше, гл. VI, стр. 75.

** Briefe, I, стр. 406-408 (Гейдельберг, 30 июля 1816).

"Тогда Гейдельберг впервые со времени основания университета приобретет философа". Замечательные, многозначительные слова! – Когда Дауб написал эту фразу, гейдельбергский университет, старейший в Германии, насчитывал 430 лет.

Так как нюрнбергские доходы Гегеля равнялись 1560 гульденам, то разница в жаловании служила еще некоторым затруднением. Он с радостью готов был следовать приглашению, если бы ему дали еще казенную квартиру и обещали прибавку жалования со временем. Тогда жалование было повышено до 1500 гульденов, и этим затруднение было вполне устранено*.

24 августа 1816 Гегель подал прошение об увольнении со службы в Баварии. В Баварском официальном листке 4 сент. 1816 было объявлено, что 25 августа прежний директор и учитель гимназии в Нюрнберге Гегель назначен директором филологической семинарии в Эрлангене, а также ординарным профессором красноречия, поэзии и классической греческой и римской литературы**.

---

* Гегель отвечал Даубу 8 августа, 20 августа и 8 сентября. Первое письмо подписано словами "Гегель, школьный советник и директор". Briefe, I, стр. 408 и 410, стр. 417-419, стр. 423 с.

** Там же, стр. 423 прим.

Эрланген опоздал на один день, а Берлин еще не явился вовремя. Путь из Нюрнберга в Берлин направлялся для Гегеля через Гейдельберг.

II. ДВА ГОДА В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ

1. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

После того как Гегель преподавал в течение восьми лет в старшем классе нюрнбергской гимназии философскую энциклопедию и в то же время в младшем и среднем классах частные философские науки, ему наиболее удобно было возобновить свою академическую деятельность и подвинуть ее вперед, избрав предметом своего первого курса и темой своего первого литературного произведения энциклопедию. Зимой 1816-1817 он именно и читал "энциклопедию философских наук", а в следующем семестре логику и метафизику, "руководясь своей энциклопедией философских наук, которая должна вскоре явиться"; летом 1818, в последнем семестре своей деятельности в Гейдельберге он читал "философию в систематическом полном объеме" по своей Энциклопедии. Это сочинение под заглавием *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse* (Очерк энциклопедии философских наук) явилось в 1817; предисловие было написано в мае этого года. При жизни Гегеля понадобились еще два издания Энциклопедии в 1827 и 1830; четвертое издание было сделано Розенкранцем (1845).

Энциклопедия относится к гейдельбергскому периоду деятельности так же, как Феноменология к иенскому и Логика к нюрнбергскому.

2. ЛЕКЦИИ И СОСЛУЖИВЦЫ

Пробыв в Гейдельберге четыре семестра, Гегель прочитал шесть курсов. К читанным уже в Иене курсам логики и метафизики, естественного и государственного права и истории философии он присоединил лекции по философской энциклопедии, антропологии и психологии и эстетике. История философии занимает в Гейдельберге гораздо более места, чем в Иене: Гегель читал этот предмет два раза в зимнем семестре 1816-1817 и 1817-1818; в первый раз в объявлении сказано: "по собственному плану", а во второй раз: "с подробным изложением новой истории для введения в философию, по запискам". Первый раз он читал этот курс шесть часов в неделю, а второй раз пять часов.

Когда Гегель зимою 1805-1806 в первый раз читал историю философии в Иене, в это время разыгралась битва под Аустерлицем и был основан рейнский союз. Когда он читал ее во второй раз и открыл ею свою академическую деятельность в Гейдельберге 28 октября 1816, мир пришел в состояние покоя, и Наполеон находился на острове св. Елены. Настало время изучения мира, возвращения духа к себе, философии. Гегель указал на это в своей вступительной речи и признал за гением немецкого народа особую способность к философии. "Мы от природы обладаем высшим призванием быть хранителями этого священного огня". "Вообще мы теперь подвинулись настолько вперед, достигли такой серьезности и сознательности, что можем руководиться лишь идеями и тем, что оправдано нашим разумом; теперь к нам ближе прусское государство, построенное на разуме". "Будем вместе приветствовать зарю более прекрасного времени, когда до сих пор отвлекавшийся наружу дух может вернуться к себе, придти в себя и приобрести место и почву для собственного царства, в котором умы возвышаются над интересами дня и становятся восприимчивыми к истинному, вечному и божественному, восприимчивыми к созерцанию и пониманию высшего". "Я посвятил свою жизнь науке, и радуюсь, что нахожусь отныне в таком месте, где могу содействовать в большей мере и в более широком кругу распространению и оживлению высшего научного интереса и введению в эти интересы". "Мужественное отношение к истине, вера в мощь духа есть первое условие философии"*.

Академическая деятельность Гегеля в Гейдельберге была очень усердною и напряженною. В первом и

последнем семестре он читал по два курса по пяти и шести часов, а во время двух средних семестров (от Пасхи 1817 до Пасхи 1818) по три курса, употребляя на них в неделю по шестнадцать часов. "Что касается меня", – писал он 11 дек. 1817 Нитгаммеру, – "я читаю в этом семестре три курса, отнимающее у меня все мои часы. Ведь я начинающий профессор, и к тому же мне приходится, собственно говоря, самому создавать большую часть науки, читаемые мною; прошу Вас этим именно объяснять мой редкие письменные ответы, что в ином случае заслуживало бы упрека"**.

В примечании я привожу в хронологическом порядке его лекции, как они обозначены в "Указателе лекций" в оригинале***.

---

* Собр. соч. т. XIII (История философии, I) стр. 3-6.

** Briefe, II, стр. 11 с.

*** В гейдельбергском университете было пять факультетов: теологический, юридический, медицинский, политико-экономический и философский; к последнему относились следующие шесть предметов: история литературы, философские науки, филология и археология, история с ее вспомогательными и побочными науками, математика и естествознание.

I. Зимний семестр 1816-1817: 1. Энциклопедия философских наук, четыре часа в неделю от 10-11; 2. История философии, по собственному плану, шесть часов, от 3-4.

II. Летний семестр 1817: 1. Логика и метафизика соответственно Энциклопедии философских наук, которая вскоре будет напечатана (Гейдельберг, у А. Освальда), шесть часов в неделю, от 11-12, из них час в субботу будет посвящаться беседе, начиная со середины семестра; 2. Антропология и психология по запискам, пять часов в неделю, от 5-6; 3. Эстетика по запискам, пять часов в неделю от 4-5.

III. Зимний семестр 1817-18: 1. Антропология и психология, в первые пять дней недели, от 4-5; 2. История философии, по запискам, пять раз, от 3-4; 3. Естественное право и учение о государстве, по запискам, шесть раз, от 10-11.

IV. Летний семестр 1818: 1. Философия в полном систематическом объеме по учебнику Энциклопедии философских наук и пояснительным запискам, ежедневно, от 10-11; 2 Эстетика, по запискам, пять раз в неделю, от 5-6.

Число слушателей в начале было очень невелико, и в течение первого семестра спустя некоторое время возросло на лекциях энциклопедии приблизительно до двадцати, а на лекциях истории философии до тридцати. Деятельность, приводящую в движение студентов и захватывающую толпу, основывающую традиции или школу, Гегель едва ли обнаруживал в Гейдельберге; характер его преподавания не был пригоден для этого, и к тому же оно продолжалось здесь слишком короткое время.

Университет был разделен на пять факультетов, из которых четвертый назывался политико-экономическим. Среди сослуживцев Гегеля выделялись на теологическом факультете имена Дауба и Паулуса, а на юридическом в особенности Тибо и Карла Сал. Захариэ из Лингентала, автора сорока книг о государствах; на медицинском факультете особенно выделялся анатом Тидеман, а на философском – филолог Г. Ф. Крейцер, живший с Пасхи 1804 в Гейдельберге, и бывший причиной самоубийства девицы Каролины фон Гиндероде (26 июля 1806), вследствие своего бесхарактерного поведения в любви к ней*. Своим сочинением "Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen" ("Символика и мифология древних народов, в особенности греков") он приобрел в свое время большую известность и вызвал жестокую вражду со стороны Фоса. Когда это событие волновало университет, Гегеля уже не было больше в Гейдельберге.

---

* Fr. Creuzer und Karoline von Günderode. Briefe und Dichtungen. Изд. Эрвина Роде, Гейдельберг, 1896.

Паулус и Дауб были антиподами; наоборот, Дауб и Крейцер сошлись и издавали вместе "Studien". Гегель поддерживал дружеские отношения к Даубу и Крейцеру, в особенности к Крейцеру, с которым у него пунктами соприкосновения были греческая религия и философия, в особенности новоплатоновская философия, именно – Прокла, изданием сочинений которого занижался Крейцер. Наоборот, его пятнадцатилетняя дружба с Паулусом, продолжавшаяся в Иене, Бамберге и Нюрнберге,

потерпела ущерб и разрушилась. Новым сослуживцем, который мог еще познакомиться с Гегелем и своею многолетней деятельностью в качестве преподавателя и писателя приобрел высокую славу, был историк Христофор Фридрих Шлоссер, начавший свою академическую деятельность в том самом семестре, когда Гегель заканчивал свою; это было летом 1818. Курс, характерный для точки зрения Шлоссера, был озаглавлен: "Всеобщая история культуры, преимущественно в связи с литературою от эпохи римлян до нового времени"*.

---

* Во время первого летнего семестра моей деятельности Шлоссер читал свой последний курс, который я слышал. Это было летом 1851. Курс был озаглавлен следующим образом: "Об историко-политической литературе со времени американской войны".

III. ЖУРНАЛ HEIDELBERGISCHE JAHRBÜCHER

1. СОЧИНЕНИЯ ЯКОБИ

С 1808 года в связи с новобаденским университетом находился критический журнал *Heidelbergische Jahrbücher der Litteratur*, в котором Гегель сотрудничал, по предложению Крейцера, уже в Нюрнберге и теперь стал редактором нескольких отделов научной литературы (между прочим и богословского). Его первая статья была посвящена философу Якоби, который напечатал 1813 и 1816 первый и третий тома собрания своих сочинений.

Гегель написал две статьи о Якоби: первую в критическом журнале в Иене, который он издавал вместе с Шеллингом (1802), и вторую в гейдельбергском журнале (1816). В первой статье, составлявшей вторую часть довольно большого исследования о вере и знании, Гегель рассматривал и оценивал точки зрения философии Канта, Якоби и Фихте в полном согласии с философией тождества Шеллинга, находя, что эти системы, как всякая рефлексивная философия, застряли на дуалистическом мирозерцании, разделяющем бесконечное и конечное, Бога и мир. Якоби, говорил Гегель, упрекает Спинозу, в том, что он хочет удалить всякий дуализм, всякую конечность и временной порядок из сущности Бога, как бесконечной субстанции, как будто бы Спиноза мог и должен был избежать этого удаления, тогда как именно оно и составляло тему и цель всего его учения. Этот упрек казался Гегелю таким бессмысленным, что он его представил в смешном виде и сравнил Якоби со старою имперскою городскою стражею, которая, увидев приближающегося врага, закричала ему: "Ради Бога, не стреляйте, иначе может произойти несчастье"*.

---

* Философские статьи Гегеля, I (Собр. соч., т. I, стр. 52-115, стр. 62).

Спустя много лет, когда Гегель писал свою следующую статью в гейдельбергском журнале, его личные и философские отношения к Якоби и Шеллингу уже очень переменились. Между Якоби и Шеллингом, которые состояли членами академии в Мюнхене и не симпатизировали друг другу, возникла смертельная литературная вражда, после того как Якоби написал сочинение "Von den göttlichen Dingen und ihrer Offenbarung" (О божественных вещах и их откровении, 1811), а Шеллинг тотчас же ответил на него сочинением "Denkmal der Schrift von den göttlichen Dingen u. s. f. des Herrn Friedrich Heinrich Iakobi" (1812)*. Шеллинга и Гегеля разделяли теперь Феноменология и Логика, т. е. философия Гегеля, служившая для Шеллинга непреодолимою преградой и источником недовольства. Между тем Гегель при посредстве Нитгаммера лично познакомился с Якоби и полюбил его. В этой личности он необходимо должен был опять признать также философа и писателя и даже сумел найти существенные пункты соприкосновения между учением Якоби и своим, не упуская из вида различия. Этим духом уважения и любви проникнута его статья в гейдельбергском журнале. Согласие между ними заключается в том, что оба они считают абсолютное духом, свободою, самосознанием, тогда как разногласят они в том, что по Якоби понимание абсолютного состоит в непосредственном знании, т. е. в чувстве и вере, тогда как Гегель развивает характерные и важные черты своей системы с помощью опосредствованного и опосредствующего, т. е. методического знания. "Якоби совершил этот переход от абсолютной субстанции к абсолютному духу в глубине своей души и с непоколебимым чувством уверенности восклицает: "Бог есть дух; абсолютное есть свободная личность". Непоколебимую

прочность этого убеждения, высказываемого Якоби, Гегель признает его важнейшею положительною заслугою, но характерным недостатком его философии он считает то, что это убеждение имеет и допускает у него лишь форму непосредственного сознания и чувства, уверения и предчувствия, веры и интеллектуальной интуиции. "Однако уверения и простые ссылки на эти основы не имеют у него сухого характера вследствие благородства духа, глубины души и многостороннего образования этой почтенной привлекательной индивидуальности"**.

---

* Ср. наст. соч. т. VI (2 изд.), кн. I, гл. XI. стр. 156-161. кн. II отд. IV, гл. XXXIX. стр. 668-686.

** Vermischte Schriften, т. II (собр. соч. XVII. стр. 3-37, стр. 9, стр. 28).

2. ВИРТЕМБЕРГСКИЕ ЗЕМСКИЕ ЧИНЫ

После герцога Карла виртембергского престол в течение короткого времени последовательно занимали его братья Людвиг-Евгений и Фридрих-Евгений. В лице последнего на трон Виртемберга явилась мемпельгардская линия виннентальского дома, управляющая Виртембергом и до сих пор. Уже 23 декабря 1797 ему наследовал сын его Фридрих, сделавшийся герцогом в то время, когда Гегель писал во Франкфурте известное нам сочинение о необходимости реформ в Виртемберге¹⁴³.

---

* См. выше гл. V, стр. 58-60.

Герцог Фридрих принимал участие во второй коалиционной войне против Франций, но ввремя отделился от союзников, заключил мир и после первого расширения своей территории получил достоинство курфюрста, как и его сосед маркграф Карл-Фридрих в Бадене. Заключив лично с Наполеоном союз в Штутгарте и получив новые области на основании договора о мире в Пресбурге, он сделался королем Виртемберга и начал 1806 год торжественным заявлением об этом возвышении своей личности и страны. Когда звезда Наполеона стала склоняться к закату, король по договору в Фульде (2 ноября 1813) заявил свое отпадение от Наполеона и переход к союзникам.

Руководясь политическим расчетом, несмотря на свой склонный к насилию и деспотический характер, делавший его страшным для окружающих, король Фридрих I виртембергский, первый из немецких союзных правителей, дал конституцию своему нововиртембергскому королевству, которое увеличилось вдвое в сравнении с прежним герцогством. На основании этой конституции король созвал представителей сословий и передал им в торжественном заседании 15 марта 1815 хартию конституции для обсуждения и утверждения, приняв на себя обязательство подчиняться ей. Новое королевство Виртемберг, прочно основанное и укрепленное извне, должно было и изнутри составлять цельное конституционное государство, управляемое одною камерою из пятидесяти самостоятельных голосов и семидесяти трех голосов депутатов, служащих представителями избравшего их населения. Активное избирательное право предоставлялось лицам не моложе двадцатипятилетнего возраста, имеющим двести гульденов ежегодного дохода с недвижимой собственности, а пассивное избирательное право предоставлялось лицам тридцатилетнего возраста. Депутаты получали участие в законодательстве, утверждении налогов, предложении законов, имели право подавать петиции, жалобы и т. п.

Земские чины отклонили эту конституцию и потребовали восстановления фактически и формально уничтоженного прежнего строя государства и распространения его на новые земли. Таким образом между королем Фридрихом I и земскими чинами возник спор о конституции, продолжавшийся до смерти короля (30 окт. 1816) и закончившийся лишь при его сыне, короле Вильгельме I (1819).

Симпатии страны в общем и целом были на стороне земских членов. Лозунгом было "доброе старое право", как это высказал Людвиг Уланд в своей носящей это заглавие песне, написанной в то время:

Wo je bei altem guten Wein
Der Württemberger zecht,
Da soll der erste Trinkspruch sein:
Dasalte gute Recht¹⁴⁴.

---

* Где бы ни пировал гражданин Виртемберга за старым добрым вином, первым тостом должно быть: старое доброе право.

Совещания земских чинов во время спора с Фридрихом I были предметом критики Гегеля, составившей третью его статью в гейдельбергском журнале, самую важную по значению и объему: "Оценка явившихся в печати совещаний земских чинов Виртемберга в 1805 и 1816. Отдел I – XXXIII"*.

---

* Heidelb. Jahrb. der Litteratur, 1817. No 66-68, 73-77. Verm. Schriften, т. I (собр. соч. т. XVI, стр. 219-361).

Когда начался спор о конституции, барон фон Вангенгейм, поступивший на службу к королю Фридриху I в 1806 и занимавший одну из высших государственных должностей, написал сочинение: *Die Idee der Staatsverfassung in Anwendung auf Württembergs alte Landesverfassung und der Entwurf zu deren Erneuerung* (Идея конституции в применении к древнему строю Виртемберга и план реформы его, 1815).

Здесь пути Паулуса и Гегеля навсегда разошлись, и прежняя дружба их погибла, не выродившись в такую открытую и злобную вражду, какая возникла уже в Вюрцбурге между Паулусом и Шеллингом и продолжалась до конца. Паулус написал сочинение в защиту виртембергских земских чинов, а Гегель против них; в вопросе о споре из-за конституции они были решительными противниками. Паулус написал "Philosophische Beurtheilung" (Философскую оценку) упомянутого выше сочинения Вангенгейма. Об этом сочинении Гегель писал Нитгаммеру: "Его *Wangenheimium exenteratum* (распотрошение Вангенгейма), *quoad personam* (что касается личности), имеет злостный вид и, *quoad rem* (что касается самого вопроса), составляет в высшей степени филистерское, соответственное мышлению обыденного человека сочинение" и т. д. "Он – Бог земских чинов"*. Паулус, действуя не только с помощью печати, но и лично, настолько вмешался в вопрос о конституции своей страны, что король Вильгельм I изгнал его из Виртемберга в то время, когда он в июле 1819 под видом каникулярной поездки, с целью посетить своего больного сына в Штутгарте, прибыл в Людвигсбург, где заседали земские чины и должно было состояться примирение.

---

* Briefe, II, стр. 6 (письмо 19 апреля 1817).

Сделанный Гегелем разбор спора о конституции в Виртемберге составляет философское сочинение, проникнутое духом его учения настолько, что из него ясно виден этический характер и философско-исторический образ его мыслей. Это сочинение отличается такою ясностью, связностью и прозрачною легкостью стиля, что мы с изумлением узнаем в этом публицисте автора Феноменологии, Логики и Энциклопедии. Эта тема давно уже была у него на очереди. К тому же для автора Феноменологии, имеющей дело с противоречиями сознания, в этом сочинении открывалась интересная задача изобразить наличную форму сознания, господствовавшую у его соотечественников, и ярко осветить груды устаревших и скверных несправедливостей, которые считались у них "добрым старым правом". "Мы сделали уже не мало швабских выходов, но такой еще не бывало", – писал он Нитгаммеру, который питал слабую симпатию к взглядам земских чинов.

1. Агрегат стран, называвшийся отныне королевством виртембергским, нуждался в государственном единстве и стремился составлять самостоятельное политическое тело. Составные части его, бывшие, подобно герцогству виртембергскому, ленными владениями империи, навсегда утратили этот характер, после того как священная римская империя германской нации, эта "узаконенная анархия", была сломлена бурями времени и заслуженно нашла себе позорный конец навсегда. Задача и значение королевской конституции состояли в том, чтобы дать новому виртембергскому королевству характер единого суверенного государства. Правитель Виртемберга, поклявшийся в верности прежней конституции, как герцог Виртемберга (1797), должен был, как король Виртемберга, уничтожить ее (1806), так как фактически она уже исчезла.

2. Отношение земских чинов к дарованной или предложенной королем конституции могло выразиться в одной из трех форм: они могли или принять ее, первоначально познакомившись с нею, или принять ее, развив ее далее, или, наконец, отвергнуть ее без рассмотрения, сами составить конституцию и потребовать ее принятия королем. Из этих трех решений земские чины приняли третье, "самое нетактичное, неприличное и непростительное". Так как они отвергнули конституцию, на основании которой они были созваны и съехались, то это собрание не могло даже иметь уверенности в том, существует оно или нет.

3. Земские чины требовали восстановления древней виртембергской конституции с некоторыми изменениями, которые еще нужно было обосновать и установить путем изучения архива страны, как источника положительных прав и привилегий: путем изучения старых заплесневелых бумаг. "Какое гнилое понятие конституции!" – восклицает Гегель. Он сравнивает этих земских чинов с купцом, у которого все имущество было на корабле, корабль потерпел крушение, но купец хочет вести жизнь по-прежнему, как будто бы корабль и сокровища на нем не погибли; желая разъяснить положение со всех сторон, он сравнивает их также с помещиком, в имении которого благодетельное наводнение покрыло песчаную почву плодородным илом, но помещик не хочет хозяйничать на плодородной почве, а старается вернуть старый песок.

4. Говоря без помощи образов, роль таких разрушительных бурь, такого благодетельного наводнения играли последние двадцать пять страшных лет (1790-1815); они были, конечно, самыми богатыми во всемирной истории и самыми поучительными для нас, так как наш мир и наши представления принадлежат этому веку. Трудно себе представить более страшные жернова для размалывания ложных понятий о праве и предрассудков о государственном строе, чем суд, произведенный над ними последнею четвертью века; однако виртембергские чины вышли из него такими же, какими были прежде*.

---

* Собр. соч. т. XVI. стр. 266.

Они хотят оживить мертвое, невозвратно исчезнувшее, они требуют восстановления устаревших средневековых феодальных отношений и очевидно показывают этим, "что не имеют не только понятия, но даже и никакого предчувствия о своих задачах". Сопоставления этого собрания депутатов составляют замечательную противоположность французской революции: здесь земские чины играют роль *ancien régime* (старого режима), а король служит представителем государственного разума и разумного государства. В борьбе разумного государственного права с массой положительных прав и привилегий земские чины оказались защитниками привилегий и частных интересов.

5. Одним из существеннейших и самых своеобразных элементов древней виртембергской конституции была постоянная сословная палата в Штутгарте, которая имела право не только хранить и контролировать кассу податных сборов, но и управлять ею, назначать чиновников и советников, распределять оклады жалования и прибавки к ним, награды и пенсии без всякого контроля, что было причиною разграбления казны частными лицами, внутреннего разложения и нравственного загрязнения, и привело к тому, что в течение двадцати шести лет, от 1771-1796, в промежутке между двумя последними земскими собраниями постоянная сословная палата, как это доказано, истратила противозаконно 4238000 гульденов. От права не только утверждать налоги, но и расходовать их недалеко до права вербовать и содержать войска, которым в самом деле обладал город Эмден в восточной Фрисландии.

В старой виртембергской конституции государь и сословная палата противостояли друг другу, как две правительственные силы, как государство и противогосударство; поэтому между ними, как это и было в самом деле, могли возникать споры и затруднения, требовавшие решения со стороны высшей судебной власти. Такою высшею властью были император и империя. Теперь императора и империи больше нет, поэтому и такое дуалистическое государство с таким дуалистическим строем, каков был древний виртембергский и какого требуют опять земские чины в 1815 и 1816, не может более существовать, так как феодалистические основы и условия его навсегда исчезли.

6. Эта связь древнего виртембергского государственного строя со Священной Римскою империей очевидна. К королевству Виртемберг были присоединены некоторые маленькие области, вроде графства Лимбург, прежде принадлежавшие непосредственно империи; по новой конституции их

представители получили самостоятельные голоса. Однако представитель графства Лимбург заявил, что для его страны Священная Римская империя еще существует, так как высокографский дом не признал отречения римского императора (6 авг. 1806)! Это было одно из тех пустых обоснований и доказательств, которые Гегель называл "querelle d'allemand". Ими кишели совещания виртембергских земских чинов. "Дух формализма и партикуляризма, как известно, всегда составлял отличительную черту и несчастье Германии в истории; этот дух проявился здесь во всей своей силе. Если называть его германизмом, то не может быть ничего более германского, чем образ мыслей старых виртембергских депутатов, включая дворянство. Если же под германизмом понимать нечто разумное и по своему понятию всеобщее, несмотря на все различия в управлении территориями, то трудно найти что-либо менее германское, чем это настроение"*.

"Из таких рассуждений возникают обычные бесконечные разговоры, потому что такие основания и опровержения их не заключают в себе последней опоры для решения, если нет судьи, который должен дать это решение. В конце концов, вопрос сводится единственно к самой природе вещи, а она в данном случае очень проста. Перемена, подготавливавшаяся веками и довольно поздно осуществившаяся, состоит уже в упомянутом переходе значительных областей Германии из положения вассальных владений империи в положение суверенных стран, т. е. государств"**.

---

* Там же, стр. 295.

** Там же, стр. 257.

7. В числе недостатков, указанных земскими чинами, в особенности из новых виртембергских областей, к числу самых тяжелых зол принадлежал произвол писарей; это явление было обусловлено древним виртембергским государственным строем и коренилось в нем. В последней части своей статьи Гегель весьма наглядно обрисовал произвол писарей, как одно из невыносимейших бедствий страны, и в особенности указывал Нитгаммеру на это место своего сочинения*. Писарями были практики, знакомые с юридическими и финансовыми делами, люди, не получившие образования; ни один из них не принадлежал к классу ученых юристов. В каждом округе был свой городской и окружной писарь, имевшие монополию на составление всех судебных бумаг и отчетов, вроде договоров, брачных контрактов, завещаний, разделов наследства, счетов общин и т. д. Для составления этих бумаг, которое требовало лишь знакомства с традиционной рутинной, всякий окружной и городской писарь имел в своем распоряжении нескольких помощников, которые отправлялись по деревням и селам и обирали население. Здесь открывалось широкое поле для произвола, притеснений и мошенничества. Сборы с составляемых актов превосходили всякую меру и в некоторых округах превышали в несколько раз, иногда в шесть или семь раз ежегодную подать, причем происходили невероятные мошенничества. Составление отчета, стоившее в новых областях Виртемберга один гульден тридцать крейцеров, оплачивалось в старых областях 50 гульденами. Произвол писарей был одною из причин бедности населения и вызывал нередко в старом Виртемберге переселение за границу, да и вообще старый строй во многих случаях был причиною эмиграции. И такие порядки восхвалялись, как "доброе старое право"**.

---

* Там же, стр. 326 с., стр. 330.

** Briefe, II.

8. В конституции, составленной королем по современной схеме, также были правила и определения, с которыми Гегель вовсе не соглашался, как, например, с условиями избирательного права. Возраст и имущество суть свойства, принадлежащие субъекту самому по себе, независимо от его отношения в государстве и к государству, независимо от его значения в расчленении целого и службе ему. Такое значение дается должностью, влиятельным положением в какой-либо корпорации, ловкостью в ремесле, мастерством в какой-либо области, талантом и т. п. У кого есть должность, тот в глазах людей составляет нечто; если же у человека нет ничего, кроме определенного количества лет и гульденов, то он в глазах мира не составляет ничего и потому не может быть представителем ничего. Гегель порицает атомистическое воззрение на государство, как "французскую абстракцию", которую нужно покинуть. Определения, рассматривающие народ скорее, как кучу индивидуумов, а не как

государство, и разделяющие его на два класса вообще по возрасту и имуществу, не могут быть названы государственными постановлениями в собственном смысле. Они не способны освободить государственную деятельность народа от демократической бесформенности и в частности избавить от влияния случайностей избрание депутатов в палату*.

---

* Там же, II, стр. 240-244.

9. Поэтому Гегель порицал королевскую конституцию за то, что она исключает из числа избираемых в депутаты лиц чиновников, духовенство и т. п., но в то же время допускает к избранию адвокатов, среди которых господствует дух частного права, и нет чувства государственности. Возникновению и упорству вспыхнувшего спора о конституции в значительной степени содействовал этот корыстолюбивый задорный "адвокатский дух", царящий в собрании виртембергских земских чинов.

Справедливость и разумность исключения королевских чиновников из числа депутатов зависит от условий данного времени, т. е. от исторического состояния народа. Раньше такое исключение было разумным, а теперь нет. "История дает нам знание обстоятельств, при которых то или другое постановление было разумным, и, например, в настоящем случае она приводит к убеждению, что исключение королевских чиновников из числа депутатов, прежде бывшее разумным теперь, при других обстоятельствах более не разумно"*.

---

* Там же, II, стр. 230-239.

Чувство государственности требует, чтобы мы подчиняли все частные интересы благу отечества и приносили жертвы для него. Этого испытания не выдержали земские чины Виртемберга. Величайшим мировым событием во время их заседания было возвращение Наполеона с Эльбы во Францию. Всемирная война стояла на пороге и угрожала Германии, а виртембергские земские чины в это время ставили свою готовность к жертвам в зависимость от восстановления старого строя.

Совещания этих земских чинов остались без результата и подтвердили слова главного старосты Рейнгарда из Обер-Эслингена, сказавшего среди них: "Если дать швабам свободу, то из этого ничего не выходит". К такому же конечному выводу приходит и Гегель в своей статье. "Предмет этого подробного изложения был бы неверно понят, если не обратить внимания на то, что цель его состоит не и чем иным, как в защите понятия земских чинов, связанного с высшими интересами, против несообразной с ним, и тем не менее такой притязательной действительности, которая обнаружила себя обществу в этих совещаниях и отдала себя на суд его. Вслед за этим нужно еще указать на замечательный конечный результат, на судьбу этого собрания, выразившуюся в том, что оно в течение своих продолжительных и дорого обошедшихся заседаний не только не пришло к соглашению с королем, но даже и в своей собственной среде не постановило никакого решения ни об одном из вопросов конституции"*.

Точка зрения Гегеля, развитая им в статье и высказанная уже в самом начале ее, имеет философско-исторический характер. "Психологическая точка зрения на историю, недавно пользовавшаяся распространением, на первый план выдвигала так называемые тайные пружины, цели отдельных индивидуумов, анекдоты и субъективные влияния. Однако эта точка зрения потеряла теперь всякий кредит, и история опять стремится изображать природу и ход развития субстанциального целого согласно его достоинству и познавать характеры действующих лиц на основании того, что они делают; теперь распространилось убеждение, что ни самый вопрос, ни характеры в их глубоком значении не возникают и не познаются из случайностей"*.*.

---

* Там же, стр. 359 с.

** Там же, стр. 220.

Если применить объяснение из психологических причин и мотивов к самому исследованию Гегеля, становится вероятным слух, что министр фон Вангенгейм обратился для этой цели к гейдельбергскому философу и обещал ему место канцлера в тюрингенском университете. Гайм

сообщает об этом, замечая: "Я привожу эти сведения, опираясь на устное сообщение одного еще живущего свидетеля, участвовавшего в этом деле!"* Такая побочная цель несколько не ослабила бы объективную ценность его статьи; мы не сомневаемся также в том, что Гегель обладал способностью и стремился к сочетанию деятельности преподавателя с какой-либо административной деятельностью; быть может, даже он хотел вполне посвятить себя административной деятельности. Когда он подавал прошение об отставке баденскому правительству, получив приглашение в Берлин, он почти прямо сказал, что ищет случая, становясь старше, перейти от временной функции преподавания философии в университете к другой деятельности**.

---

* Naum, Vorlesungen XIV, стр. 350. Ср. стр. 507, прим. 13.

** Там же, 14, стр. 356.

IV. ФИЛОСОФСКОЕ ВЛИЯНИЕ

1. ИКСКУЛЬ

Приближался второй семестр академической деятельности Гегеля в Гейдельберге, когда весной 1817 к нему явился один эстляндский дворянин и помещик Борис фон Иксуль, участвовавший в войне против Франции в качестве ротмистра императорской русской гвардии, и выразил страстное желание и надежду легко и быстро воспринять у него квинтэссенцию всякого знания. Посетив профессора и увидев в нем лишь простого и скромного человека, он закупил его книги, чтобы с удобством дома прочитать их. Он читал и ничего не понимал.

Он начал ходить на лекции, записывал их, читал свои тетради дома и не понимал собственных записок. Гегель посоветовал ему пройти дополнительный школьный курс и воспользоваться репетициями или беседами по философии у одного молодого человека, слушавшего лекции Гегеля и желавшего сделаться доцентом в Гейдельберге для чтения лекций о философии Гегеля. Более всего повлияли на Иксуля личные дружеские сношения с ним самого Гегеля, продолжавшиеся в форме переписки и тогда, когда Иксуль уехал далеко, предпринимая большие путешествия по Скандинавии, России и Востоку. Повсюду он возил с собою Логику Гегеля. В России он познакомился с много путешествовавшим Францем фон Баадером и позже в Берлине содействовал личному знакомству Гегеля с ним.

Гегель правильно предвидел развитие и великое будущее России и дал своему другу и ученику, не знавшему хорошенько, что ему делать с собою, добрый совет искать влиятельного положения в России. "Вы счастливы тем", – писал ему Гегель 28 ноября 1821, – "что имеете отечество, занимающее такое огромное место во всемирной истории, отечество, которому, без сомнения, предстоит еще гораздо более высокое назначение. Другие современные государства как будто бы уже более или менее достигли цели своего развития; быть может, кульминационный пункт некоторых из них находится уже позади, и форма их приобрела постоянный характер, тогда как Россия, будучи уже, пожалуй, наиболее мощною силою среди остальных государств, заключает в своих недрах неограниченную возможность развития своей интенсивной природы. Вы, с вашим состоянием, талантами и знанием, имеете личное счастье надеяться в близком будущем, в награду за оказанные уже услуги, на важное положение в этом колоссальном здании!"*.

---

* Розенкранц, стр. 302-305. В книге Briefe von und an Hegel нет имени Иксуля. Розенкранц, вероятно, получил эту переписку из знакомой ему знатной остзейской семьи и воспользовался ею. Но почему он передал интересное письмо Гегеля в кавычках отчасти дословно, отчасти в изложении?

2. ГИНРИХС

Молодой человек, философские репетиции которого (как сообщает Розенкранц) посещал Иксуль по совету Гегеля, был Г. Ф. В. Гинрихс из Ольденбурга. Он приехал в Гейдельберг для изучения юридических наук, увлекся лекциями и сочинениями Гегеля, сделался его восторженным учеником, единственным в Гейдельберге того времени, и был одним из первых и старейших членов школы,

кроме Габлера, который слушал лекции Гегеля уже в Иене. Гинрихс первый из учеников Гегеля тотчас же стал распространять воспринятые учения с академической кафедры и таким образом положил начало школе Гегеля в ряду преподавателей в университетах.

Он сделался приват-доцентом в Гейдельберге в 1819, успешно начал свою преподавательскую деятельность, пользовался сочувственным содействием Дауба, Крейцера и Шлоссера и написал сочинение о "религии в ее внутреннем отношении к философии". Гегель не только помогал ему при этом полезными советами, но и снабдил его сочинение предисловием и таким образом выдвинул его (1822). Благодаря этому Гинрихс получил место экстраординарного профессора в Бреславле и через два года должность ординарного профессора в университете в Галле, где он и умер после многолетней деятельности (1861), спустя целое поколение после смерти Гегеля.

3. КАРОВЕ

Из гейдельбергских слушателей и последователей Гегеля следует упомянуть Фридриха Вильгельма Карове из Кобленца. Благодаря своему происхождению и жизни в Кобленце, принадлежавшем во время его юности Франции, он получил католическое и французское воспитание, но по духу был германцем. Будучи гейдельбергским студентом, он принимал живое участие в волнениях буршей, усердно слушал лекции Гегеля и впоследствии в 1826-1832 написал ряд сочинений в духе свободомыслия и немецкого направления: *Über alleinseligmachende Kirche* (О единоспасающей церкви), *Das Coelibatgesetz des römisch-katholischen Klerus* (Обет безбрачия римско-католического духовенства), *Die letzten Dinge des römischen Katholicismus in Deutschland* (Последнее слово католицизма в Германии); кроме того, он написал сочинение *St.-Simonismus und die neuere französische Philosophie* (Сенсимонизм и новейшая французская философия, 1831) и много статей о литературе, истории, культуре и истории искусства, составивших сборник под заглавием "Neorama" (1838). В предисловии к первому сочинению он говорит о себе: "Его детство совпало с тем временем, когда тяжкая судьба угнетала его родину и общее бедствие сроднило друг с другом представителей различных вероисповеданий. Просвещение предшествовало этому и развило способность понимать общечеловеческое. Таким образом чувство и потребность действительно всеобщего предшествовали сознанию обособления, производимого религией, к которой он принадлежал по рождению"*.

---

* *Ueber alleinseligmachende Kirche*. Предисловие, стр. IX. Книга эта содержит в себе три посвящения, три эпитафии, предисловие в 50 страниц, а потом опять шесть эпитафий. Текст кишит вводными мыслями, помещенными в скобках.

4. КУЗЕН

Молодой французский философ Виктор Кузен, ученик и последователь философа шотландской школы Ройе-Коляра (1813), профессор истории философии в "faculté des lettres" и "école normale" в Париже, после двухлетнего чрезвычайно напряженного чтения лекций почувствовал сильное утомление и с целью отдыха предпринял в конце июля 1817 поездку на каникулы в Германию, желая познакомиться с немецкими философами. Он знал немецкую философию, в особенности новейшую, собственно лишь по слухам. Впрочем, он изучал Критику чистого разума в латинском переводе Бориса, с трудом сличая ее с немецким оригиналом, и считал себя настолько усвоившим ее, что легко и искусно говорил о ней на лекциях.

Во Франкфурте-на-Майне он пробыл несколько времени и подружился с графом Рейнгардом, тогдашним французским посланником на сейме, швабом по происхождению, бывшим воспитанником тюрингенской семинарии; при Наполеоне во французской республике он сделал блестящую дипломатическую карьеру и состоял в дружеской переписке с Гете*. Кузен познакомился также с врачом Пассаваном, который был известен своим лечением посредством магнетизма, с Фридрихом Шлоссером и с Фридрихом Шлегелем, который тогда служил советником при австрийском посольстве; с последним Кузен много беседовал. Шлегель, прекрасно объяснявшийся на французском языке, убедил его, что неизбежный путь в философии ведет от Канта к Фихте, а потом к Шеллингу, что в современной Германии есть три величайших философа – Якоби, Шеллинг и Франц фон Бадер, и

что новейший высший, христианский и церковный эмпиризм должен быть задачей и ближайшей целью философии. Фридрих Шлоссер, о котором говорит Кузен в своем путевом дневнике, был не кто иной, как Фридрих Христофор Шлоссер из Иевера в восточной Фрисландии; при Дальберге он был назначен профессором истории в лицее во Франкфурте (1812), а теперь, во время путешествия Кузена, он получил место профессора истории в Гейдельберге (1817). Он был спутником Кузена по дороге в Гейдельберг и, по-видимому, указал на своего друга Дауба, как на человека, который может его познакомить с немецкою философией и философами. Дауб в свою очередь сказал ему, что в Гейдельберге, спрашивая о философях, можно говорить лишь о Гегеле. Так как в Гейдельберге Кузен предполагал остаться лишь два часа, то он воспользовался ими для посещения Гегеля и был настолько увлечен его личностью и беседою, несмотря на его плохой французский язык, что пробыл в этом городе не два часа, а два дня и, уезжая, решил, что на обратном пути пробудет дольше в Гейдельберге и вернется на следующий год.

---

* Карл Фридрих Рейнгард из Шорндорфа (1761-1837).

Во время этой первой своей поездки в Германию Кузен посетил в Иене философа Фриза, в Веймаре Гете и в Берлине Шлейермахера, приобретшего известность, как богословский проповедник. Фриз собирался ехать в Эйзенах на роковой вартбургский праздник (18 окт. 1817), богатый последствиями, и много говорил о зарождающихся либеральных идеях. 26 окт. молодой французский философ вернулся в Гейдельберг и оставался здесь до 18 ноября 1817.

Кузен с удовольствием замечал полное согласие в своих политических взглядах с Гегелем. По его словам, в течение его четырнадцатилетних сношений с Гегелем не было ни одного момента, когда бы это согласие нарушилось, и не было второго человека, с которым его политическое единомыслие всегда до такой степени согласовалось бы. И он, и Гегель высоко ценили французскую революцию и охотно говорили о ее событиях и великих деяниях; как он, так и Гегель держались либерализма и монархизма; "он был голубой", – говорит Кузен, употребляя выражение, которое Наполеон, говорят, применял к себе и своему политическому направлению, имея в виду французские национальные цвета*.

---

* *Revue des deux mondes*, т. XI (1851) стр. 545-560, т. LXIV (1866) стр. 594-619, стр. 606.

Иное отношение существовало между их взглядами и симпатиями в области религии и философии. Кузен, согласно своему происхождению и воспитанию, стоял на стороне римско-католической церкви, будучи, однако, далек от всякого фанатизма, тогда как Гегель был решительным протестантом и считал протестантизм, часто выражая в меткой форме эту мысль в письмах к Нитгаммеру, не только религией, но и особою высшею "формою просвещения", в особенности народного просвещения. Гегель, с его широким историческим кругозором, умел ценить французскую философию восемнадцатого века во всем ее значении, тогда как Кузен с его шотландским спиритуализмом питал к ней отвращение.

Кузен возгорелся желанием познакомиться с философией Гегеля, о которой Фридрих Шлегель во Франкфурте мимоходом заметил лишь, что она составляет "тонкое мировоззрение". Кузен считал установленным, что Гегель зависит от Шеллинга в философии природы, и что его взгляды составляют важнейшее явление в этой школе, господствовавшей в Германии того времени, но о Шеллинге и философии природы Кузен, собственно, вовсе не имел обстоятельных, ясных и точных представлений. Последним, только что явившимся произведением Гегеля была Энциклопедия философских наук. Кузен надеялся быстро проникнуть в содержание этой сокровенной книги с помощью Карове, который говорил по-французски и был слушателем и последователем Гегеля. Осенью 1817 года они гуляли вместе в гейдельбергском дворцовом саду и по аллее философов с Энциклопедией в руках, которую Карове старался перевести и истолковать ему. Вечером за чаем они являлись к Гегелю и задавали вопросы своему оракулу, так как Карове, как заметил вскоре Кузен, до существу едва ли лучше понимал Энциклопедию, чем он сам. Прощаясь с Гегелем, Кузен чувствовал себя осажденным вопросами и проблемами, не получившими решения, и постановил приехать опять в следующем году

и отправиться в Мюнхен, чтобы познакомиться с жившими там Якоби и Шеллингом, которые принадлежали к числу указанных ему Шлегелем "трех величайших современных философов".

Бросая взгляд назад на свое первое пребывание в Германии, ночью перед возвращением в свое отечество, 15 ноября в городе Келе, Кузен старался объединить полученные впечатления. Исследования немецкой критики с их спорными и оспариваемыми выводами атаковали его ум в хаотическом беспорядке: согласно этой критике, нет более римских царей, нет также Гомера, а есть лишь гомериды, "Законы" Платона написаны не Платоном, первая книга Моисея (книга Бытия) написана после вавилонского пленения и полна представлениями мидян и персов, евангелия явились лишь в конце второго века, еще немного, и имя Иисуса Христа было признано мифом, как и имя Гомера!*

В переписке Гегеля последнее из его гейдельбергских писем (5 авг. 1818) было обращено к Кузену, которому он, перед его поездкой в южную Германию, рекомендовал Штутгарт, Тюбинген (Эшенмайер) и Мюнхен, где он должен был познакомиться с Якоби и Шеллингом, но, по совету Гегеля, говоря с одним, не упоминать о своем знакомстве с другим. Так как Кузен сохранил приятные воспоминания о Гейдельберге и в письмах называл его своим вторым отечеством, то Гегель выражал надежду увидеть его на обратном пути опять в Гейдельберге, перед переселением в Берлин, предстоявшим ему в следующем месяце*.

---

* *Revue des deux mondes*, т. XI (1857) стр. 548-560, стр. 551.

** Из того же письма мы узнаем, что Гегель весной провел несколько дней в Штутгарте в первый раз после двадцати лет и в последний раз в своей жизни. Как о последней гейдельбергской городской новости, он сообщает своему парижскому другу, что дочь теолога Паулуса третьего дня (3 авг.) обручена с А. В. Шлегелем. 30 августа была свадьба, за которой спустя несколько дней должен был последовать развод. *Briefe von und an Hegel*, II. стр. 19-22.

Между Гегелем и Кузеном установилась дружба и взаимная привязанность, сохранявшаяся до смерти Гегеля и повлекшая для обеих сторон ряд важных событий, о которых мы расскажем в ближайших главах. Чтобы мы ни думали о степени понимания Кузеном философии Гегеля и немецкой философии вообще, все же нельзя не признать, что он сразу почувствовал значение и величие Гегеля, что он живо заинтересовался его философско-историческими идеями и беседами и чрезвычайно содействовал славе имени Гегеля во Франции. Когда Гегель стоял на высоте, Кузен обыкновенно говорил: "Я предсказал его славу и уже после первой своей поездки в Германию заявил, что нашел гениального человека".

5. ДАУБ

Величайшим учеником Гегеля в Гейдельберге был и оставался глубокомысленный Дауб. Он углубился в изучение сочинений Гегеля, когда последний был уже в Берлине; он изучил Логику и тогда впервые понял Феноменологию – этот освященный логическим методом путь человеческого сознания к познанию Бога. Что могло быть полезнее и важнее для изучающих теологию, чем введение в такую науку? В летнем семестре 1821 Дауб читал лекции о феноменологии Гегеля перед многочисленной аудиторией и затем напечатал свое введение в этот курс. Из всех похвал, выслушанных Гегелем, конечно, нет не одной более важной, чем следующие строки пятидесятилетнего Дауба: "Я напряженно изучал вашу Логику, и лишь после этого мне, наконец, вполне уяснилось содержание вашей Феноменологии духа". "Окружающая среда, внешняя жизнь и ее выдающиеся события были для меня уже давно, еще до вашего прибытия сюда, безразличны, однако, лишь благодаря вам, великий, благородный человек! я в последние два года действительно проник в область науки и, надеюсь, если только внутренняя жизнь моя продолжится еще несколько лет, на деле доказать, что и на юге, как на севере, процветает строгая наука"*.

---

* *Briefe von und an Hegel*, II. стр. 30 (письмо Дауба 30. сент. 1820). Ср. стр. 44-46 (Гегель к Даубу. Берлин, 9 апр. 1821). Там же, стр. 55-58 (Крейцер к Гегелю. Гейдельберг, 8 сент. 1821). Стр. 58-60

(Дауб к Гегелю. Гейдельберг, 19 сент. 1821). Указанный здесь курс лекций в расписании обозначен так: "Введение в изучение теологической морали, пятница и суббота от 8-9, публично".

Ср. прекрасную статью Штрауса "Шлейермахер и Дауб в их значении для теологии нашего времени" (1839) в *Strauss Charakteristiken und Kritiken* (1844), стр. 1-212.

Глава десятая ПРИГЛАШЕНИЕ ГЕГЕЛЯ В БЕРЛИН

I. МИНИСТЕРСТВО АЛЬТЕНШТЕЙНА

1. РЕФОРМЫ ШТЕЙНА

Третьего ноября 1817 Фридрих-Вильгельм III издал указ, по которому из прежнего департамента в министерстве внутренних дел было создано особое министерство духовных дел, народного просвещения и здравия, и во главе его поставлен был государственный министр барон фон Альтенштейн.

Карл Сигизмунд барон фон Штейн цум Альтенштейн из Ансбаха (род. 7 октября 1770) принадлежал к старому франконскому дворянству. Свою карьеру он начал административную деятельность при Гарденберге, прусском государственном министре, во франконских княжествах Ансбахе и Байрейте, которые в то время были соединены с Пруссией. Затем он был переведен в Берлин в министерство финансов и принадлежал к числу лиц, которые, после битвы под Иеною, собрались в Кенигсберге, чтобы подготовить и обосновать преобразование и возрождение Пруссии, веря в ее будущее. Во главе этих патриотов и реформаторов стоял барон фон Штейн, который после тильзитского мира был руководителем прусского государства и повел его вперед с помощью новых освободительных законов, пробуждающих и развивающих силы народа, пока Наполеон не заставил короля дать ему отставку (в ноябре 1808).

Когда государство хочет возродиться, оно должно планомерно развивать юношеские силы народа, т. е. воспитывать его, чтобы сделать пригодным для великих государственных целей; оно должно питать и усиливать национальный дух. Теперь для современного государства наступила пора развить общественную систему воспитания и сделаться сообразно своим задачам воспитательным государством, подобно тому как греческое государство, по идеям Платона и Аристотеля, должно было учредить воспитание, служащее государственным целям. Новое направление воспитания, открытое Песталоцци в начале новейшего времени, основанное на интеллектуальной самостоятельности (наглядности), примененное в элементарной форме к бедному простому народу и испытанное здесь, должно было в расширенной форме в разных степенях получить применение к образованию целого народа, под руководством самого государства. Такова была цель Штейна, с которою вполне соглашался Фихте, изучивший во время своего пребывания в Кенигсберге метод своего друга Песталоцци и вскоре развивший вопрос о национальном воспитании в этом смысле в своих "Речах к германской нации" (1808)*.

---

* Ср. наст. соч. т. V (Фихте. 2. изд.). кн. II. гл. V. стр. 314 с., кн. IV. гл. VII, стр. 731-747 (Юбил. изд. т. VI).

2. СОЧИНЕНИЕ АЛЬТЕНШТЕЙНА. ПЕРВЫЙ ПРУССКИЙ МИНИСТР ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

Альтенштейн, сторонник философии Фихте, увлеченный этими идеями и согласный с реформами и планами Штейна, написал после тильзитского мира сочинение о реформе воспитания, обсудив его раньше с Гарденбергом, Шеном и Нибуром (1807). После отставки Штейна он сделался государственным министром и стал заведовать финансами, отыскивая средства уплатить огромный военный долг Пруссии. Не находя средств решить эту задачу финансовым путем, он предложил королю сделать новые территориальные уступки, но тогда Гарденберг, бывший с 1810 прусским государственным канцлером, посоветовал дать отставку Альтенштейну, несмотря на то, что был и оставался его искренним другом и покровителем.

В 1813 Альтенштейн сделался гражданским губернатором Силезии, а двумя годами позже был послан в Париж, чтобы с Вильгельмом фон Гумбольдтом следить за возвращением сокровищ искусства, похищенных во время войны. Его карьера сталкивала его в решительные моменты и в важных предприятиях с первыми людьми того времени, каковы Штейн, Гарденберг, Шен, Нибур, В. фон Гумбольдт и др., еще до того, как он сделался министром вероисповеданий 3 ноября 1817. Он был первым и самым славным представителем этого нового министерства, в течение всего своего управления им, продолжавшегося два десятка лет (от 3 ноября 1817 до 28 декабря 1838).

3. УНИВЕРСИТЕТЫ. ОСНОВАНИЕ ИХ И ОПАСНОСТИ

Утешительные, возбуждавшие надежды слова короля, что государству предстоит духовными силами возместить то, что оно потеряло физически, должны были осуществиться при помощи нового общественного воспитания народа, путем основания новых школ и университетов. Когда В. фон Гумбольдт руководил делами народного просвещения в Пруссии (1809), давно уже задуманный план основания университета в Берлине окончательно созрел и был выполнен осенью следующего года. Уже в первом семестре Шлейермахер читал энциклопедию теологических наук, Савиньи римское право, Нибур римскую историю, Ф. А. Вольф о Фукидиде и об Анналах Тацита, Бек энциклопедию и методологию филологических наук, Фихте об изучении философии и о наукословии. Он был первым избран на должность ректора университета*.

---

* Ср. наст. соч. кн. II, гл. V, стр. 315-318.

В прусских областях было несколько университетов, подлежащих уничтожению, сделавшихся бесполезными вследствие недостатка слушателей или своего исключительно провинциального значения, как, напр., в Дуисбурге, Франкфурте-на-Одере, Эрфурте и Витенберге; наоборот, в других местах явилась теперь необходимость основать новые университеты. Университет во Франкфурте-на-Одере был уничтожен и перенесен в Бреславль (1811), где возник таким образом первый прусский университет с двумя теологическими факультетами. Университет в Галле-на-Заале был восстановлен (1813) и соединен с витенбергским (1817). Для министерства Альтенштейна первую творческую задачу, требовавшую устранения многих затруднений, было основание нового университета в рейнских областях в Бонне (1818).

Между тем среди академической молодежи возрос пробужденный войнами за освобождение дух патриотизма и политических реформ под именем германского буршества (Burschenschaft), которое было основано в Иене в июне 1815, быстро распространилось по всем немецким университетам и отныне стало называться "всеобщим германским буршеством" (1818). Своею целью члены его признавали единство и мощь великого германского отечества в противоположность бессильной и раздробленной Германии, существовавшей пред лицом мира в форме новогерманского союза с его сеймом. Общества гимнастики, составлявшие также важный элемент нового народного воспитания (первое из них было открыто в 1811 Ф. Л. Яном в Hasenhaide в Берлине), также разделяли идеи буршей и содействовали их распространению. На празднике в Вартбурге 18 октября 1817 в речах, прославлявших свободу, восхвалялось немецкое прошлое и будущее и было сожжено несколько возбуждавших ненависть сочинений, между прочим произведения поэта Коцебу, который считался политически и нравственно жалким и вредным писателем. Это общее восторженное возбуждение молодежи не обошлось без фанатических выходок и ненормальностей. Отдельным актом такого фанатизма было умерщвление Коцебу в Мангейме Зандом (23 марта 1819), который был иенским студентом, членом всеобщего германского буршества и общества гимнастики.

Князь Меттерних в Вене, распоряжавшийся германским союзным сеймом, воспользовался этим преступлением, как удобным сигналом для подавления свободы университетов, господствовавшей в преподавании, литературе и университетских обществах: были составлены карлсбадские постановления, и союзный сейм утвердил их 20 сентября 1820. Общества буршей были запрещены, учреждения для гимнастики закрыты, профессора и студенты были подвергнуты строжайшему надзору, были назначены центральные следственные комиссии, к университетам были приставлены уполномоченные от правительства для надзора и т. д. Одним словом, по выражению Дальмана,

университеты "переживали сентябрьские дни". Нибур, называвший сожжение книг в Вартбурге "гримасою", также считал карлсбадские постановления вредною мерою. Однако король Фридрих Вильгельм III, расстроенный уже сочинением Арндта "Geist der Zeit" (Дух времени) до такой степени, что едва не отказался подписать акт открытия боннского университета, обеспокоенный и раздраженный движениями буршей в университетах и в высшей степени возмущенный преступлением Занда, склонился, под влиянием Меттерниха, в пользу реакции и подавления движения. Князь Витгенштейн соглашался с Меттернихом и пользовался сочувствием короля. Выслеживанием и преследованием так называемых демагогов занимался из прусских чиновников особенно К. А. фон Камптц, начальник департамента полиции в министерстве внутренних дел (1817). Он был также автором одного сочинения, сожженного в Вартбурге.

4. СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ЭПОХЕ СИСТЕМА

Таковы были знамения времени, когда Альтенштейн вступил в управление прусским министерством вероисповеданий: за две недели до этого праздник в Вартбурге, спустя после него год учреждение всеобщего германского буршества (18 октября 1818), пятью месяцами позже умерщвление Коцебу. В акте учреждения всеобщего буршества было заявлено, что учащаяся в немецких университетах молодежь хочет составлять единое целое, "основанное на отношении германской молодежи к возникающему единству германского народа". Австрийскому государственному канцлеру, его сторонникам и подобающим помощникам казалось, что германские университеты находятся в состоянии восстания, которое во что бы то ни стало нужно подавить и потушить, хотя бы ценою жизни самих университетов.

Однако не такого мнения держались прусский государственный канцлер и все государственные люди, работавшие над возрождением Пруссии и оказавшие важные услуги государству. Одним из таких людей был Альтенштейн. Он также хотел серьезного противодействия незрелому поведению учащейся молодежи, ее преждевременному вмешательству в практическую политику, ее страстному преследованию неопределенных целей, однако не путем насилия, а с помощью науки и поучения. Революции, обыкновенно, бывают следствием взрыва насильственно подавленной эволюции. Правильно руководимое развитие может предотвратить переворот и направить революционные стремления к добру. Эту великую услугу государству оказывает наука, путем правильного понимания состояний и развития мира; такую роль в особенности играет философская наука, способная методически осветить и указать ход развития мира, в особенности нравственного и политического.

В 1817 году из философских направлений лишь одна система соответствовала этому требованию: система, в которой учение о духовном развитии мира было обосновано феноменологически и логически и развито энциклопедически. Такова была система Гегеля, начавшая приобретать влияние и распространение путем преподавания. Свидетельством проницательности нового министра служит то, что он в первые же дни своего управления министерством написал к Гегелю и предложил ему все еще вакантную кафедру Фихте (26 дек. 1817). Гегель согласился на этот призыв, правильно чувствуя, что пришло его время вступить в связь с Берлином и наоборот. Условия были самые благоприятные: жалование равнялось 2.000 талеров, на расходы по переезду было назначено 1.000 талеров, и в самой почтительной форме было обещано всякое желательное содействие в будущем. "Министерство высоко ценит приобретение такого глубокого мыслителя и академического преподавателя, основательно вооруженного научными знаниями и воодушевленного серьезными и правильными стремлениями, и потому оно охотно будет содействовать всему, что необходимо для облегчения Вашего пребывания здесь. В настоящее время оно хочет лишь по возможности скорее видеть осуществление желания многих лиц, уж давно ожидавших замещения кафедры философии"*.

---

* Розенкранц, стр. 318 с. К сожалению, в сборнике писем Гегеля нет переписки Альтенштейна с Гегелем, за исключением одного письма.

Взгляды Гегеля на Пруссию с течением времени изменились: это время было наполнено мировыми кризисами. В своей критике государственного строя Германии, написанной до битвы под Иеною, Гегель имел в виду абсолютное военное государство, в котором все управлялось и повелевалось

сверху вниз, как в централизованной французской республике. Такой государственный строй вовсе не соответствовал гегелевской идее государства. "Какая сухая бездушная жизнь разовьется в таком современном государстве, в котором все руководится сверху, как во французской республике, это мы увидим в будущем. Но какая жизнь и сушь царит в другом так же управляемом государстве, в Пруссии, это видно и теперь всякому, кто посетит первую попавшуюся деревню ее, кто обратит внимание на полное отсутствие в ней научного или художественного гения и оценит ее силу, не останавливаясь лишь на эфемерной энергии, которую сумел вдохнуть в нее на время гений одного человека"*.

Теперь, когда Пруссия после своего поражения возродилась благодаря собственным силам не только как новое военное государство, но и как новое воспитательное государство, Гегель справедливо мог сказать в своей гейдельбергской вступительной речи 28 октября 1816, что началось господство идей, и что в частности именно прусское государство построено на разуме**.

---

* Розенкранц, стр. 244.

** См. выше гл. IX, стр. 105.

II. ИОГАННЕС ШУЛЬЦЕ*

1. ОБРАЗОВАНИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

В том же году, когда был приглашен Гегель, Альтенштейн, с самого начала задавшийся целью увеличить количество сил в своем обширном министерстве, заваленном тяжелыми делами, привлек выдающуюся силу в лице молодого Иоганнеса Шульце, которого он назначил советником по делам высших учебных заведений, сначала гимназий, а потом также университетов, основываясь на настоятельной рекомендации Гарденберга, опиравшейся на личное знакомство (июль 1818).

---

* Ср. соч. Dr. Varrentrapp, Johannes Schulze und das höhere preussische Unterrichtswesen zu seiner Zeit Лейпциг, изд. Тейбнера, 1889.

Иоганнес Шульце из Демица в Мекленбург-Шверине (род. в городке Брюэль 15 января 1786), сын состоятельных родителей, подготовился к изучению филологии в классических школах в Ганау в Гессене и в монастыре Берге в Пруссии. В Галле, где, между прочим, он серьезно увлекался лекциями Шлейермахера, он был восторженным учеником великого филолога Ф. А. Вольфа и членом его семинария, затем он учился в Лейпциге у Готфрида Германа. Через посредство Франца Пассова, с которым он всегда был и оставался в тесной дружбе, он был приглашен в гимназию в Веймар, для организации высшего класса, посвященного изучению греческого языка, а отсюда после почти четырехлетней деятельности (от сентября 1808 до марта 1812) он переехал в Гессен для преобразования школы в Ганау и управления ею. Весною 1816 он с радостью принял место школьного советника в Кобленце и, оглядываясь назад, мог уже вспоминать чрезвычайно интересное, богатое событиями прошлое, когда тридцати двух лет вступил в новый круг деятельности в Берлине, где он работал более сорока лет (1818 до 1859) на пользу прусских университетов и к собственной славе.

Эпоху падения он пережил и перестрадал в Галле: появление Наполеона, закрытие университета, изгнание студентов, в числе которых находился и он сам. Он переселился в Берлин и приехал туда в тот самый день, когда Наполеон с триумфом вступал во главе своей победоносной армии через бранденбургские ворота, с мрачным видом, в своем сером сюртуке, сопровождаемый пышною свитой маршалов и генералов. На следующий день он видел, как император раздавал своим солдатам ордена в Lustgarten'e. Затем он вернулся на родину в Демиц, чтобы оказывать помощь нуждающимся во время прохода французских войск; здесь он познакомился с Друэ, почтмейстером из Сан-Менегульда, который был причиною ареста Людовика XVI в Варенне. В Лейпциге, куда он сопровождал графа фон Пюклера, он подружился с Зеймом и поступил в орден масонов, в ложе которых "под тремя пальмами" он читал патриотические речи, сокровенные от французских шпионов.

В Веймаре, вскоре после своего прибытия, он был очевидцем блестящих наполеоновских празднеств, следовавших за конгрессом в Эрфурте, который был созван французским императором в октябре 1808. В свите Наполеона находился Галейран, который не был обязан, да и вовсе не хотел

участвовать в большой охоте, устроенной 6 октября, и предпочел остаться в Веймаре и осмотреть библиотеку, которую ему показывал Шульце, хорошо знакомый с французским языком. Из сокровищ библиотеки особенное внимание французского государственного человека привлекли к себе рисунки Луки Кранаха к переводу Библии Лютера и иллюстрации к Гомеру Тишбейна. Вечером этого дня в партере придворного театра в Веймаре собрались короли и герцоги, в середине которых занимали почетное место два императора. Была поставлена "Смерть Цезаря"; Тальма играл Цезаря. С галереи Шульце смотрел на два грандиозных зрелища: в партере и на сцене. Вечером следующего дня он стоял вблизи от Тальма и мог наблюдать, как он с напряженным интересом и удовольствием следил за игрою П. А. Вольфа, в роли Позы. Какие контрасты: вчера Тальма играл "Смерть Цезаря", сегодня он восхищается изображением шиллеровского Позы!

Отдаваясь патриотической деятельности, Шульце выступал также в роли оратора в масонской ложе Амалии в Веймаре, и замечательнейшим для него событием здесь была его речь к Виланду в апреле 1809, когда Виланд вступил в общество масонов, к которому принадлежали также Карл Август и Гете. В противоположность космополитическому образу мыслей Нестора немецких поэтов, он в своей речи восхвалял и выдвигал на первый план патриотическое настроение и чувство долга. Ему было двадцать три года, а Виланду семьдесят шесть. Страсть к ораторской деятельности, волнующей сердца, была в нем так сильна, что он выступал на амвоне в роли религиозного проповедника, хотя и не изучал теологии, не подготавливался к этому соответствующими испытаниями и не был рукоположен. Он произнес ряд проповедей (от ноября 1808 до осени 1810) в городской церкви в Веймаре и в старой дворцовой церкви в Шварцбурге и издал их в двух сборниках (1810 и 1811); из них второй посвящен первому католическому иерарху тогдашней Германии, Карлу фон Дальбергу, примасу рейнского союза. Из учеников и почитателей Шлейермахера Шульце, конечно, был первым, вступившим на амвон Гердера. Когда он праздновал пятидесятилетний юбилей своей службы (4858), в веймарской городской церкви с похвалами и благодарностью вспоминали его проповеди. Его охотно слушали также особы царского происхождения, каковы великая герцогиня Луиза, наследная великая герцогиня Мария Павловна, принцесса Каролина (обучавшаяся у него истории литературы) и княгиня-мать Каролина фон Рудольштадт. Шарлотта фон Шиллер ставила простоту проповеди Гердера выше восторженного пыла речей Шульце, но и она была в высшей степени дружески расположена к нему и имела для этого много оснований, так как он из уважения и преклонения перед великим поэтом приглашал ее сына Эрнста на свои уроки в гимназии и кроме того бесплатно давал ему частные уроки. Он познакомился также с Юлией фон Ленгефельд и Каролиной фон Вольцоген (тещею и свояченицею Шиллера) и читал последней по ее желанию трагедии Софокла в переводе Штольберга.

В день рождения великой герцогини Луизы, 30 января 1811, в веймарском театре была поставлена в первый раз величественная трагедия Кальдерона "Стойкий принц". Шульце был сильно потрясен этим глубокомысленным религиозным произведением и написал о нем сочинение, которое возникло, правда, по желанию Гете, но вовсе не понравилось ему своим чрезмерным культом Кальдерона. Гораздо более соответствовало желаниям Гете издание произведений Винкельмана, в особенности истории искусства, для которого Шульце соединился с Генрихом Мейером по инициативе последнего. С увлечением выполнял он эту работу и в течение нескольких лет посвящал ей часы досуга*.

---

* Четвертый том истории искусства явился на Пасху 1815, предисловие написано 22 марта 1815. Ср. соч. Варрентраппа, стр. 176.

Я полагаю, что весной 1811 трагедия Кальдерона была повторена в Веймаре, и что она произвела глубокое сохранившееся навсегда впечатление на одного молодого человека, находившегося еще в университете: я имею в виду Шопенгауэра, который посещал веймарскую гимназию в 1808 и 1809 и, как ученик высшего отделения, был слушателем не только Пассова, но и Шульце. Из всех его учеников Шопенгауэр был самым замечательным и впоследствии самым знаменитым. Однако, насколько мне известно, Шульце никогда не вспоминал об этом ученике, а Шопенгауэр об этом учителе. Также и то обстоятельство, что учитель Шопенгауэра сделался таким важным учеником Гегеля, как Иоганнес Шульце, без сомнения, было единственным.

Великий герцог Франкфурта Карл фон Дальберг назначил Шульце весной 1817 после почти четырехлетней деятельности в Веймаре высшим школьным советником и директором школы в Ганау с

тем, чтобы он преобразовал там "высшую школу" и руководил ею. Ему было поручено привлечь туда новые силы. Одним из первых был приглашен в Ганау Фридрих Рюкерт, приват-доцент филологии в Иене (1811), принявший приглашение 1 декабря 1812. Он близко сошелся с Шульце и часто вел с ним дружеские беседы, однако перед открытием новой гимназии (1 февраля 1813) он внезапно исчез, не прощавшись, и письменно просил у друга прощения, оправдываясь тяготившею его меланхолией. Время это было богато роковыми и волнующими событиями. В 1812 году совершился поход Наполеона в Россию, пожар Москвы, отступление и гибель великой армии.

16 декабря 1812 в послеобеденное время Шульце стоял в гостинице "Zum Riesen" у окна и смотрел на улицу, покрытую глубоким снегом. "Подъехали сани, и я узнал выходявшего из них Наполеона и поспешил сообщить об этом хозяину гостиницы Эбермайеру. Неуклюже вышел он из комнаты и вскоре вернулся, запыхавшись, с известием, что император желает пообедать у него и находится в комнате первого этажа. Император весело болтал с прислуживавшею ему женою Эбермайера и вечером поспешил из Франкфурта в Майнц, несмотря на ледоход на Рейне". Так описывает Шульце это событие в своих воспоминаниях; он первый узнал Наполеона.

К 1813 году относятся начало возвышения Германии, великая европейская коалиция против Французской империи, разложение рейнского союза, битва народов при Лейпциге, отступление Наполеона во Францию, которое еще приходилось обозначить битвою под Ганау. С башни своей гимназии Шульце наблюдал эту битву, последнюю, данную Наполеоном на германской почве. Теперь Рюкерт мог дать свободу своему стесненному сердцу и сделал это в "сонетах, покрытых броней", в которых он, ликуя, возвестил освобождение Германии и гибель Наполеона, и между прочим воспел геройскую смерть Теодора Кернера.

Наступило время реставрации, и И. Шульце пережил и перестрадал в Ганау первые шаги гессенской реставрации. В лице возвратившегося курфюрста Вильгельма I он познакомился с типом тех государей, к которым вполне можно было применить изречение, что они ничему не научились и ничего не забыли. Этот вернувшийся курфюрст без курфюршества хотел все восстановить в прежнем виде, даже и косички солдат. Так как Шульце вовсе не был склонен восстанавливать отжившие формы, а скорее всеми силами стремился создать новую духовную жизнь, то все его помыслы устремились на Пруссию, и в особенности новые прусские области на Рейне. В то время здесь делами народного просвещения руководил Иосиф Геррес, основатель и издатель журнала "Rheinische Merkur" в Кобленце, родном городе Герреса. Геррес находился в периоде увлечения германизмом (как прежде галломанией, а потом ультрамонтанством), и в глазах Шульце, всегда поддававшегося энтузиазму, казался мечущим "громы и молнии" в своем журнале. Он охотно последовал бы предложениям Герреса, однако они не привели ни к каким результатам, так как не нашли поддержки в правительстве. Гораздо влиятельнее были советы Шлейермахера, Вольфа и особенно Зюверна в Берлине, который стоял во главе управления высшими учебными заведениями в министерстве внутренних дел. В апреле 1816 Шульце был назначен провинциальным школьным советником в Кобленце, причем ему было поручено преобразовать гимназии в рейнских областях. Для осуществления этой цели он между прочим сам преподавал древние языки в высшем классе гимназии в Кобленце. Одним из его тогдашних учеников был Иоганнес Мюллер из Кобленца, который, по желанию отца, должен был сделаться ремесленником, а по совету Шульце – ученым; впоследствии он сделался известным физиологом, преобразовавшим свою науку и прославившим берлинский университет. Так как Шульце был также членом консистории, то он выхлопотал себе посвящение в сан пастора, чтобы сделаться церковным проповедником, и, как таковой, произнес две проповеди: первую на торжестве в память павших в боях, а вторую на празднике реформации 31 октября 1831. С праздником реформации оратор мог соединить и восхваление тогда же установленной Фридрихом Вильгельмом III унии евангелической церкви.

Первым по своему званию, самым замечательным и интересным человеком, которому Шульце должен был представиться тотчас же по своем прибытии в Кобленц, был генерал Нейтгардт граф фон Гнейзенау, о личности которого и впечатлении, производимом им, Шульце писал в самом восторженном тоне своей жене. Разговаривая с переводчиком Арриана, Гнейзенау вскоре завел речь об Александре Великом, а потом о Наполеоне. Великий полководец, много содействовавший победе под Ватерлоо, этому окончательному и губительному поражению Наполеона, закончил свою беседу

следующим прекрасным и метким замечанием: "Его победили не наши расчеты, а высокое, оставшееся ему непонятным воодушевление и любовь к отечеству прусского народа"*.

---

* Варрентрапп, стр. 180. Ср., что касается предыдущего, также стр. 146 и стр. 156.

Здесь Шульце познакомился также с начальником генерального штаба К. фон Клаузевицем, который, благодаря своим посмертным сочинениям, сделался известным военным писателем и считался самым умным и ученым офицером во всей прусской армии; Гнейзенау назвал его своим ближайшим другом. Не могло существовать большей противоположности, чем между Герресом и Клаузевицем, которому при его привычке к военным порядкам и к конкретному, определенному и точному мышлению и речам, были в высшей степени противны политическая агитация, неопределенные идеи и декламаторская беспорядочность Герреса, тогда как Шульце подчинялся бурной силе его речи и даже подписал составленный Герресом адрес к королю с просьбой о конституции, за что получил официальный выговор, единственный в своей жизни.

Несмотря на страстные вспышки, увлекавшие его то в ту, то в другую сторону, в своей должности он был в высшей степени добросовестным, сведущим и выдающимся человеком дела. Когда прусский государственный канцлер останавливался в 1817 в рейнских областях, он лично познакомился с ним, оценил его служебные заслуги и таланты, и, по его рекомендации, Альтенштейн пригласил его в июле 1818 к себе в Берлин. Школьный советник, испытанный и приобретший опыт в рейнских областях, мог оказать ему услуги при открытии университета в Бонне.

2. ПОДОЗРЕНИЯ

До каких чудовищных размеров возрастали опасения перед университетами и так называемыми демагогическими происками, а вместе со страхом и подозрительность, об этом Шульце имел случай узнать на самом себе в самом начале своей деятельности, в роли высшего тайного советника в прусском министерстве вероисповеданий в Берлине. Во время одной поездки с целью ревизии осенью 1819 он несколько дней пробыл в Шульцфорте и в воскресенье проехался отсюда в замок Дорнбург, чтобы посетить находившуюся там даму, с которою он был дружен еще в Веймаре. Он не знал, что в то же время там находился великий герцог Карл Август. Последний, услышав о приезде Шульце, пожелал с ним поговорить. Интимная беседа, в присутствии лишь наследной великой герцогини и двух придворных дам, касалась направленных против демагогов преследований, которые причинили уже много хлопот великому герцогу и возбуждали в нем большое неудовольствие. Шульце высказался против них и описывал их, как преувеличенные и по существу неосновательные меры. Эту беседу подслушали шпионы, сообщили ее в Берлин, и она дошла до короля. Шульце подвергнулся формальному дознанию у Альтенштейна, причем ему легко удалось вполне успокоить министра рассказом об этом происшествии; однако люди, боявшиеся демагогов, между прочим и король, стали смотреть на него с подозрением, и в течение многих лет он чувствовал, что его особа не внушала им доверия. Это было вскоре после смерти Коцебу. Профессор де Ветте в Берлине был лишен места за утешительное письмо к матери Зандта, проповеди Шлейермахера были подвергнуты надзору полицейских агентов, лекции Арндта были запрещены, оба Велькера в Бонне находились в опасности, великий герцог Карл Август саксен-веймарский был в глазах Меттерниха самым ненавистным из всех государей; он называл его "старым буршем", как будто бы это он основал буршество.

III. ГЕГЕЛЬ И ИОГАНЕС ШУЛЬЦЕ

Мы уже знаем о значении, которое имела философия Гегеля в это вдвойне смутное время и справедливо приписывалось ей Альтенштейном. В его глазах она была лучшим, спокойно и глубоко действующим целительным средством против господствовавшего с обеих сторон губительного смятения умов. По собственному побуждению, но конечно также и под влиянием уважения к министру, Шульце почувствовал потребность познакомиться с этим учением и энциклопедически ориентироваться в области науки с помощью философской точки зрения, которой ему не удавалось выработать до сих пор путем собственных занятий. Предоставим слово ему самому. "Я решил", –

рассказывает он в своих воспоминаниях, – "прежде всего приступить к широкому изучению философии в ее новейшей системе, тем более, что до того мои знания в этой области ограничивались этикою Спинозы, лекциями Шлейермахера о философской и христианской этике, Критикою чистого разума Канта и немногими умозрительными диалогами Платона. Для этой цели я посещал ежедневно от 1819-1821 две вечерние лекции Гегеля и прослушал энциклопедию философских наук, логику, психологию, философию права, историю философии, философию природы, философию искусства, философию истории и философию религии; кроме того, чтобы еще лучше усвоить их, я не побоялся труда и сам тщательно записывал содержание всех его лекций. По окончании лекций он, обыкновенно, доставлял мне удовольствие своим посещением или во время общих наших прогулок входил в подробное рассмотрение отдельных предлагаемых мною вопросов о предмете его лекций". "Насколько я обязан его лекциям, сочинениям и дружеским беседам своим научным образованием, последовательностью своей политической точки зрения и в зависимости от нее характером своей общественной деятельности, об этом в частности я мало могу сказать, и скорее чувствую себя вынужденным, из глубокого почтения к моему усопшему другу, открыто признать, что он был всегда моим верным, проницательным, бескорыстным советником в обсуждении вопросов, касающихся высших учебных заведений прусского государства"*.

Эти слова написаны спустя целое поколение после событий, передаваемых ими*.

---

* Ср. Варрентрапп, стр. 432 с.

** Этим объясняется, конечно, ошибка памяти, состоящая в том, что эти года Шульце не мог слушать все указанные им лекции Гегеля в вечерние часы от 4 до 6, так как, например, чрезвычайно важный курс философии всемирной истории читался в более поздний час.

Глава одиннадцатая ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕГЕЛЯ В БЕРЛИНЕ

I. АКАДЕМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ. ЗОЛЬГЕР

С радостным и ясным предчувствием плодотворной деятельности в близком будущем провел Гегель лето 1818, свой четвертый и последний семестр в Гейдельберге; своей жене во время курса лечения ее в Швальбахе он писал письма в довольном тоне, полные радостных надежд на Берлин. Обстоятельства, при которых он переехал в Берлин, были чрезвычайно благоприятны для него. Сестра министра фон Альтенштейн сама позаботилась о найме квартиры для него*. Его ближайший товарищ по должности и специальности Карл- Вильгельм-Фердинанд Зольгер из Шведта, бывший профессором философии во Франкфурте-на-Одере (1809-1811), где его хотели избрать городским головою, и после закрытия университета назначенный профессором философии в Берлин, переводчик Софокла, автор "Эрвина" (1815), близкий друг Тика, желал назначения Гегеля в Берлин и предлагал его. Он писал своему другу Тику (26 апреля 1818): "Я интересуюсь узнать, какое влияние будет иметь присутствие Гегеля. Конечно, многие думают, что его назначение мне неприятно, между тем как на самом деле я первый предложил его и вообще могу уверить, что если ожидаю чего от него, так это именно оживления интереса к философии, т. е. добра. Когда я еще преподавал наряду с Фихте, у меня было вдесятеро больше слушателей, чем теперь. Я чрезвычайно уважаю Гегеля, и во многих отношениях наши взгляды поразительно совпадают. В диалектике мы оба независимо друг от друга пошли почти одним и тем же путем, по крайней мере, взяли за дело совершенно с одной и той же и притом новой стороны. Будет ли он также согласен со мною во многих других особенностях моих взглядов, я не знаю. Я бы хотел, чтобы мышление опять совершенно слилось с жизнью" и т. д. В устах Зольгера эти последние слова означают, что диалектика опять должна принять форму живой художественной беседы, т. е. диалога. В своем Эрвине он попытался дать образец такого философского диалога, излагая основные идеи об истине, добре, красоте и божестве в четырех беседах. Это сочинение не привлекло к себе читателей. Диалог в духе Платона с задержками в развитии темы, обусловленными художественными соображениями, с отступлениями в сторону и возвращениями назад, слишком мало

соответствовал потребностям века, не любившего, чтобы его интеллектуальные стремления задерживались запутанными диалогами; в особенности берлинский склад ума, склонный быстро и прямо идти к цели, совершенно отрицательно относился к диалогическим трудностям и окольным путям. Неудача глубоко расстроила этого благородного и привлекательного человека; если бы это от него зависело, он предпочел бы франкфуртский университет берлинскому. Как только Гегель начал свою преподавательскую деятельность в Берлине, Зольгер писал к Тику 22 ноября 1818: "я интересовался тем, какое впечатление произведет здесь добрейший Гегель. Об нем никто не говорит, так как он тихий и прилежный человек. Если бы сюда явился глупейший ханжа, какого они хотели бы иметь, тогда поднялся бы ужасный шум и студенты были бы направлены на его лекции для блага и спасения их душ"**. Из этих слов ясно видно, как глубоко был огорчен Зольгер. Гегель так и понял это место в своей критике посмертных сочинений Зольгера (он приводит его, пропуская при своем имени слово "добрый"). "Без чувства боли нельзя видеть такого выражения крайней степени недовольства и отвращения к духу времени, картину которого Зольгер нарисовал себе на основании своего опыта". "Слишком подчиняясь влиянию этой картины своего опыта, Зольгер должен был упустить из виду глубочайшие потребности, существующие в его, как и во всякое время, и утратить желание направлять свою деятельность и работу лишь в места, достойные ее, и там искать и ожидать влияния ее"***.

---

* Гегель жил сначала на Лейпцигской улице, затем у Шпре, против сада Монбизу; третья его квартира находилась в доме No 1 на Купферграбене. По словам Розенкранца (стр. 319), "это место благодаря ему приобрело такую же всемирную известность, как Сан-Суси благодаря королю-философу". Хотя эта параллель просуществовала более половины века, ей не следовало бы являться на свет, так как она не имеет смысла.

** Розенкранц. Стр. 319 с.

*** Ueber Solgers nachgelassene Schriften und Briefwechsel. Изд. Л. Тика и Ф. фон Раумера, 2 тт. Лейпц. 1825. Критика Гегеля помещена в *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*, 1828. В собр. соч. Гегеля т. XVI. стр. 436-506 (стр. 497 с.).

Мы видим отсюда, как Гегель объясняет пессимистическое настроение Зольгера, хотя и не оправдывает его ввиду более глубоких потребностей, существующих в его, как и во всякое время. "Но если где-либо таких потребностей нет и все состояние научных и вообще духовных интересов сплошь приняло плоский характер, а именно такую картину представляет себе Зольгер, там это коренное оплошление должно быть предоставлено своей судьбе, уделу своей суетности"*.

Вера в несокрушимые, часто скрытые, но никогда не истребимые глубокие потребности человечества была для Гегеля противоядием против всякого пессимизма, укоренившимся в его личности и учении. Эти товарищи по специальности работали вместе лишь один год. В течение этих двух семестров Зольгер читал о диалектике, политике, основах философии и эстетике. Он умер 25 октября 1819, всего тридцати девяти лет.

---

* Там же, стр. 498.

2. ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

Гегель начал свои лекции 22 октября 1818 вступительной речью к слушателям, в которой он повторил кое-что из того, что говорил двумя годами раньше (28 октября 1816) по подобному же поводу в Гейдельберге: что немецкая национальность имеет призвание хранить и распространять священное пламя философии, что вместе с миром пришло время исполнять эту задачу, что мужественное отношение к истине и вера в способность разума познать ее составляют условия, предполагаемые философией*.

---

* См. выше гл. IX. стр. 106 с.

Теперь Гегель должен был включить еще в сферу философии интересы прусского государства, самый веский элемент возрожденной Германии, могущество государства, которое не только считало важнейшею из своих задач развитие и воспитание всех интеллектуальных сил народа, благоденствие и процветание наук, но и занималось решением этих задач. Теперь в области национального развития и воспитания духа и философия должна была приобрести деятельную роль, занять руководящее положение. Гегель чувствовал себя призванным к этой задаче своею профессорскою деятельностью в центре этого государства, в недавно основанном университете. Он совершенно иначе, чем Зольгер, представлял себе значение Берлина: вовсе не романтически, а политически. Этою задачею Гегель был увлечен, как миссией. Это и была его миссия. Конечно, для этой роли он должен был иметь философскую систему, которая вела бы к познанию сущности мира и человека путем воспитания, т. е. методического прогресса или развития мышления: такова и была его философия и его метод. Поэтому Гегель резко высказывается против учения об ограниченности человеческого разума и неспособности его познавать сущность вещей, против "этого агностицизма, который поднял голову благодаря критической философии". Он самым резким образом противопоставляет свою философию критической, как будто бы между ними лежала пропасть, и Кант принадлежал давно устаревшему прошлому; он заставляет философию Канта играть роль Пилата, который, в ответ на речь Христа об истине, ставит вопрос: "Что есть истина?" Если отрицать познание истины, то ничего не остается, кроме поверхностного знания и суетных мнений. Он не называет имен, но из его слов ясно видно, что объектом его полемики служит философия Фриза и мечты его, высказанные в Вартбурге. "После того как немецкая нация вообще спасла свою национальность, основу всякой живой жизни, наступило время, чтобы в государстве, наряду с управлением действительным миром, расцвело также самостоятельное свободное царство мысли". "Все истинное, великое и божественное в жизни обладает таким характером благодаря идее; цель философии – постигнуть идею в ее истинной форме и всеобщности". "Я смею желать и надеяться, что мне удастся приобрести и заслужить ваше доверие на пути, на который мы вступаем. Но прежде всего я желаю лишь, чтобы вы принесли с собою доверие и веру к самим себе. Мужественное отношение к истине, вера в мощь духа есть первое условие философского исследования; человек должен уважать самого себя и считать себя достойным всего самого высокого"*.

---

* Ср. собр. соч., т. VI, стр. XXXV – XL.

3. ВСТУПЛЕНИЕ К ФИЛОСОФИИ ПРАВА

В своей вступительной речи, этом устном предисловии к лекциям, в ряду которых на первом плане стояла философия права, Гегель указал в общих чертах, не упоминая, как это и следовало, имен, мнимую ценность некоторых распространенных представлений, губящих и вводящих в заблуждение общественную жизнь; главное основание их он видел в поверхностном знании и суетности мнений. В напечатанном 25 июня 1820 предисловии к философии права, он реализовал и показал не поименованные раньше величины этих мнимых ценностей. "Вождем поверхностности" он называет философа Фриза, возвращаясь к высказанному им восемь лет тому назад суждению во введении к своей логике*. Чтобы дать пример суетных мнений, он приводит из вартбургской речи Фриза несколько всем известных положений:

---

* Там же, т. VIII, 2 над. предисл. Ср. стр. 3-20. *Wissenschaft der Logik* (Нюрнберг, 1812). Введение, стр. XVII.

"В народе, среди которого господствует настоящий дух общности, всякое общественное дело должно получать жизнь снизу, из народа, всякой отдельной задаче народного образования и служения нации должны посвящать себя живые общественные группы, неразрывно объединенные священной силою дружбы". "Вот", – продолжает Гегель, – "главное содержание поверхностной философии, которая основывает науку не столько на развитии мыслей и понятий, сколько на непосредственном восприятии и угодливом воображении; точно так же богатое расчленение нравственного мира, представляемое государством, архитеконику его разумности, которая порождает

силу целого из гармонии его членов путем ясного разделения кругов общественной жизни и их прав, а также путем строго размеренных соотношений каждой колонны, арки и контрфорса, – эту стройную гармонию такая поверхностная философия превращает в размазную сердца, дружбы и вдохновения". "Простым домашним средством ставить в зависимость от чувства всю более чем тысячелетнюю работу разума и содействующих ему сил, она исчерпывает весь труд понимания и знания, руководимого разумными понятиями. Мефистофель у Гете – авторитет хороший – говорит об этом почти то же, что высказывал я и раньше: "попробуй только презирать разум и науку, высшие дары человека, и ты отдашься в руки дьяволу и принужден будешь погибнуть".

---

* Verachte nur Verstand und Wissenschaft, des Menschen allerhöchste Gaben, so hast dem Teufel dich ergeben und musst zu Grunde gehen.

Гегель хорошо сделал бы, если бы приводил свои цитаты в подобных случаях, руководясь самим текстом, а не памятью, которая искажает слова.

В действительности, как нравственной, так и материальной, господствуют законы. Ни одному разумному человеку не придет в голову сомневаться в значении законов природы, оспаривать их и ставить на их место лишь личные мнения и чувства. Такого же признания заслуживает и требует также нравственный мир или государство, как законный, живой, исторический порядок вещей, ведущий свое начало не с сегодняшнего дня или созданный не сегодня утром, а коренящийся в прошедшем и повинующийся законам развития, которые нужно познавать и понимать, чтобы изменять их согласно истинным потребностям настоящего. Государство есть царство свободы, а не произвола. Где царствует законность, там есть разумность, разум, который можно и должно познать. Нет более безумного и ложного предприятия, как желание заменить политическое знание и науку так называемую любовью к народу. "Итак, закон есть шиболет, благодаря которому можно различить ложных братьев и друзей так называемого народа".

Так как только закон имеет в мире стойкое пребывание и действительность, и в то же время есть нечто разумное, разум, который мы можем и должны познать, то поэтому Гегель отождествляет действительность и разум и, выражаясь коротко, говорит: "Все действительное разумно, и все разумное действительно". Это изречение его наиболее отпугивает всех, сбивает с толку и вызывает множество нападок, несмотря на то, что это положение само собою понятно, если обратить внимание на предшествующие и следующие за ним слова. В философии издавна много говорилось "об истинно действительном", а потому следовало бы знать, что существует и не истинно действительное, ложная действительность, к области которой, напр., относятся зло, глупые мнения, жалкие стремления и т. д.

Бекон назвал истину дочерью времени, а свою собственную философию лучшим продуктом времени. "Как всякий человек есть сын своего времени", – говорит Гегель, – "так и философия есть современная ей эпоха, выраженная в мыслях". Никто не может стать выше своего времени; настоящее есть арена и предмет нашей деятельности; также и к философии приложимы слова: "hic Rhodus, hic saltus". Разум, как философия, и разум, как наличная действительность, конечно, не составляют простого равенства, так как наличные состояния духа во многих отношениях подавлены, связаны и несвободны. В своем свободном философском развитии разум подобен розе, а наличная действительность или настоящее время в своих еще связанных состояниях духа подобна кресту. Поэтому Гегель говорит: "Разум есть роза в кресте настоящего времени". Эту неясную фразу не цитируют, потому что не понимают ее; Гегель указывает в ней на отсутствие тождества между разумом и действительностью, тогда как предыдущее изречение о тождестве между разумом и действительностью очень часто приводят и прокричали о нем, всегда истолковывая его в самом ложном смысле.

Философия имеет призвание познавать данную и современную действительность, а не творить ее. "Задача философии – понимать то, что есть". Она предполагает действительность, и притом в форме вполне развитых созревших состояний духа, перешагнувших уже за кульминационный пункт и склоняющихся к закату. Поэтому он заключает свое предисловие к философии права возвышенным и прекрасным изречением: "Когда какая-либо форма жизни стареет, философия начинает воспроизводить ее седину в серых тонах, и тогда ее уже нельзя помолодить, а можно только познать: сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек".

Так как учение о сущности и значении государства было одною из важнейших и наиболее своевременных задач Гегеля, то это было чрезвычайно кстати, что именно темою первого курса лекций, открытого им изложенною вступительною речью, было "естественное право и государствоведение". В течение своей тринадцатилетней деятельности в Берлине Гегель издал одно только сочинение "Философию права" (1826), о которой можно сказать, что она относится к берлинскому периоду деятельности Гегеля, как Энциклопедия к гейдельбергскому, Логика к нюрнбергскому и Феноменология духа к иенскому*.

---

* См. выше гл. VII. стр. 85.

4. ПОРЯДОК ЛЕКЦИЙ И НОВЫЕ КУРСЫ

Чтобы закруглить и закончить дидактический порядок лекций, Гегелю оставалось еще разработать две темы: философию религии и философию истории. Лекции по философии религии он читал впервые во время летнего семестра 1821 (четыре часа в неделю от 4-5), а по философии всемирной истории впервые в зимнем семестре 1822-1823 (четыре часа в неделю от 4-5).

Я привожу берлинские лекции Гегеля по официальному списку подобно тому, как сделал это раньше с лекциями, читанными Гегелем в Иене и Гейдельберге. Последовательный ряд этих лекций непрерывно тянется на протяжении 26 семестров (от 22 октября 1818 до 11 ноября 1831). Я привожу их по порядку часов, в которые они читались, и отмечаю новые курсы особым шрифтом*.

---

* I. Зима 1818: 1. естественное право и государствоведение, пять раз в неделю от 4-5; 2. энциклопедия философских наук, по руководству Гегеля, пять раз от 5-6.

II. Лето 1819: 1. логика и метафизика, по учебнику Гегеля (Энцикл. филос. наук § 12-191), пять раз от 4-5; 2. история философии, особенно новой, пять раз от 5-6.

III. Зима 1819: 1. натурфилософия, по учебнику Гегеля (Энцикл. § 191-298), пять раз от 4-5; 2. естественное право и государствоведение или философия права, пять раз от 5-6.

IV. Лето 1820: 1. логика и метафизика (как выше), пять раз от 4-5; 2. антропология и психология (Энцикл. § 299-399), пять раз от 5-6.

V. Зима 1820: 1. история философии, пять раз от 4-5; 2. эстетика или философия искусства, пять раз от 5-6.

VI. Лето 1821: 1. философия религии, четыре раза от 4-5; 2. логика и метафизика (как выше), пять раз от 5-6.

VII. Зима 1821: 1. рациональная физика или философия природы, по компендию Гегеля (Энцикл.), четыре раза от 4-5; 2. естественное право и государствоведение, по сочинению Гегеля "Основы философии права" (Берлин, 1821), пять раз от 5-6. С обоими курсами были связаны репетиции.

VIII. Лето 1822: 1. антропология и психология (энцикл.), четыре раза от 4-5; 2. логика и метафизика, пять раз от 5-6.

IX. Зима 1822: 1. философия всемирной истории, четыре раза от 4-5; 2. естественное и государственное право или философия права, по учебнику Гегеля, пять раз от 5-6.

X. Лето 1823: 1. эстетика или философия искусства, четыре раза от 4-5; 2. логика и метафизика (Энцикл.), пять раз от 5-6.

XI. Зима 1823: 1. философия природы или рациональная физика по компендию, четыре раза от 4-5; 2. история философии, пять раз от 5-6.

XII. Лето 1824: 1. философия религии, четыре раза от 11-12; 2. логика и метафизика, пять раз от 12-1.

XIII. Зима 1824: 1. естественное и государственное право или философия права, по учебнику Гегеля, пять раз от 12-1; 2. философия всемирной истории, четыре раза от 5-6.

XIV. Лето 1825: 1. логика и метафизика, пять раз от 12-1; 2. антропология и психология или философия духа (Энцикл.), четыре раза от 5-6.

XV. Зима 1825: 1. история философии, пять раз от 12-1; 2. философия природы или рациональная физика (Энцикл.), четыре раза от 5-6.

XVI. Лето 1826: 1. логика и метафизика (Энцикл.), пять раз от 11-12; 2. эстетика или философия искусства, четыре раза от 5-6.

XVII. Зима 1826: 1. энциклопедия философских наук, пять раз от 12-1; 2. философия всемирной истории, четыре раза от 5-6.

XVIII. Лето 1827: 1. логика и метафизика (Энцикл.), пять раз от 11-12; 2. философия религии, четыре раза от 5-6.

XIX. Зима 1827: 1. история философии, пять раз от 12-1; 2. психология и антропология, четыре раза от 5-6.

XX. Лето 1828: 1. логика и метафизика (Энцикл. 2 изд.), пять раз от 12-1; 2. философия природы или рациональная физика, четыре раза от 5-6.

XXI. Зима 1828: 1. эстетика или философия искусства, пять раз от 12-1; 2. философия всемирной истории, четыре раза от 5-6.

XXII. Лето 1829: 1. о доказательствах бытия Бога, среда, от 12-1; 2. логика и метафизика (Энцикл.), пять раз от 5-6.

XXIII. Зима 1829: 1. история философии, пять раз от 12-1; 2. психология и антропология или философия духа (Энцикл. 2. изд.), четыре раза от 5-6.

XXIV. Лето 1830: 1. логика и метафизика (Энцикл. 3 изд. 1 отд.), четыре раза от 12-1; 2. философия природы или рациональная физика (по тому же соч. 2 отд.), четыре раза от 5-6.

XXV. Зима 1830: 1. естественное и государственное право или философия права, пять раз от 12-1; 2. первая часть философии всемирной истории, четыре раза от 5-6.

XXVI. Лето 1831: 1. логика, по учебнику (Энцикл. 3 изд.), пять раз от 12-1; 2. философия религии, четыре раза от 5-6.

XXVII. Зима 1831: 1. естественное и государственное право, по учебнику, пять раз от 12-1; 2. история философии, четыре раза от 5-6.

Как видно из этого перечня, Гегель, в течение первых одиннадцати семестров (от осени 1818 до весны 1824), читал обе свои лекции от 4-6 пополудни, в двенадцатом семестре (лето 1824) он читал их от 11-1, а во время последних тринадцати семестров (от осени 1824 до осени 1831), он разделил их, чтобы легче было читать, и одну читал обыкновенно от 12-1, а иногда также от 11-12, а другую всегда от 5-6.

II. СИСТЕМА И ШКОЛА

1. РЕПЕТИЦИИ И БЕСЕДЫ. ГЕННИНГ

Зольгер глубоко заблуждался, думая, что академическая деятельность Гегеля и в дальнейшем своем развитии будет проходить так же тихо и бесшумно, незаметно и, не вызывая никаких толков, как в начале, когда о ней никто не говорил.

Диалектика Гегеля была удобным для изучения и обучения методом; она могла и стремилась вызвать подражание и применение; это был плодотворный метод, способный проникнуть в науки, философски преобразовать их, сочетать и энциклопедически систематизировать. Учение Гегеля было проливающим свет созданием науки и знания, находившимся в состоянии развития и роста; оно нуждалось в сотрудниках, побуждало и привлекало к совместной деятельности. Таким образом философ сделался представителем школы, быстро нашедшим более или менее понятливых, более или менее искусных учеников, пошедших по его следам.

Уже после шести семестров о нем и его лекциях стали говорить; они возбудили столько интереса и стремления к изучению их, что сам Гегель зимою 1821 объявил для обоих своих курсов (философии природы и философии права) репетиции, которые должны были находиться в связи с его лекциями. Такие репетиции были, собственно, задачей учеников, посвятивших себя обучению других. Уже летом 1822 Леопольд фон Геннинг объявил, что он готов устраивать два раза в неделю репетиции и беседы для двух курсов Гегеля, именно, по логике и метафизике, по психологии и антропологии, а в следующем семестре он расширил свою деятельность и объявил, что будет устраивать еженедельно по две репетиции и, кроме того, по одной беседе в связи с каждым из курсов Гегеля (по философии права и философии всемирной истории)*.

---

* Геннинг получил право на чтение лекций в 1821, сделался экстраординарным профессором в 1825, а ординарным в 1835.

Мало того, что представитель школы читал лекции и в то же время один из его учеников, будучи доцентом, повторял, разъяснял и втолковывал эти лекции слушателям в форме объявленных репетиций и бесед: тот же доцент впоследствии не раз делал курсы Гегеля предметом своих лекций; он читал логику и метафизику, а также философию права по сочинениям Гегеля, следовательно, читал лекции о философии Гегеля (1823-1827). Из этого ясно видно, что учение Гегеля чрезвычайно скоро приобрело в Берлине значение школьной философии и школьной системы. Пример Геннинга вовсе не остался единичным. Из возрастающего числа его учеников, слушателей и читателей являлись все новые молодые силы, чувствовавшие себя призванными распространять и развивать новое учение на глазах учителя и пользовавшиеся поддержкою и содействием его самого.

2. ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СИСТЕМЫ ГЕГЕЛЯ

После того как Гегель включил в круг своих занятий философию религии и всемирной истории, его сочинения и лекции составили полную и стройную систему, какой не было больше со времени Христиана Вольфа в немецкой и вообще новой философии. Этого пункта развития его учение достигло после девятого семестра, весною 1823 года. Мы говорим теперь о системе Гегеля чисто биографически, не излагая и тем более не обсуждая ее, так как это задача следующей книги. Система Гегеля, по существу, была философско-историческою. Существенную часть философии религии составляла философская история религии, существенною частью эстетики была философская история искусства, и существенною частью истории философии была философская история философии. В позднейшем собрании сочинений лекции по философии всемирной истории, философии религии, эстетике и истории философии (не по числу, но по величине и значению) составляют порядочную группу из девяти томов; по объему они значительно превосходят все сочинения, напечатанные самим Гегелем, включая и его статьи.

3. МАРГЕЙНЕКЕ, ГАНС, ГЕННИНГ, МИШЛЕ, ГОТО, РЕТШЕР, ВЕРДЕР

Первым и старейшим учеником Гегеля в Берлине, находившимся к нему в таком же отношении, как Карл Дауб в Гейдельберге, был сослуживец его, теолог Филипп Маргейнеке из Гильдесгейма (1780-1846), сначала профессор гомилетической и догматической теологии в Гейдельберге (1805-1810), а затем в берлинском университете, в котором, со времени его открытия, он был профессором и проповедником почти тридцать шесть лет. Под влиянием сочинений и лекций Гегеля Маргейнеке, подобно Даубу, перешел от Шеллинга к учению Гегеля, как это видно из второго издания его "Основ догматики" (1827).

Замечательно, что некоторые юристы из академической молодежи, привлеченные и очарованные философией права Гегеля, прослушали весь цикл его лекций и посвятили себя академической деятельности, которой они, за одним исключением, искали и достигли на философском факультете. Сюда относятся четыре берлинца по происхождению: Эдуард Ганс (1798-1839), получивший право на чтение лекций на юридическом факультете и сделавшийся профессором римского права, автор истории права наследования на всемирно-исторической основе (на основе всеобщей истории права), соперник и противник Савиньи, которому, как основателю исторической школы права, он хотел противопоставить философскую; Леопольд фон Геннинг, который встречался уже нам, как доцент, руководивший репетициями лекций Гегеля, и занялся главным образом дальнейшим развитием философии права и государства; Карл Людвиг Мишле (1801-1894), старавшийся разработать некоторые отделы этики и изложить историю новейшей философии со времени Канта; в 1892 году он был среди берлинских доцентов Нестором, видевшим на своем веку три поколения, и был чествуем, как таковой; Генрих Густав Гото (1802-1873), который читал лекции по энциклопедии философских наук, истории эстетических систем со времени Вольфа, по этике и т. д. и впоследствии приобрел себе

имя сочинениями по истории искусства, именно об истории немецкой и голландской живописи, о школе Губерта ван Эйка и т. д.*.

* Из них Геннинг получил право на чтение лекций на Пасху 1821, Мишле 1826, Гото 1827; первый из них сделался экстраординарным профессором в 1825, а оба остальные в 1829. Геннинг сделался ординарным профессором в 1835.

В своих лекциях по истории философии Гегель не только рассеял, но и развил в связи с целым множеством новых идей о значении и вине Сократа, о сущности и характере философии Платона и Аристотеля и так ясно вывел их из духа века, что задача подробнее развить эти идеи в лекциях и монографиях была очень привлекательна и плодотворна. Так, например, один из его первых учеников, Генрих Теодор Ретшер из Миттенвальда (1803-1871), который, будучи доцентом философии, преподавал одновременно с Гансом, Геннингом, Мишле и Гото и читал лекции по истории древней философии, о Платоне и Аристотеле, написал сочинение "Аристофан и его век" (1827); в нем он развил взгляды Гегеля на Сократа. Ретшер был впоследствии учителем гимназии в Бромберге и закончил свою жизнь в Берлине, как частный ученый. Свою литературно-философскую деятельность он направил преимущественно на драматическое искусство, как на поэтическую форму его, так и на сценическое искусство, и своими сочинениями много способствовал пониманию драматических характеров, научной разработке и подъему сценического искусства и оценке выдающихся артистов, как, напр., своею биографией Зейдельмана и т. п. Он никогда не сделался бы таким писателем, если бы его талант не был оплодотворен и развит философией Гегеля.

К именам Гото и Ретшера я должен присоединить еще Карла Вердера из Берлина (1806-1893), который происходил еще из непосредственной школы Гегеля, но сделался доцентом философии лишь через несколько лет после смерти учителя (зимой 1834). Это был философ и поэт, хотя и не такой разносторонний деятель, как выше упомянутые. Он читал будившие мысль лекции по логике и написал (1841) несколько фантастическое сочинение о первом отделе ее (качество), но в особенности сильное влияние произвели и продолжали производить его лекции о Гамлете, Макбете и Валленштейне Шиллера.

4. ВАТКЕ, ШТРАУС, БРУНО БАУЕР, И. Э. ЭРДМАНН, РОЗЕНКРАНЦ, ГИНРИХС И ГАБЛЕР

Философия права Гегеля и лекции его по философии искусства и истории философии заключали в себе множество задач, которые требовали специального внимания и обработки; точно такое же влияние имели и его лекции по философии религии, с их идеями о иудейской и христианской религии, о религии Ветхого и Нового Завета. Чтобы установить характер и последовательность во времени библейских религиозных идей, необходимо было историко-критическое исследование священного писания. Эта задача не исключалась, а скорее требовалась философией Гегеля, но она не соответствовала складу ума самого Гегеля и не была выполнена его системою. Что касается критики канона, именно Ветхого Завета, М. Л. Де Ветте из Улла около Веймара (1780-1849) своими исследованиями, служащими введением в Ветхий Завет (1807), и своим историко-критическим введением в Библию Ветхого и Нового Завета (1817) основал эпоху в области ветхозаветной теологии, сохраняющую свое влияние вплоть до новейших исследований. Он преподавал на теологических факультетах в Иене, Гейдельберге и Берлине со времени открытия здесь университета и лишился места по приказанию короля за письмо к матери Занда, написанное ей в утешение (1819). Он разделял философские взгляды Фриза и Шлейермахера, противников Гегеля. В 1828 году его место занял Генгстенберг со своею "Evangelische Kirchenzeitung". Полную противоположность Генгстенбергу составлял явившийся из школы Гегеля Вильгельм Ватке из Берлина (1805-1882), задавшийся целью продолжать рациональное исследование Библии в историко-критическом духе, обоснованном Де Ветте. Он начал свою теологическую профессорскую деятельность в зимнем семестре в 1830, и в 1835 опубликовал первую и единственную часть своей библейской теологии "Религию Ветхого завета", сочинение, которое можно назвать плодом сочетания историко-критической и философской истории религии. Одновременно явилось другое, родственное по духу, относящееся к области новозаветной теологии сочинение, взволновавшее мир своею темою, выводами и удивительными литературными

достоинствами и продолжающее влиять до настоящего дня: мы говорим о "Жизни Иисуса Христа" Д. Ф. Штрауса из Людвигсбурга (1808-1874), который приехал в Берлин в зимнем семестре 1831, чтобы слушать Гегеля и Шлейермахера, и к величайшему своему огорчению узнал от Шлейермахера о смерти Гегеля.

В 1835 году начинается разделение школы Гегеля на два направления, которые Штраус сравнил с правой и левой парламента. В области теологии Маргейнеке был представителем правой стороны, а Штраус вожаком левой. Три года спустя по смерти своего учителя, школа Гегеля, сосредоточенная в берлинском университете, имела пышный вид. В зимнем семестре 1834 преподавали: Маргейнеке, Бруно Бауер из Эйзенберга (1809-1881), в то время принадлежавший еще к крайней правой, Ватке, Ганс, Геннинг, Мишле, Гото, Вердер, И. Э. Эрдман из Вольмара в Лифляндии (1803-1892), который оставил свою должность проповедника в родном городе и сделался доцентом в Берлине для чтения лекций о философии Гегеля. В 1836 году он был назначен профессором в Галле, где работал почти для двух поколений, будучи самым любимым и, благодаря своему дидактическому искусству, самым выдающимся доцентом, как может засвидетельствовать автор этого сочинения по собственному опыту.

Все названные лица были непосредственными учениками Гегеля. Из его берлинских учеников Карл Розенкранц из Магдебурга (1805-1879) преподавал с 1833 г. в Кенигсберге, из гейдельбергских учеников Гинрихс преподавал с 1824 в Галле-на-З., из иенских учеников Георг Андреас Габлер из Альторфа (1786-1853) преподавал с 1821 в Байрейте, будучи директором гимназии, написал в 1827 учебник философской пропедевтики, основанный на Феноменологии Гегеля, и весной 1835 сделался преемником Гегеля в Берлине. Он слушал последние лекции Гегеля в Иене в 1805 и 1806.

Нам следует упомянуть еще об одном из берлинских сторонников и друзей Гегеля, который не был, правда, слушателем его и преподавателем его философии, но зато был восторженным почитателем его и верным другом его семьи: это был Фридрих Ферстер из Мюнхенгоссерштедта, в округе Зальфельд (1791-1868), люцовский егерь и друг Кернера, поэт и историк. Как историк, он приобрел известность своими сочинениями и работами о Валленштейне; он издал письма Валленштейна и изложил его процесс с целью доказать его невиновность в государственной измене. Когда он жил в Праге, занимаясь историческими исследованиями, Гегель послал ему рекомендации, чтобы содействовать его целям*. (Он был старшим братом Эрнста Ферстера, который хорошо известен, как писатель об искусстве, автор спутника по Италии и нескольких сочинений о Жан Поле, его тесте).

---

* Briefe von und an Hegel. II (письмо 3 окт. 1829), стр. 320 с.

III. ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

1. ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЕ ДРУЗЬЯ

Слухи о быстрых успехах Гегеля скоро распространились и нашли хороший прием у его друзей в Гейдельберге, как видно из письма Крейцера 30 мая 1820: "Да, Ваши лекции произвели влияние необыкновенно быстро, как уверяют нас все молодые люди, приехавшие оттуда к нам. Таково настоящее влияние духа, с неодолимою силою покоряющего всех, кто сам не вполне лишен его. Мы хорошо чувствовали это, Дауб и я; поэтому-то я настойчиво желал удержать Вас здесь. Но Вы не могли чувствовать себя дома на почве, правда, так богато одаренной от природы, но в то же время дающей широкую и мягкую подкладку для многих проявлений филистерства. Поэтому мы принуждены были отпустить Вас, но мы гордимся уже тем, что имели Вас некоторое время у себя; пусть наши пожелания добра всегда невидимо окружают Вас, как духи"*.

---

* Там же, II. стр. 25.

2. АНОНИМНЫЕ ВРАГИ

Так как Гегель завоевал себе высокое положение и приобрел широкое влияние, то, естественно, вскоре у него явились враги и противники, личные и выступившие против его деятельности по существу, анонимные и открытые, завистливо клеветующие и честно вооруженные. Едва была напечатана философия права с ее воинственным предисловием, тотчас же явились анонимные нападения в "Jahrbücher" в Гейдельберге и в "Allgemeine Litteraturzeitung" в Галле. Аноним из Гейдельберга был, как правильно догадывался Гегель, его старый земляк Паулуc, его заклятый враг после известных нам виртембергских столкновений*. Аноним из Галле особенно был обижен выходками Гегеля против Фриза и выставлял их, как личное оскорбление и унижение, вызванное неблагородными мотивами и нанесенное человеку, уже потерявшему право на преподавание философии. Такие анонимные заявления были, конечно, пасквилями, против которых, так как они явились в прусской газете, поддерживаемой правительством, Гегель, как "прусский чиновник", искал защиты и удовлетворения у министерства. Альтенштейн сделал редакции выговор, но, впрочем, посоветовал Гегелю прибегнуть к суду; однако Гегель не последовал этому совету**. По поводу своей философии права он писал Даубу: "Своим предисловием и резкими выражениями я, как вы увидите, уколол глаза этой пустой и притязательной секте, как и хотел: она привыкла высказываться безусловно и отчасти была очень изумлена, что с научной стороны ее считают ничтожеством и даже осмеливаются публично говорить против нее" и т. д.***. Принимая во внимание свой способ выражаться, Гегель не должен был удивляться тому, что его противники зашевелились.

---

* См. выше гл. XI. стр. 112.

** Розенкранц, стр. 336 с.

*** Briefe von und an Hegel. II (письмо 9 апр. 1821), стр. 46.

3. ПРОТИВНИК-ФИЛОСОФ Э. БЕНЕКЕ

В девятом томе этого сочинения, посвященном Шопенгауэру, я упоминаю о молодом философе, который до крайней степени раздражил автора сочинения "Мир, как воля и представление" своею рецензией и способом приводить цитаты и вызвал резкий отпор: это был Эдуард Бенеке из Берлина (1798-1854), который, спустя несколько времени после Шопенгауэра, также сделался приват-доцентом философского факультета*.

---

* Ср. это соч. т. IX, кн. I, гл. IV, стр. 60-64.

Оба они читали лекции об основах философии вообще, в прямо противоположных направлениях, и оба вскоре прекратили свои лекции: Шопенгауэр по недостатку желаня и слушателей, а Бенеке потому, что министерство отняло у него право на чтение лекций и притом, как говорят, по желаню и предложению Гегеля. Он очень прилежно читал в течение двух семестров (от осени 1821 до осени 1822): "Об основах философии в связи с изданною им эмпирическою психологией, как основою всякого знания, по логике и метафизике, по философии религии и о душевных болезнях". Объявление о первом его курсе определяло его точку зрения. Непосредственно из внутреннего опыта познается не только воля, как утверждает Шопенгауэр, но и все наше психическое бытие; поэтому эмпирическая психология есть основа всякого знания; поэтому Кант коренным образом заблуждался, утверждая, что эмпирическая психология не познает сущности души; поэтому философия после Канта пошла лишь окольными путями и запуталась в умозрительных выдумках, в особенности Фихте с его учением о я, Фихте, которого дополнил Шеллинг и к которому возвращает Гегель. Не психологию следует основывать на метафизике, как ошибочно требует Герbart, а наоборот метафизику на психологии, точно так же, как и философию религии, этику и педагогику. Можно сказать, что этот младший приват-доцент, — он был, почти одним поколением моложе Гегеля, — в известном смысле соединившись с Фризом, Герbartом и Шопенгауэром, выступил против Гегеля, хотя в то же время боролся и со всеми тремя названными философами.

Приват-доцент Бенеке был лишен права на чтение лекций и спустя пять лет опять получил его (1827) от того же самого министерства. Если отнятие права произошло по желаню Гегеля, то и возвращение его в пору расцвета деятельности Гегеля не могло последовать без его согласия. Какую

роль играл Гегель в этих странных событиях, об этом до сих пор на основании документальных данных ничего не известно. Розенкранц ничего не говорит об этом, Гайм также; однако И. Э. Эрдман, верный ученик и почитатель Гегеля, сообщает в своей истории философии, что память о Гегеле запятнана его отношением к Бенеке; он написал эти бросающие тень на Гегеля слова без всякого ближайшего, тем более документального обоснования их; в своем более раннем, подробном сочинении он ничего не говорит об этом*. В переписке Гегеля имя Бенеке не встречается. Говорят, что его сочинение "Основы физики нравов" (1822) возбудило подозрение на счет его учения о нравственности, насчет того, не ведет ли оно к эпикуреизму, следовательно, к атеизму и т. д. Чего только не говорили и не подозревали в те времена, когда по Берлину блуждала жаждавшая мести тень Коцебу! Статский советник Шульц, бывший уполномоченным от правительства при университете, из мирного человека превратился в яростного гонителя демагогов; Шмальц, первый назначенный королем ректор берлинского университета, ординарный профессор юридического факультета, заподозрил даже "союз добродетели" в демагогических тенденциях; сам король приказал запретить лекции о натурфилософии Окена, которые некто доктор Феннер собирался читать для дам (довольно бессмысленное предприятие). По этому поводу Гегель писал летом 1821 Крейцеру: "Несколько недель тому назад один чужой доктор Феннер, простофиля, отвергнутый нашим факультетом, собрался читать лекции для дам о натурфилософии Окена, но король запретил это и приказал министру под страхом его ответственности, чтобы в его университетах не преподавалась эта натурфилософия и всякая подобная философия, ведущая к атеизму". "По этому поводу я сказал нашему уполномоченному от правительства: всякая умозрительная философия о религии может привести к атеизму; все дело в том, кто преподает ее; – своеобразное благочестие нашего времени и злая воля демагогов, у которых, как известно, благочестие процветает больше всего, может позаботиться о таких вожаках и вернуть почти забытый лозунг атеизм"**.

---

* I. E. Erdmann: Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der neuen Philosophie, т. III. 2. отд. (1853) § 46, стр. 686-709. Grundriss der Geschichte der Philosophie (1870) т. II, § 834, стр. 633.

** Briefe von und an Hegel, II, стр. 53 с.

Чтобы понять это странное вызвавшее много толков событие, нужно представить себе описанное время и вспомнить, что по союзным законам всякому приват-доценту давалось разрешение читать лекции с правом отмены этого разрешения. Правительство, если это казалось ему целесообразным, могло отсрочивать или совсем отнимать это право, и те же союзные законы запрещали всякому немецкому государству принимать такого изгнанного доцента в качестве преподавателя. Академическая карьера такого доцента была уничтожена. Применение таких насильственных мер без достаточных оснований было поэтому в высшей степени неразумным и несправедливым*.

---

* Нельзя сказать, чтобы отношение к Бенеке оправдывалось основаниями подобного рода. Он написал сочинение, самое заглавие которого указывало на намеренную противоположность этике Канта. Обоснование не метафизики, а физики нравов. В этом сочинении он развивал мысль, что нет всеобщих и необходимых нравственных законов и конечной морали, что и нравственность зависит от естественных эмпирических условий, а потому вполне относительна. В этих взглядах, вовсе не новых, министерство усмотрело опасные заблуждения. Иоганнес Шульце, в своем подробно изложенном мнении, находящемся среди актов и имеющем вид рецензии, назвал сочинение "страшным заблуждением", влекущим за собою "возмущающие следствия" и показывающим, что автор неспособен к преподаванию философии, пока пребывает в таком ослеплении. Шульц, чрезвычайный уполномоченный от правительства, когда у него потребовали сведений, зашел еще дальше в своих обвинениях и предложил не только на время, но и навсегда удалить Бенеке от кафедры. Из членов совета министерства только один Николовиус в своем заявлении 9 февраля 1822 решительно не советовал прибегать к насильственным мерам против Бенеке. Лекции Бенеке были прекращены ввиду сомнения в его способности к преподаванию философии и знаниях, как ему письменно и устно сообщил министр. Вследствие этого план, явившийся в Веймаре, пригласить его в Йену расстроился. После этого он несколько лет преподавал в Геттингене, издал несколько новых сочинений и был вновь принят в Берлине министром Альтенштейном 19 апреля 1827.

Иоганнес Шульце не советовал требовать отзыва о Бенеке от теологического и филологического факультета, на том основании, что теологический факультет даст уклончивый ответ, а на философском факультете есть лишь один представитель философии. По его словам, кто знает точку зрения и сочинения этого человека, тот может предвидеть, как он должен судить о Бенеке, не вступая в противоречие с самим собою; скорее следует привлечь к ответственности философски факультет за то, что он допустил к чтению лекций такого человека, как Бенеке. Это разрешение было дано летом 1820 года, следовательно, чрез посредство Гегеля.

Отсюда ясно, что Гегель не сделал ни одного шага в деле обвинения или подозрений против Бенеке, которые могли бы запятнать память о нем, как это сказал Эрдман, не подкрепив свои слова никакими даже и мнимыми основаниями. Точно также не прав и Трейчке, который в своей истории Германии, в конце прекрасного и меткого изображения учения Гегеля и его значения, прибавил: "в последние годы своей жизни он тесно примкнул к правительству и, не задумываясь, пользовался благосклонностью Альтенштейна и Иоганнеса Шульце с тем, чтобы устранять своих научных противников". *Deutsche Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts von Heinrich von Treitschke*, III. ч. 4. изд. (Лейпциг 1896) стр. 721. Единственный случай этого рода, о котором ходят слухи, касается Бенеке, этот единственный случай относится не к последним, а к первым годам деятельности Гегеля в Берлине (1822); этот единственный случай не существовал в действительности; распространенная о нем легенда ложна и возникла из самодовольных заявлений самого Бенеке, как видно из панегириков, написанных в честь него. См. *Pädagogisches Jahrbuch für Lehrer und Schulfreunde von Ad. Diesterweg*. Год VI. Берлин 1856. С портретом Бенеке. Биографическая характеристика, написанная Шмидтом, стр. 1-23; изложена также в *F. E. Beneke, The man and his philosophy*. Введение Ф. Б. Бранда, к изучению его философии. Нью-Йорк 1895. Стр. 15-25.

Философский факультет, в ответ на запрос о Бенеке и его лекциях, единогласно ответил, что Бенеке прилежный небогатый человек, что его научное значение, судя по сделанному им до сих пор, представляется посредственным и не подает надежды на более значительное будущее (21 января 1822). В самом начале отзыва сказано: "члены факультета далеки от того, чтобы требовать монополии для своих взглядов в области философии и считать их единственно правильными". Среди подписей находятся имена Бека (Vöckh), Беккера и Гегеля. Издателю и истолкователю отрывков пифагорейца Филолая, издателю сочинений Платона, Аристотеля и Секста Эмпирика нельзя, конечно, отказывать в праве и способности объективно судить о значении доцента философии. Этих членов факультета нельзя считать врагами Бенеке ввиду указанного суждения их о нем. То же можно сказать и о Гегеле.

Благодаря прусскому министру вероисповеданий доктору Боссе я мог вполне познакомиться с актами, касающимися профессора доктора Эдуарда Бенеке, находящимися в тайной регистратуре министерства вероисповеданий и народного просвещения; мое изложение основывается на этом документальном источнике.

4. ГЕТЕ И ГЕГЕЛЬ

К числу друзей, с удовольствием узнавших об успешной деятельности Гегеля в Берлине, принадлежал и Гете, с благосклонным отношением которого к Гегелю, не раз обнаруженным во время пребывания Гегеля в Иене, мы уже познакомились. Теперь Гете писал ему в Берлин: "с радостью узнаю я из многих источников, что Ваше старание просвещать молодых людей приносит прекрасные плоды" (7 октября 1820)*. В натурфилософской части своей Энциклопедии (1817) Гегель заявил о своем согласии с учением Гете о цветах (§§ 317-320) и этим чрезвычайно обрадовал Гете; лекции по энциклопедии принадлежали к числу его первых периодически повторявшихся курсов в Берлине, Л. Геннинг в первый раз в летнем семестре 1823 читал публичную лекцию "Об учении Гете о цветах с точки зрения натурфилософии". В "Vitae curriculum" Шопенгауэра, составленном им для приема в число доцентов в Берлине, Гегель с особенным интересом читал и переписал для себя те места, в которых Шопенгауэр рассказывает, как сам Гете знакомил его со своим учением о цветах**.

Уже восьмого июля 1817 Гете писал Гегелю в Гейдельберг: "Ваше благосклонное и решительное заявление в пользу древнего, мною лишь вновь изложенного учения о цветах, вызывает мою искреннейшую благодарность, в особенности теперь, когда я желаю вновь публично высказаться об этих вопросах и ищу друзей и сторонников***".

---

* Briefe von und an Hegel, II. стр. 32.

** Собрание сочинений Шопенгауэра, изд. Гризебаха, т. VI. стр. 247-252 (стр. 259 с.). Об учении Гете о цветах и отношении Шопенгауэра к нему ср. т. VIII этого соч., кн. I, гл. III. стр. 42-47. Кн. II, гл. III. стр. 189-193.

*** Briefe von und an Hegel, II. стр. 7 (из восьми писем Гете к Гегелю это третье).

В единственном дошедшем до нас письме Гегеля к Гете 24 февраля 1821 он хвалит высокое одухотворенное чувство природы, с которым Гете схватил сущность явления в ее простейшей форме, как "первичный феномен", в цветах, облаках, камнях, растениях и костях; он сравнивал понятие первичного феномена у Гете с понятием первоначала, или абсолютного, в своем учении и получил за это выражение живейшей благодарности в ответе Гете. Сущность цвета, этого сочетания света с тьмою (материей), по учению Гете, состоит в помутнении ясного и в просветлении темного. Такое помутнение есть желтый цвет, а прояснение есть голубой цвет. Затем он послал философу изящный желтый стакан с куском черной шелковой материи внутри, которая сквозь желтое представлялась голубую, с собственноручною припискою: "первичный феномен рекомендует себя абсолютному, ожидая дружеского приема. Веймар, начало лета 1821"*.

---

* Briefe von und an Hegel, II, стр. 47 (письмо 13 апреля 1821).

Самое привлекательное и прекрасное из его писем к Гегелю написано в мае 1824; оно служит выражением важного момента в жизни поэта и свидетельством его продолжающейся и всегда обнаруживавшейся симпатии. Письмо заканчивается словами: "пусть все, что я еще способен создать, всегда примыкает к тому, что Вы основали и строите. Сохраняйте свое прекрасное и давнишнее расположение ко мне и будьте уверены, что я всегда радуюсь ему, как одному из прекраснейших цветов все более развивающейся весны моей души"*.

Какое признание! На семьдесят пятом году жизни Гете радуется все развивающейся весне своей души! В 1824 г. под влиянием Эккермана Гете решился облечь в стихотворную форму и обработать вторую часть своего Фауста. Это последнее его сочинение было закончено в год смерти Гегеля**.

---

* Там же, II. стр. 145.

** Ср. мое соч. "Goethes Faust" (3. изд. кн. II, стр. 111-113).

5. ГЕЙБЕРГ

Так как в деле распространения философии Гегеля за границу выдвинулись вперед Скандинавия и особенно Дания, то здесь следует упомянуть о заслуженном человеке, имевшем широкое влияние в Дании и впервые познакомившем свое отечество с Гегелем и его учением в философском сочинении о нем: мы говорим об И. Л. Гейберге из Копенгагена (1791-1860), который, будучи лектором датского языка и литературы в кильском университете, приехал в Берлин, слушал Гегеля, также посещал его лично в его доме и вскоре после этого прислал ему написанное на датском языке сочинение "О свободе человека, по поводу новейших споров об этом предмете" (20 февраля 1825). Письмо наполнено выражениями личного уважения и преданности; что Гейберг был достаточно знаком с немецкою философией, видно из замечания его о теме сочинения: он называет спор о свободе и необходимости "возрождением третьей антиномии Канта". Для дальнейшего развития учения Гегеля об идеях он собирался написать по-немецки "Основы системы эстетики, как умозрительной науки". В 1829 он сделался драматургом при театре в Копенгагене и от 1844-1856 был директором королевского театра, между тем как его жена И. Л. Гейберг действовала в нем, как известная артистка*.

---

* Briefe von und an Hegel, II. стр. 176-179.

IV. ИСПЫТАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ И ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ В ГИМНАЗИЯХ

Лекции Гегеля, обыкновенно по десяти часов в неделю, по наукам, которые, как он говорит в одном своем гейдельбергском письме к Нитгаммеру*, он сам впервые принужден был создать, были такою мощною напряженною работою духа, что рядом с ними нельзя было долго заниматься какою-либо другою служебною деятельностью, поглощающею много времени. Такою деятельностью занимался Гегель в 1820-1822, будучи членом королевской научной испытательной комиссии в провинции Бранденбург. В этой должности он обязан был подвергать испытанию кандидатов на места преподавателей, просматривать присылаемые из гимназии работы абитуриентов и оценку их, сделанную учителями, подвергать испытанию экстернов, желавших поступить в университет, и давать отчет обо всем этом министерству. Быть может, желание в первый раз читать курс философии всемирной истории в зимнем семестре 1822-23 г. было одним из поводов для него выйти из состава испытательной комиссии еще до начала этого семестра, чтобы беспрепятственно пользоваться своим временем.

---

* Там же, II (11 дек. 1817), стр. 11 с.

Первого ноября 1822 г. министерство потребовало у Гегеля отзыва об успехах репетиций Геннинга, а также пожелало узнать его мнение о целесообразности и устройстве преподавания философии в гимназиях. На этот второй пункт Гегель седьмого февраля 1823 г. ответил, что он решительно не советует допускать экстернов к записи в число студентов и занятиям в университете, а философскую подготовку абитуриентов в гимназиях считает целесообразною, и характер этой подготовки, на основании собственного опыта, представляет следующим образом: материал философского преподавания в гимназии дан изучением классиков и учением христианской религии, форма его, т. е. формальное преподавание философии в гимназиях может состоять (не из истории философии, а) из эмпирической психологии, во-первых, и начальных оснований логики (понятие суждение, умозаключение, виды умозаключений, определение, деление, доказательства), во-вторых, и занимать два часа в неделю в течение одного года. В преподавание логики можно ввести также учение Канта о категориях и указать ученику, что существуют чистые мысли и система или царство их. Гегель замечает, что, будучи двенадцатилетним учеником в Штутгарте, он усвоил учение Вольфа о ясности и отчетливости понятий, а два года спустя также учение об умозаключениях; из области метафизики полезно ввести только доказательство бытия Бога из естественной теологии Вольфа.

"Преподавание в гимназии само собою не может обойти связи учения о Боге с мыслью о конечности и случайности земных вещей, с целесообразностью их и т. д.; непредубежденному человеческому уму эта связь всегда будет ясна, что бы ни возражала критическая философия против нее. Так называемые доказательства бытия Бога содержат в себе лишь формальное изложение содержания тех мыслей, которые сами собою входят в гимназическое преподавание. Правда, эти доказательства нуждаются в дальнейшем исправлении с помощью умозрительной философии, чтобы соответствовать тому, что говорит непредубежденный разум"*. На основании этого же соображения Гегель прочитал курс лекций о доказательствах бытия Бога летом 1829.

---

* Собр. соч. Гегеля т. XVII. стр. 357-367 (стр. 365).

Глава двенадцатая **КАНИКУЛЯРНЫЕ ПОЕЗДКИ ГЕГЕЛЯ В БРЮССЕЛЬ, ВЕНУ И ПАРИЖ**

I. ПРОГУЛКИ В РЮГЕН И ДРЕЗДЕН

После учебных занятий с наступлением летних каникул Гегель чувствовал потребность в отдыхе и старался освежиться посредством благодетельно влиявших на него маленьких и больших поездок; для последних министерство народного просвещения охотно и щедро давало ему средства. Первые поездки он совершил в Рюген (1819) и Дрезден (1820), где ему так понравилось, что он строил планы съездов в Дрездене с гейдельбергскими друзьями и писал об этом Крейцеру*. В 1822, 1824 и 1827 он совершил три большие поездки в Нидерланды, Австрию и Францию и посетил Брюссель, Вену и Париж.

---

* Briefe von und an Hegel II (Берлин летом 1821), стр. 54.

II. ПОЕЗДКА В НИДЕРЛАНДЫ

1. Г. ВАН ГЕРТ

В Нидерландах жил один из его первых и самых благодарных учеников, слушавший его в начале его деятельности в Иене, Петр Гавриил ван Герт, католического вероисповедания (1782-1852). Привлеченный в Иену страстным желанием изучить философию, он слушал сперва, так как не понимал по-немецки, философские лекции Ульриха по-латыни, но не удовлетворенный ими перешел к Гегелю, который обратил на него внимание, ввел его в свое учение не только своими лекциями, но и частными беседами и приобрел в нем навсегда одного из самых ревностных, верных и благодарных учеников. При Людовике Наполеоне он поступил на государственную службу в Голландии (1809) и получил место в министерстве вероисповеданий, где должен был содействовать организации народного просвещения. Вскоре после этого Голландия сделалась французским департаментом, и он был послан, в интересах своей службы, в Париж, где познакомился с Гизо, Вилльменом и Кузеню. После падения Наполеона и основания единого нидерландского государства под управлением оранского дома ван Герт, для содействия оранской политике и ее целям, стремился сблизить протестантские и католические элементы Нидерландов путем народного образования. С этою целью в Брюсселе была основана философская коллегия, в которой должны были обучаться общим наукам, языкам, истории и литературе будущие священники до поступления их в епископские семинарии. Несмотря на все уступки, оппозиционная церковно-католическая партия не терпела такого учреждения, устроенного в духе терпимости, и не переставала нападать на него, пока оно не потеряло характера государственного учебного заведения и в конце концов не было совсем закрыто.

При короле Вильгельме II ван Герт вышел в отставку и умер семидесяти лет; незадолго до своей смерти он еще открыл курс лекций о Гегеле и его учении*.

---

* Там же, II. стр. 236 с.

Едва до него дошли неопределенные запоздалые слухи о том, что Гегель попал в печальное экономическое положение (вследствие битвы под Иеною) и сделался журналистом и помощником директора в Бамберге, он тотчас же отправил к нему письмо на немецком языке, полное ошибок, но и выражений нежной любви и глубокой благодарности к уважаемому учителю, и вызвался выхлопотать ему кафедру философии в Голландии с жалованием в шесть тысяч гульденов и рекомендовать издание его сочинений дающей хорошее вознаграждение конторе промышленности и искусств, основанной Брокгаузом в Амстердаме.

Письмо четвертого августа 1809 начиналось уверением, что он полон священнейших чувств уважения и дружбы, и что все касающееся Гегеля более интересует его, чем весь мир. С большим интересом осведомляется он, не явилась ли вторая часть "божественной феноменологии" и натурфилософии? Когда Гегель ответил на это трогательное письмо 15 октября 1810, он был уже более двух лет директором гимназии в Нюрнберге, и положение его сделалось гораздо более утешительным, чем представлял себе амстердамский друг. Однако он склонен был последовать приглашению в Голландию при условиях, описанных ван Гертом. Письменные сношения между ними продолжались. Нидерландский друг поразил немецкого философа роскошным экземпляром сочинений Якова Беме (собственно, первого немецкого философа), а Гегель послал ван Герту из Нюрнберга свою Логику и из Гейдельберга свою Энциклопедию*.

---

* Там же, I. стр. 238-240, стр. 278-280, стр. 315 с.

2. ПОЕЗДКА В БРЮССЕЛЬ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Целью нидерландской поездки Гегеля (от 15 сентября до 19 октября 1822)* был Брюссель, где в то время жил ван Герт, у которого Гегель прожил несколько дней. Ван Герт сопровождал его на поле битвы под Ватерлоо и был свидетелем глубокого волнения, с которым Гегель смотрел на поросший лесом холм, откуда Наполеон, "царь битв", увидел свою гибель и при наступлении прусского армейского корпуса под начальством Бюлова воскликнул: "Франция погибла!"

---

* Там же, II. стр. 87-173.

В жизни такого человека, как Гегель, не все равно, какого рода Одиссею он переживает, какие он встречает города, людей и нравы. С живым интересом следим мы за его письмами к жене во время поездки. Если бы это зависело от него, он охотнее вовсе не отправился бы в путь, а остался бы дома и отдал бы свое свободное время семье и занятиям. Но он уже получил от министерства деньги на поездку для здоровья и отдыха и должен был отправиться в путешествие, как бы волею-неволею. Из Магдебурга он едва не вернулся в Берлин. Вместе с богатым наплывом сильных впечатлений охота к путешествию у него возросла и настроение духа улучшилось, хотя заботы о своих, стремление иметь известия о них и тоска по родине с расстоянием увеличивались, и он постоянно готов был вернуться назад.

Первым замечательным событием было посещение изгнанного жившего под прусским арестом в Магдебурге Л. Н. М. Карно, бывшего члена комитета общественного спасения, военного министра при директории и консульстве, получившего титул графа и пэра Франции во время стодневного царствования Наполеона, деда Сади-Карно, который был четвертым президентом третьей французской республики и убит итальянским анархистом. Внимание, оказанное знаменитому Карно посещением Гегеля, видимо обрадовало Карно. Начало и конец этой поездки Гегеля в Нидерланды ознаменованы двумя великими воспоминаниями из эпохи революции и империи: Карно и Ватерлоо.

Из Берлина в Брюссель Гегель ехал через Магдебург, Брауншвейг, Геттинген, Кассель, Гиссен, Кобленц, Бонн, Кельн, Ахен и Люттих, а назад через Гент, Антверпен (до этого города его сопровождал ван Герт), Бреда, Дортрехт, Роттердам, Дельфт, Гаагу (Шевенинген), Амстердам, Утрехт, Девентер, Оснабрюк, Бремен и Гамбург. Гегеля интересовали главным образом великие образцы искусства: известные церкви, напестольные образа и собрания картин, соборы в Кельне и Антверпене, собрания картин Вальрафа в Кельне, Беттендорфа в Ахене, Рубенса и ван Дейка в Антверпене, Рембрандта в Амстердаме. "В Кельне я тотчас же", – пишет он, – "пошел в собор; в нем живо рисуется перед глазами совершенно другое состояние, другой человеческий мир, иная во всех отношениях эпоха. Это не какая-либо полезность, наслаждение, удовольствие или удовлетворенная потребность; здесь свободно бродишь среди высоких зал, существующих для себя; им как бы все равно, пользуются ли ими люди для каких-либо целей; пустому театру, пустой церкви чего-то недостает, но здесь как бы дремучий лес, одушевленный, художественный, существующий для себя самого; ползают ли в нем люди или нет, ему все равно, он существует сам по себе, он создан сам для себя, и всякий, кто в нем ходит и молится, теряется перед ним вместе с причетником; все, что происходит в нем, исчезает перед ним". Так же и о соборах в Генте и Антверпене он говорит: "как свободно и легко блуждаешь в них". "Нужно видеть соборы в Генте и Антверпене, если хочешь познакомиться с возвышенными католическими церквями – громадными, обширными, готическими, величественными"*.

---

* Там же, II. стр. 98, стр. 105 с.

В Голландии ему удобно и уютно; здесь у него настроение совсем иное, чем во время его странствований по Альпам в Швейцарии. "Голландия превосходная страна для прогулок пешком; здесь природа и искусство вполне согласуются друг с другом; здесь едешь все среди ландшафтов Поттерса и Берггемса; всякий город имеет чистенький, привлекательный вид, изрезан каналами и полон аллей; ни одного развалившегося дома, ни одной дырявой крыши, нет прогнивших ворот и разбитых окон"*.

Он так охвачен впечатлениями современности, что ни слова не говорит о прошедшем: будучи в Дельфте он не вспоминает о великом представителе оранского дома, убитом

здесь, в Бреда он не думает о Декарте и принце Морице Нассауском, в Амстердаме он посещает обе синагоги и не вспоминает при этом о судьбе Спинозы.

---

* Там же, II. стр. 108.

В этих путевых письмах замечательны и характерны также маленькие жанровые сценки. Здесь есть черточки чисто в духе Гегеля. На пути из Кельна в Ахен среди его спутников был "адвокат из Кельна, который всегда носит при себе Фауста Гете, как свою библию, и при этом наивно влюблен в самого себя". В Ахене ему показали стул, который в течение нескольких столетий служил треном для трупа Карла Великого, а потом, как уверял причетник, на нем было короновано тридцать два императора. "Я сидел на этом стуле, как на всяком другом, и все удовольствие состояло в том, чтобы посидеть на нем"*.

Гегель вернулся в Берлин полный приятных впечатлений от своей нидерландской поездки. Недавно пережитое стояло перед ним так живо, что, выйдя к студенту, который пришел записаться на зимние лекции, он занял его живыми и разнообразными описаниями Голландии. Этот студент был Гото, сделавшийся одним из замечательнейших учеников его и приобретший себе имя в истории философии Гегеля и в литературе по истории искусства**.

---

* Там же, II. стр. 100 с. В одном из своих писем с дороги Гегель замечает: если я и думаю, что мне нечего рассказывать, все-таки в конце концов исписываешь много бумаги; я ободрю этим друга гиссенского студента, который ехал с нами несколько станций". Уезжая из Гиссена, Гегель слышал, как ехавший вместе студент прощался со своим другом, говоря: "Прощай, пиши поскорее". "Что же мне писать тебе?" – ответил друг, – "мне нечего писан". "Все же пиши поскорее, прощай", – воскликнул еще раз уезжавший и бросился, гремя своими сапогами и шпорами, в почтовую повозку (стр. 98). Гегель сравнивает свое положение с положением гиссенского студента, который должен писать, хотя ему нечего писать. Однако у Гегеля было много интересного в пути, и он охотно повиновался голосу, говорившему ему издали: "пиши поскорее".

** *Vorstudien für Leben und Kunst von Dr. H. G. Notho* (Котта 1835), стр. 384.

III. ПОЕЗДКА В ВЕНУ

1. ПРЕБЫВАНИЕ В ВЕНЕ. ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА

Следующую каникулярную поездку Гегель предпринял в противоположном направлении, на восток, в Вену; он потратил на нее несколько недель осенью 1824 года. Из всех его поездок, эта была самая увлекательная, не омраченная ничем. Первою и последнею станцией был Дрезден (7 сентября и 11 октября), кроме того он останавливался в Теплице и Праге. Здесь он познакомился с одним из ближайших родственников своей жены Галлером фон Галлерштейном, который командовал полком Кучера в Праге и принял своего знаменитого племянника из Берлина с родственною сердечностью; в письмах Гегеля он всегда фигурирует, как "der Herr Onkel".

В Вене нашему философу все казалось интересным и привлекательным. Старый тесный город, большие широкие предместья, бастионы и гласис, ближайшие села и деревни, широкие прекрасные разнообразные окрестности, народные сады и народный театр, превосходные собрания произведений искусства (Бельведер, Лихтенштейн, Эстергази), замечательные собрания рисунков от руки и гравюр, принадлежащие эрцгерцогу Карлу, и т. п. Но в особенное восхищение его привела итальянская опера, так, что он не мог найти слов для выражения ее красоты. Певцы, как Рубини, Доницетти, Лаблаш, певицы, как Фодор и Дарданелли; Севильский цирюльник Россини (Фигаро), Отелло и т. п. "Два тенора, Рубини и Доницетти, какие голоса, какая манера, привлекательность, легкость, сила, звучность; надобно слышать это. Их дуэт производит сильнейшее впечатление. Бас Лаблаш не играл главной роли, но и здесь, как удивлялся я его прекрасному мощному и в то же время привлекательному голосу! Да, эти мужские голоса стоит послушать; какая звучность, ясность, сила, полная свобода и т. п.". "Пока у меня есть деньги на итальянскую оперу и поездку назад, я остаюсь в Вене". "В сравнении с металлическою ясностью этих, в особенности мужских голосов, звук голоса

берлинских певцов, исключая Мильдер, как всегда, заключает в себе что то нечистое, грубое, хриплое или слабое, – как пиво в сравнении с прозрачным золотистым, огненным вином, – огненным вином, говорю я, – никакой вялости в пении, это не пересказ заученного урока, в этом пении участвует вся личность артиста; в особенности певцы и госпожа Фодор сами изобретают колоратуры; это художники, композиторы в такой же мере, как и творец оперы". "Сегодня я читал в венском театральном листке, что самые опытные лица согласны в том, что на их памяти в течение пятидесяти лет не было такой итальянской труппы в Вене и, конечно, не будет в продолжение следующих пятидесяти лет". – "Завтра, – что ты скажешь на это? идет Фигаро Моцарта с Лаблашем, Фодор и Доницетти!" – "Теперь я вполне понимаю, почему музыка Россини не пользуется уважением в Германии, особенно в Берлине – у него все построено не для музыки, как таковой, а для пения; музыка, имеющая значение сама по себе, хороша и на скрипке и на рояле, но музыка Россини имеет смысл лишь в пении"*.

"Севильский Цирюльник Россини! во второй раз; я уже настолько испортил свой вкус, что Фигаро Россини доставляет мне бесконечно больше удовольствия, чем "Свадьба Фигаро" Моцарта; да и певцы играли и пели с бесконечно большею любовью; это так неодолимо прекрасно, что не хочется уезжать из Вены". "У итальянцев обыкновенные звуки, в силу естественных свойств голоса, с первого же мгновения пламенны и прекрасны; первый звук – уже свобода и страсть, первый тон вырывается из свободной груди и души". "Божественное вдохновение изливается сразу мелодическим потоком, доставляет блаженство, проникает и переворачивает всю душу!". "Музыка Россини есть музыка для сердца"***.

---

* Briefe von und an Hegel, II (письма 21. и 23 сентября), стр. 154-156 (28 сентября), стр. 159.

** Там же, II (письмо 25 сентября), стр. 159 с. (письмо 29 сентября), стр. 164 с. (письмо 2 и 4 октября), стр. 169, стр. 172 с.

2. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ. ДРЕЗДЕН

Пребывание Гегеля в Вене было таким приятным, полным удовольствий, что он ни разу не испытал тоски по родине. Когда он, возвращаясь домой, приехал 10 октября вечером в Дрезден, он тотчас же пошел к Тику и встретил у него своего ученика Гинрихса, который заехал в Дрезден на пути из Бреславля в Галле. Среди присутствующих был также Фридрих фон Шлегель, но Гегель узнал, что это был он, лишь после его ухода*.

---

* Гегель высказывается об этом в письме к своей жене несколько неясно: "Я встретил там профессора Гинрихса и Фридриха фон Шлегеля, но узнал о нем лишь после его ухода" (II. стр. 176).

На следующий день (11 октября 1824), уезжая из Дрездена, он неожиданно встретил здесь Виктора Кузена, совершавшего свою третью поездку в Германию. По желанию жены маршала Ланна герцогини Монтебелло, он сопровождал сюда ее сына и самым неожиданным образом против своей воли попал из Дрездена в Берлин.

IV. ОТНОШЕНИЯ ГЕГЕЛЯ К КУЗЕНУ И ПОЕЗДКА В ПАРИЖ

1. ПРЕБЫВАНИЕ КУЗЕНА В БЕРЛИНЕ

Мы слышали в последний раз о Кузене, когда он, возвращаясь со своей второй поездки в Германию (1818), должен был заехать в Гейдельберг, где Гегель надеялся встретиться с ним опять еще до своего переселения в Берлин*. Вернувшись в Париж, Кузен вызвал своими лекциями в Сорбонне такое внимание и интерес, что правительство отсрочило открытие нового курса и запретило его приказом в "Moniteur" (29 ноября 1820). Это был один из симптомов политики реставрации при Людовике XVIII. Кузен был в области философии подозрительно особою, как ученик и сторонник Ройе Колляра, и сделался также политически подозрительным вследствие своей близкой дружбы с графом Санта Роза, пьемонтским революционером и беглецом, с которым он жил в тиши Отеля некоторое время. Для Кузена началась эпоха восьмилетнего удаления от общественной деятельности и

досуга, которым он прекрасно воспользовался, занявшись своим дальнейшим образованием и написав ряд философских сочинений. К середине этой эпохи относится его третья поездка в Германию в 1824.

---

* См. выше гл. IX, стр. 125.

Здесь, как мы уже знаем, гонение на демагогов было в полном разгаре. По требованию прусской полиции Кузен был арестован в Дрездене и отправлен в Берлин в тюрьму.

Гегель существенно содействовал освобождению его своим письмом к министру внутренних дел фон Шукману. В этом письме он рассказывал о своем продолжительном знакомстве с Кузеном, о его научном значении и работах, засвидетельствовал безупречность его характера, упомянул о том, что еще недавно встретился с ним в Дрездене и возобновил свою дружбу, и высказал предположение, что его арест вызван каким-либо заблуждением; он просил позволения видеть арестованного друга и говорить с ним*.

---

* Розенкранц, стр. 368 с.

Выпущенный на свободу Кузен, находясь все же под полицейским надзором, оставался более шести месяцев в Берлине (от конца октября 1824 до начала мая 1825), постоянно поддерживая дружеские сношения с Гегелем и усердно стараясь изучить и усвоить его систему. С этой целью Ганс, Мишле и Гото читали ему на французском языке лекции по философии права, логике, философии религии и эстетике Гегеля. Он старался также достать тщательно составленные записки по лекциям Гегеля, чтобы перевести их; особенно он хотел получить в свое пользование на некоторое время записки, составленные Гото по истории философии и по философии истории; позже уже из Парижа он несколько раз настойчиво просил Гегеля помочь ему в этом*. Плодами его многолетнего досуга были отчасти собственные философские исследования, напечатанные под заглавием "Fragments philosophiques", отчасти издания сочинений Декарта, Прокла, по находящимся в Париже рукописям и Платона в сделанном им французском переводе. Четвертую часть своего издания Прокла (комментарии Прокла к Пармениду) он посвятил Гегелю и Шеллингу, как своим друзьям и вожакам современной философии ("amicis et magistris, philosophiae praesentis ducibus" 1821). Третий том его перевода Платона, содержащий в себе Протагора и Горгия, посвящен Гегелю в знак дружбы и благодарности за освобождение от прусского ареста. Гегель с благодарностью принял этот знак уважения и шутя заметил, что платоновский Горгий навсегда останется местом за семью печатями для прусской полиции, несмотря на ее всеведение**.

---

* Briefe von und an Hegel. II (Письма Кузена 1 августа 1826 и 15 марта 1827), стр. 235.

** Там же, II (Берлин 1 июля 1827), стр. 243.

Крейцер имел основания быть недовольным Кузеном, который предлагал ему незначительную сумму денег за уступку собрания материалов для издания сочинений Прокла и затем в предисловии к своему изданию заявил, что он и Гегель напрасно уговаривали Крейцера издать Прокла. "Профессор Кузен", – писал Крейцер Гегелю 30 мая 1820, – "поступил нехорошо в отношении ко мне. Тут не поможет никакая лесть. Вы ведь знаете, он сам говорил, что не знает греческого языка. И вот он уговаривал меня уступить ему мое собрание материалов для издания Прокла и предлагал мне 500 гульденов – без труда; а я должен был отыскать ему немецкого издателя для печатания Прокла. Я решил, что отсутствие ответа есть также ответ, и начал печатать объявление. Вдруг являются его латинские переводы отрывков из Прокла, главным образом находящихся у Фабриция; им он предпосылает в виде предисловия что-то такое из Тидеманна и Теннеманна и при этом уверяет публику, что мое издание Прокла никогда не появится на свет. Однако я в ответ на это должен сказать публике, что мое издание в действительности печатается, и что господин Кузен говорит о том, чего он не может знать, и о чем никто не спрашивает его"*.

---

* Там же, II, стр. 28 с.

Это письмо заслуживает внимания при оценке Кузена. Его честолюбие было больше его учености и философского дарования. Он надеялся путем спиритуалистического эклектизма занять трон современной философии; его походы, как он называл свои полемические сочинения, были направлены против Локка, Кондильяка, Гельвеция, Вольтера, Кабаниса и т. п. Для него было очень важно заявлять, что Шеллинг и Гегель два величайшие философа современной идеалистически мыслящей Германии, что они не единомышленники, но в некоторых главных пунктах согласны друг с другом, и что эти оба вожака немецкой философии его добрые друзья. Он считал себя близким к цели, когда 30 октября 1829 писал Шеллингу: "Благодаря моей настойчивости, рвению и расчетливой предусмотрительности вкус к философии во Франции развивается. Я нахожусь в Париже, не в Германии, а Париж ведь это Лондон, Эдинбург, Бельгия, Италия"*.

---

* Там же, II. Приложение, стр. 384-386. – Переписка между Кузеном и Гегелем состоит из 22 писем; из них Кузен написал 17, а Гегель 5. Гегель всегда отвечал на французском языке скорее ради упражнения, чем благодаря знанию языка.

Ганс, который был знаком с Кузеном не только в Берлине, но и встречался с ним в Париже и имел случай наблюдать его в разные времена и на различных ступенях его жизненного пути, не хвалит его характера*. После смерти Гегеля он был заодно с Шеллингом, и в новом издании своих "Отрывков" (1833) поместил предисловие Шеллинга, унижавшее умершего философа и отрицавшее его значение**. Вполне заслуженно осмеял Кузена Гейне в приложении к своему сочинению "О Германии" (1835). "Господин Кузен, заподозренный в демагогии, действительно провел некоторое время в немецкой тюрьме, подобно Лафайету и Ричарду Левенгерцу. Но в том, что господин Кузен изучил там, в часы досуга, Критику чистого разума, можно сомневаться на трех основаниях. Во-первых, эта книга написана по-немецки. Во-вторых, нужно понимать по-немецки, чтобы читать эту книгу. И в-третьих, господин Кузен вовсе не понимает по-немецки"***. Незадолго до того Гинрихс поместил (август 1834) в *Berliner Jahrbücher* критику на Кузена с целью доказать, что он не понял немецкой философии.

---

* Rückblicke auf Personen und Zustände (1836), стр. 2 с.

** Ср. это соч. т. VI (Шеллинг 2 юбил. изд. VII). Кн. I, гл. XVI. Стр. 215-229.

*** Heine, Ueber Deutschland, 25, часть I (1815). Собр. соч. (1875), приложение стр. 283-294 (стр. 287).

2. ПОЕЗДКА ГЕГЕЛЯ В ПАРИЖ

Мы возвращаемся к тому времени, когда после пребывания Кузена в Берлине его дружеские отношения к Гегелю и берлинским гегельянкам достигли полного расцвета. Перед летними каникулами 1827 Гегелю пришла в голову мысль побывать в Париже, и он сообщил ее в письме к Кузену, как воздушный замок. Так как Кузен энергично и усердно подхватил эту идею и отдавал в полное распоряжение философа себя, свое время и жилище, то воздушный замок принял осязательные формы и привел к поездке, продолжавшейся восемь недель (от 19 августа до 17 октября 1827)*.

Гегель ехал через Кобленц, Трир, Люксембург, Мец, Верден, по долине Марны и по Шампани. Он видел мельницу в Вальми и вспоминал о 20 сентября 1792, об одном из событий, чрезвычайно интересовавших его в юности**.

---

* Из шестнадцати путевых писем Гегеля к жене семь относятся ко времени его пребывания в Париже, этой "столице цивилизованного мира" (от 3 до 30 сентября), II. стр. 249-281.

** Ср. выше гл. I. стр. 12 с.

В Париже он жил в меблированных комнатах недалеко от сада Люксембург, ежедневно виделся с Кузеном и в его обществе посетил все места, где разыгрались замечательнейшие события французской революции, а также окрестности Парижа, Версаль и Монморанси с его воспоминаниями о Руссо. В самом Париже его особенно интересовали картинная галерея в Лувре и театр; он видел знаменитую Марс и, благодаря ее замечательной игре в Тартюфе Мольера, впервые понял, почему эта пьеса имеет

характер комедии. На одной английской сцене он видел Гамлета в исполнении Кембля и сравнивал немецкое драматическое искусство с английским не в пользу последнего. По приглашению Абея Ремюза, Гегель присутствовал на одном из заседаний "Академии надписей", а также на заседании Академии наук; при этом ему удалось видеть многих ученых и известных людей и беседовать с ними.

Несмотря на богатство новых впечатлений, о которых он писал и рассказывал, его жена справедливо заметила к своему удивлению, что в письмах из Парижа он проявлял менее живости, веселости и общительности, чем три года тому назад в письмах из Вены. Он объяснил это тем, что чувствовал себе плохо в Париже вследствие расстройства желудка, заставившего его провести несколько дней в постели и вызванного, по его мнению, водою Сены; кроме того, он объяснял это тем, что огромный город, колоссальные расстояния, вереница новых сильных впечатлений привели его в состояние тягостного ошеломления, от которого он стремился освободиться. В Вене основное его настроение было веселое, а в Париже подавленное.

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Возвращаясь домой, Гегель ехал в сопровождении Кузена через Пикардию в Брюссель, где он еще раз увиделся со своим другом ван Гертом, отсюда через Левен, Люттих и Ахен, где еще раз имел удовольствие сидеть на императорском стуле, и через Кельн, докуда сопровождал его Кузен. Несколько лет спустя Кузен рассказывал, что Гегель, увидев торговцев, которые продавали перед порталом собора освященные медали и образа, с неудовольствием воскликнул: "Вот ваша католическая религия с ее скандалами! Неужели я умру, не увидев падения всего того?" Кузен сделал из этого вывод, что Гегель продолжал коснеть в предрассудках философии XVIII века, тогда как Шеллинг в последние годы своей жизни дошел до новых возвышенных философских взглядов*.

---

* Кузен: "Воспоминание о Германии". *Revue des deux mondes*. 1866. Ср. *Briefe von und an Hegel*, II, стр. 388.

V. ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕБЫВАНИЕ В ВЕЙМАРЕ

Последнею станцией на пути домой был Веймар, куда Гегель прибыл вечером 16 октября. Он тотчас отправился к Гете, который принял его в кругу своих самым гостеприимным и сердечным образом. У него были Ример и Цельтер. Дом был иллюминирован. К Гете прибыл Великий герцог, провел у него несколько часов и разговаривал с Гегелем о Париже. "Гете присутствовал при этом, и я постепенно заметил, что он стал глуховат, и в случае простановки разговора следует не занимать его новыми беседами, а ожидать, когда ему придет что-либо в голову; в общем не было никаких стеснений, я просидел часа два на софе, точно прикованный". На другой день он отправился в коляске Гете с Цельтером в Бельведер, чтобы полюбоваться на новый прекрасный парк, куда его пригласил Великий герцог. "Затем прогулка по старым знакомым, двадцать пять лет тому назад исхоженным дорожкам прекрасного парка, приветствие берегам маленького Ильма и его тихим волнам, слышавшим не одну бессмертную песнь. В два часа обед у Гете, который был почтен великолепным аппетитом". "Я должен был много рассказывать Гете о политических и литературных взглядах во Франции, он очень интересовался всем; он вполне силен, здоров, в общем старик, вернее вечно молодой человек, стал несколько тише; это такой почтенный, добрый, постоянно дружески расположенный человек, что в нем забываешь гения с неисчерпаемою энергией таланта. Мы встретились с ним, как старые друзья, не с целью наблюдения, каков он теперь, а сердечно, не ради славы или чести то или другое увидеть или услышать от него. Сын говорил мне за столом, как обрадовался Гете, что я обещаю заехать к нему на обратном пути из Парижа; вообще он подробно говорил мне о своих отношениях и чувствах к отцу. Можно считать счастливым Гете в его старости, зная о такой любви и попечении о нем, и уважать и любить за это сына". – Гегель сидел между Гете и Ульрикою фон Погвич, остальное общество за столом состояло из Цельтера, врача Фогеля, Эккермана, сына Гете Августа и двух внуков Вальтера и Вольфганга. Гегель оставался в Веймаре от 16 до 19 октября, чтобы поехать в Берлин вместе с Цельтером*.

* Briefe von und an Hegel, II. стр. 275-281.

Он видел в последний раз Веймар, Карла Августа и Гете: это был еще старый Веймар, полвека тому назад называвшийся молодым. Восемь месяцев спустя великий герцог Карл Август умер (14 июня 1828 в Градице около Торгау). Гегель достиг в это время высшей ступени своего влияния и славы, основание которой он положил в Иене двадцать лет тому назад.

Глава тринадцатая РАСЦВЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕГЕЛЯ

I. ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ

1. ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Деятельность Гегеля в Берлине с каждым годом приобретала все большее влияние и вызвала столько благодарности и признательности, что его последователи и друзья пожелали выразить свое почтение публично и торжественно отпраздновали день рождения Гегеля 27 августа 1826. Гегелю в это время исполнилось 56 лет; незадолго до этого он закончил 16 семестр своей академической деятельности в Берлине. В этих числах не было никакого повода к празднику, они не имели никакого периодического значения, но чувства уважения и благодарности также не подчиняются правилам. Для устройства праздника составилась комитет, в который вошло почти двадцать человек: Ферстер, как распорядитель, Ганс, Гото, капитан фон Гильзен, усердный слушатель Гегеля, пейзажист Резель, Цельтер, директор академии пения, и т. д. Центральным моментом праздника были обед, состоявшийся вечером в ресторане Unter den Linden. Среди лиц, поздравлявших Гегеля утром, был министр юстиции Камптц, вызывавший страх и ненависть гонитель демагогов. Во время обеда явилась депутация студентов, поднесшая юбиляру бокал и несколько стихотворений. Среди почетных гостей был профессор Вихман, которому был заказан бюст Гегеля, стоящий теперь в актовом зале университета. Праздник затянулся за полночь, так что с ним можно было связать день рождения Гете. На другой день рано утром получено было еще поэтическое приветствие Генриха Штиглица. Так как жена Гегеля с сыновьями была в это время у родственников в Нюрнберге, то Гегель описал ей этот праздник с большим удовольствием. "Ты не можешь себе представить, какие сердечные, глубоко прочувствованные выражения доверия, любви и уважения получил я от милых друзей, пожилых и молодых; этот день вознаграждает меня за многие труды"*.

---

* Там же, II (письмо 28 августа 1826), стр. 209-212.

2. ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ КРИТИКИ

Мы знаем, как усердно старался всегда Гегель основать критический литературный журнал, который бы служил целям серьезной философии и науки. В самом начале своей академической деятельности он издавал уже в Иене вместе с Шеллингом "Kritische Journal der Philosophie", первые выпуски которого явились в 1802 и 1803, но более не продолжались. Газета, которую он редактировал в Бамберге, не имела ничего общего с его планом. В Нюрнберге он выработал план критического журнала, который следовало основать в Мюнхене, поставив его в связь с недавно основанною там академией наук, как духовною силою, имеющею официальное значение. Когда Гегель прибыл в Гейдельберг, там был основан правительством и пользовался его поддержкою журнал, организованный и руководимый университетом. Теперь в Берлине, как главном городе Пруссии, как месте пребывания прусской академии наук и главного университета всей страны, Гегель задумал основать критический литературный журнал, который по образцу и по аналогии "Journal des Savants" должен был иметь официальный характер, выходить от имени министерства народного просвещения, быть уполномоченным от государства, зависеть от высшего ученого учреждения и находиться под руководством коллегии ученых и избранных лиц. Такой журнал должен был оценивать и распространять выдающиеся научные сочинения всемирной литературы; он должен был составлять

прямую противоположность обыкновенным рецензиям, которые существуют для того, чтобы посредственности могли поддерживать или унижать друг друга, и совершенно справедливо могут быть названы "навозом, до бесконечности повышающим плодovitость этих посредственностей". Германии недостает "импонирующего, научного и литературного центра", руководства, нормирующего общественное суждение относительно ценности научных сочинений: "отсюда эта погоня за необыкновенным, превращающаяся в отрицательное отношение ко всему дельному, заслуженному, признанному; отсюда на каждом шагу поддельная оригинальность, как заметил уже Вольтер, сказавший о Германии, что это "un pays fertile en mauvais originaux". Самым действительным средством против этих зол было бы учреждение, оценивающее научные произведения и вооруженное государственным авторитетом. "Эта потребность в авторитете, на котором можно было бы успокоиться, или даже из которого можно было бы исходить, есть важнейшее условие, вводящее критически-литературную деятельность в общество, благоприятствующее ей и затем дающее ей самой влиятельное положение". Этот план основания в Берлине литературного журнала Гегель предложил прусскому министерству народного просвещения, которое, однако, не взялось за выполнение его*.

---

* Собр. соч. Гегеля, т. XVII, стр. 368-393. Ср. выше, гл. VIII стр. 94 с.

Благодаря сочетанию благоприятных обстоятельств, в котором, однако, ни Пруссия, ни Гегель не играли никакой роли, журнал, которого желал Гегель, все-таки явился на свет. Спустя несколько времени после пребывания Кузена в Берлине, Ганс в сопровождении своего друга Гото предпринял, во время летних каникул 1825, свою первую поездку в Париж и оставался там до конца года. Хорошо зная французский язык, он быстро и с удовольствием вошел в парижскую жизнь. Однажды вечером в салоне художника Жерара он познакомился с крупным немецким предпринимателем и известным издателем Иоганном Фридрихом фон Котта.

Последний, встретившись с ним еще раз, в беседе высказал в приятной форме свое желание устроить какое-либо литературное предприятие. Ганс с радостью взялся за эту мысль, и для более подробной разработки ее они тотчас же условились устроить собрание, которое должно было состояться в доме Котта в Штутгарте, во время обратной поездки обоих берлинских философов. На этом собрании Ганс изложил издателю-меценату план литературно-научного журнала, который, по его мнению, следовало основать в Берлине, опираясь на новый университет и его выдающиеся духовные силы. Котта тотчас признал важность этой мысли и согласился на это предприятие после того, как были устранены некоторые высказанные им сомнения относительно его прусского происхождения, а также множества дельных сотрудников, которых надобно было привлечь. "Здесь", – сообщает Ганс, – "я впервые встретился с удивительным явлением. Я поставил издателю Котта определенные требования относительно гонорара различным ученым, но он не согласился с ними совершенно в ином смысле, чем это бывает обыкновенно: он хотел установить более высокий гонорар". "Мне кажется", – сказал Котта, – "я первый ввел более высокое вознаграждение ученым, и в общем никогда не имел случая раскаиваться в этом. Литература может только возвышаться, если ее действительно уважают, и восприимчивость публики находится в прямом соответствии с поприщем, открываемым для ученых"*.

Приведенные слова характеризуют этого человека, издателя произведений Гете и Шиллера.

---

* Gans, Rückblicke и т. д. Die Stiftung der Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik, стр. 215-256, стр. 226 с.

Вернувшись в Берлин, Ганс приятно поразил своего учителя и друга Гегеля готовым планом критического литературного журнала, который взялся издавать Котта. Сперва он обсудил этот вопрос с Гегелем и Варнгагеном фон Энзе, который принял его с энтузиазмом, и когда Гегель сделал подготовительные шаги для этого, в его квартире 23 июля 1826 было основано "Общество научной критики", делившееся на три секции: философскую, естественно-научную и историко-филологическую. Секретарем первой секции был избран Ганс, второй – Шульц фон Шульценштейн, а третьей – Генрих Лео. Журнал должен был называться *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik* и выходить еженедельно с 1827 года.

Между Гегелем и Шлейермахером существовал личный и философский антагонизм, с годами не ослабевавший, а скорее обострявшийся с обеих сторон вследствие бесполезной полемики. В своем предисловии к философии религии Гинрихса Гегель содействовал этому обострению злыми, несправедливыми и совершенно излишними замечаниями. Он говорил, что если бы религия основывалась лишь на чувстве, которое, как таковое, может быть лишь чувством зависимости, "то собака была бы лучшим христианином, так как она наиболее способна к этому чувству и живет преимущественно им. Также и чувство искупления знакомо собаке, когда ее голод утоляется костью"*.

---

* Собр. соч. т. XVII, стр. 295.

Шлейермахер сумел помешать принятию Гегеля в прусскую академию наук, что нанесло значительный ущерб положению и деятельности Гегеля в Берлине и лично причинило ему чувствительное и несправедливое оскорбление. Когда в заседании описанного нами общества возник неизбежный вопрос, нужно ли желать и искать участия Шлейермахера в журнале, Гегель пришел в чрезвычайно раздраженное состояние и объявил, что это приглашение равносильно его изгнанию из общества. Это было бурное заседание, единственное такого рода. Приглашение не состоялось, хотя, вероятно, Шлейермахер отклонил бы его, но отсутствие столь выдающейся личности привело к тому печальному результату, что журнал оказался исключительно гегелевским, и противники называли его "газетой Гегеля"*.

Раньше, чем журнал вступил в жизнь первого января 1827, нужно было еще закончить некоторые деловые переговоры с Котта и устранить с пути одно неожиданное затруднение. Для этой цели Ганс и Гото поехали сперва в Нюрнберг, чтобы узнать от нюрнбергского поверенного Котта, где находился в то время последний, затем они отправились в Штутгарт, где происходили совещания с Котта, и наконец, по желанию Котта, в Мюнхен, так как речь шла о том, не следует ли осуществить в новом журнале сотрудничество известных ученых двух столиц, прусской и баварской. Когда вопрос решен был отрицательно, дело пошло вперед без всяких препятствий**.

---

* Gans, Rückblicke, стр. 251 с. Описанное бурное заседание состоялось в декабре 1826. К числу приглашенных членов общества принадлежали из берлинского университета: Бек (Воеckh), Бопп, Маргейнеке, Карл Риттер, фон Раумер и др., а также из лиц, живших в Берлине: Иоганн Шульце, Варнгаген и Ваген (стр. 233). До 1828 г. сюда присоединились: Гете, Бессель, Вильгельм фон Гумбольдт, А. фон Шлегель, фон Бер, Буассере, Крейцер, Гезениус, Эвальд, Ф. Рюкерт, Тибо, Велькер и др. (стр. 250).

** Gans, Rückblicke. Стр. 238-248. Ср. Briefe von und an Hegel, II. Ганс к Гегелю: первое письмо (Нюрнберг, 20 сентября 1820). Второе письмо (Штутгарт, 26 сент. 1826). Гегель к Гансу (Берлин, 3 октября 1826). Стр. 212-222.

Так как управление делами было для Ганса слишком обременительно и отнимало чересчур много времени, то должность главного секретаря перешла к Геннингу. После смерти И. Ф. Котта (1832), журнал издавался Дункером и Гумбло в Берлине и прекратил свое существование после почти двадцатилетней деятельности (1846), когда школа младогегельянцев оттеснила его на задний план своим журналом "Hallische Jahrbücher" (январь 1838 до 1 июня 1841).

3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕГЕЛЯ В ЖУРНАЛЕ. ГАМАН

Вторая и последняя статья Гегеля в гейдельбергском журнале была посвящена Ф. Г. Якоби; тему третью его статьи в новом журнале, который часто называли берлинским, хотя он не был озаглавлен так и учредители его не желали этого, служит учение И. Г. Гамана, собрание сочинений которого явилось в 1821-1825 в издании Рота (восьмого последнего тома еще не было). В характеристике Якоби Гегель особенно осветил пункт согласия его со своим учением*. Точно то же сделал он теперь и в отношении к Гаману; при этом он сумел в своем изображении этого замечательного человека

воспользоваться рассказанною им самим историей его молодости (1730-1758), его своеобразными дружескими отношениями, своеобразною набожностью, сочинениями и манерою писать**.

---

* См. выше гл. IX, стр. 108-110.

** *Jahrbücher für wiss. Kritik*, 1829. Собр. соч. т. XVII, стр. 38-110.

Гегель удачно отметил основной пункт согласия и различил между ним и Гаманом и, можно сказать, резко выдвинул его перед глазами читателя. Этот пункт заключается в учении о единстве противоположностей (*coincidentia oppositorum*) в сущности Бога, мира и человека, а также в характере изложения этого учения, провозглашенного Джордано Бруно в его сочинении *De Uno* (о Едином). Высказанное Гаманом понимание этого принципа Гегель сравнивает со сжатым кулаком, а свое – с открытую рукою, пользуясь уподоблением, употребленным Гаманом. Быть может, нигде в другом месте Гегель не высказал своего учения в такой краткой, образной и удачной форме, как в этой статье о Гамане. "Мы видим, что идея совпадения противоположностей, которая составляет содержание философии и уже подвергалась нашему обсуждению в отношении к теологии Гамана и характеру его и была выражена им путем сравнения с языком, прочно установлена для Гамана; но при этом он лишь "сжал кулак", а дальнейшую задачу, единственно ценную в науке, "раскрыть этот кулак", предоставил читателю. Со своей стороны Гаман не дал себе труда, заданного себе, если можно так выразиться, конечно в высшем смысле, самим Богом, развернуть сжатое зерно истины, составляемое им, в действительную систему природы, в систему государства, права и нравственности, в систему всемирной истории, превратить этот кулак в открытую руку с распростертыми пальцами, чтобы захватить и привлечь к себе дух человека, который также не есть лишь необработанный интеллект, неразвитая, сконцентрированная в самой себе сущность, не есть лишь ощущение и практическая деятельность, а составляет развернутую систему интеллектуальной организации, формальным завершением которой служит мышление"*.

---

* Собр. соч., т. XVII, стр. 87 с.

Согласие с учением Бруно о единстве противоположностей, которое равносильно учению о единстве сущности всех вещей или мировом единстве (монизм), шло у Гамана рука об руку с его христианским и лютеранским основным убеждением в истинности учения о троичности божества и об оправдании одною лишь верою. Эти два основные свои убеждения он высказал в противоположность "Иерусалиму" Мендельсона в значительнейшем из своих сочинений "*Golgatha und Scheblimini*". Среди прекрасных душ, вроде госпожи фон Клеттенберг во Франкфурте-на-М., а также и среди тех, которые отличались набожностью в духе церкви и католицизма, вроде княгини Голицыной в Мюнстере, не знавшей библии и катехизиса, он слыл "северным магом". К просвещению века, именно берлинскому, настроенному в духе деизма или атеизма, он чувствовал решительное отвращение и насмешливо называл Фридриха II "*Salomon du Nord*". С содержанием основных убеждений Гамана в монизме, троичности и *sola fides* (оправдании одной лишь верою) Гегель был согласен, но выражение этих учений у Гамана, бессвязность и несистематичность его идей, намеренная темнота его речи, искусственная загадочность его выражений отталкивали Гегеля и были противны ему. Прямо в противоположность Гаману Гегель считал систематически и методически доказанными в своем учении основные религиозные истины христианства. Руководящий мотив его первой статьи в журнале научной критики состоял именно в том, чтобы выяснить это согласие и эту противоположность между ним и Гаманом.

4. АФОРИЗМЫ ГЕГЕЛЯ

Поэтому Гегель обрадовался и был очень благодарен, когда именно в это время пользовавшееся уважением лицо выступило с сочинением, в котором был признан и восхвалялся этот характер его учения. Сочинение было озаглавлено так: *Aphorismen über Nichtwissen und absolutes Wissen im Verhältniss zur christlichen Glaubenserkenntniss. Ein Beitrag zum Verständniss der Philosophie unserer Zeit. Von Carl Friedrich G ... I* (Афоризмы о незнании и абсолютном знании в отношении к познанию

христианской веры. Исследование для понимания философии нашего времени)*. Автором сочинения был Карл Фридрих Гешель, член суда в Наумбурге (1818-1834), впоследствии президент консистории в Магдебурге (1845-1848); он умер в 1861, восьмидесяти лет. Гешель много занимался философией Гегеля и уже пятью годами раньше (1824) в своем сочинении *Ueber Goethes Faust und dessen Fortsetzung* (о Фаусте Гете и продолжении его) сделал первую попытку применить философию Гегеля для объяснения этого произведения, догматически, т. е. не исследуя истории возникновения произведения Гете.

---

* Берлин у Франклина, 1829.

В своих "Афоризмах" Гешель различал три точки зрения: 1. веру и незнание, 2. абсолютное знание в противоречии с верою, 3. веру и знание, знание о вере, абсолютное знание, согласное с полнотою веры. На первой точке зрения стоит Якоби и "прекрасные души" из круга Якоби и Гамана; их вера есть состояние, а не предмет, они обладают полнотою веры, но не светом ее. На второй точке зрения абсолютное знание не освещает веру, а поглощает ее, как знание Бога, которое есть не бытие в Боге, а само бытие Бога; поэтому со стороны человеческого сознания абсолютное знание или знание о Боге оказывается самообожествлением; упрек в этом справедливо делают пантеизму и несправедливо философии Гегеля. На третьей точке зрения вера есть и состояние, и предмет, и полнота, и свет; здесь господствует знание веры, и слова апостола Павла становятся истиною: "Я знаю, в кого я верю". Чрезвычайно важно, чтобы сердце было убеждено, а оно убеждено, когда знает, в кого верит. В вере мы чувствуем себя зависимыми от Бога; зависеть от Бога это значит быть свободным, зависимость от Бога есть свобода в Боге. Вера есть возрождение, без которого никому не открывается царство истины. Вера ведет через истину к свободе: если вы верите, то вы познаете истину и истина сделает вас свободными. Также и в философии без самоотрицания, т. е. без возрождения и веры, царство истины не может открыться, и изливание божественного духа не дойдет до понимающего разума. Также и в философии есть свое сошествие святого духа, наступление которого автор "Афоризмов" с радостью усматривает в философии Гегеля. Поэтому-то Гегель радостно приветствовал "Афоризмы", как "зарю мира" между верою и знанием, как хорошее свидетельство, выданное христианством философии. "Опасность показаться человеком, пристрастно относящимся к своим интересам, не могла удержать референта от выражений радости по поводу содержания этой книги и содействия истине, оказываемого ею, а также от благодарного пожатия руки незнакомому лично автору специально за отношение его к работам рецензента по умозрительной философии"*.

---

* *Jahrb. für wiss. Kritik* 1829. Собр. соч., т. XVII, стр. 110-148. После этой рецензии Гешель, ожидая будущего личного знакомства с философом, написал ему письмо, благодаря его за оценку книги (Наумбург, 14 октября 1829). *Briefe von und an Hegel*. II, стр. 332-335.

5. ПОДОЗРЕНИЯ И ПРЕСЛЕДОВАНИЯ. "СВОЛОЧЬ"

Уже на обратном пути из Парижа Гегель шутя писал из Эльберфельда (12 окт. 1827) своей жене, что он рассматривал прекрасные здания университета в Люттихе, а также в Левене и Генте и высматривал там себе спокойное местечко на случай, если попы в Берлине сделают ему окончательно отвратительным Купферграбен. "Курия в Риме была бы во всяком случае более почтенным противником, чем жалкие выходки жалких берлинских попов". Перед королем были выражены подозрения относительно христианского характера его учения; католические церковные учреждения жаловались министру на некоторые выражения о католической мессе, будто бы встречавшиеся в его лекциях*.

---

* *Briefe*, II, стр. 276 прим.

Доносчиком и обвинителем был капеллан церкви св. Ядвиги в Берлине, записавшийся на лекции Гегеля и постоянно являвшийся среди его слушателей с целью шпионства, пока одно замечание Гегеля с кафедры не вызвало сцены, навсегда изгнавшей его. Гегель в своем оправдательном письме, которое

он, при дружеском участии начальства, довел до министра, решительно и удачно защитился против этих обвинений. "Должность профессора, в особенности философии, была бы самою жалкою, если бы обращать внимание на все глупости и злобные выдумки, распространяемые о лекциях профессора, как это достаточно известно по опыту и мне, и другим. Так, многие из поставленных мне в вину выражений я бы мог легко отклонить, признав их за недоразумения, однако я считаю своим долгом быть более точным и объяснить часть их, как неточности и недоразумения слабого ума, часть их даже, как ложь, и часть их, как не только ложные выводы из ложных посылок, но и злые клеветы. Слушатели католики, неприятно пораженные некоторыми выражениями, сделали бы лучше, если бы не посещали в евангелическом университете философские лекции профессора, который хвалится тем, что он крещен и воспитан, как лютеранин, и всегда остается и останется таковым" (Берлин 3 апреля, 1826)*.

---

* Naum, Hegel und seine Zeit. Примеч. стр. 509-512.

Одновременно с "Афоризмами" Гешеля явилось анонимное сочинение, которое в противоположность первому обвиняло философию Гегеля в самообожествлении и приписывало ему учение об абсолютном знании в духе пантеизма. Оно было озаглавлено так: Ueber die hegelsche Lehre oder absolutes Wissen und modernen Pantheismus (Об учении Гегеля или абсолютном знании и современном пантеизме)*. Анонимный автор этого туманного, злобного и невежественного сочинения принадлежал, конечно, к католическому лагерю. Он упрекал философа одновременно в самообожествлении и в самоуничижении. Он говорил, что сделанное Гегелем изображение порчи церкви унижает небо, а кто унижает небо, тот унижает самого себя. Мысль Гегеля, высказанную в его философии права, что способность человека уродовать и умерщвлять самого себя есть одно из преимуществ его перед животными, автор рассматривает, как теорию самоизуродования и самоумерщвления, несогласимую с христианством и не соответствующую естественному праву христианского государства. Автор этого анонимного сочинения не способен правильно понимать чужую мысль и брать ее такою, как она есть; эту неспособность Гегель рассматривает, как слабость рассудка; еще хуже то, что сюда присоединяется искажение рассудка ипохондрическими аффектами злобы и злословия, в силу которых данные положения не только неправильно понимаются им, но и искажаются и подделываются с целью клеветы. Все, что заключает в себе какую-либо мысль среди груды декламаций и умильных фраз, заимствовано из философии, оклеветанной им. Он относится к Гегелю, как дерзкий паразит; он паразитирует и в то же время бранится согласно ксении: "Еще никому не случалось видеть паразита, благодарного своему хозяину".

"Это сочинение", – говорит Гегель в заключение своей критики, – "выдавалось некоторыми за значительное произведение. Референту не особенно было интересно описывать его свойства; если бы можно было *parva comperere magna*, он утешился бы судьбою великого короля, который указал своему спутнику на толпу полуварваров (а они хуже настоящих варваров), говоря: "вот, с какою сволочью принужден я бороться"***.

---

* Лейпциг, 1829, у Х. Колльмана.

*** Jahrb. für wiss. Kritik. 1829. Собр. соч., т. XVII стр. 149-197.

6. "ПАРШИВАЯ ПОЛЕМИКА"

В своих последних двух письмах к Гегелю 9 мая и 17 августа 1827 Гете с живым интересом говорил о молодом человеке, которому он хотел создать положение в Берлине с помощью влияния Гегеля. В первом письме он просил участия Гегеля, а во втором благодарил его за исполнение просьбы*.

---

* Briefe von und an Hegel, II, стр. 236-238. стр. 248 с.

Молодой человек был Карл-Эрнст Шубарт, написавший двухтомное сочинение "Zur Beurtheilung Goethes mit Beziehung auf Litteratur und Kunst" (К оценке Гете в связи с литературою и искусством),

также сочинение о "Гомере и его веке", и издавший в 1830 "Лекции о Фаусте Гете", которых ничтожество, туманность и философскую несостоятельность по достоинству оценил Фишер. По его словам, Шубарт кое-что слышал об идее теодицеи и играет теперь этою философскою мыслью, как обезьяны в кухне ведм стеклянным шаром*. Этот паразит Гете имел дерзость и глупость в союзе со своим другом Карганико в Берлине публично выступить против Гегеля и отблагодарить его за услугу сочинением, написанным во враждебном тоне: *Ueber Philosophie überhaupt und Hegels Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften insbesondere. Ein Beitrag zur Beurtheilung der letzteren* (О философии вообще и энциклопедии философских наук в частности. К оценке последней)**. Так как философия Гегеля была "самым интересным современным проявлением духа", то Шубарт избрал ее своею мишенью, и ввиду этой ее "современности" надеялся своею полемикою приобрести себе хотя бы мимолетную славу. Для того, чтобы очернить философское сочинение, лучшим средством служит заподозрить его в политической неблагонамеренности или же упрекнуть его в том, что оно отвергает веру в бессмертие души. Этот последний упрек был направлен Шубартом против философии Гегеля: в ней, – говорил он, – нет учения о смерти и бессмертии; в психологическом отделе энциклопедии, где идет речь о возрастах, должно было бы находиться учение о смерти, но он напрасно искал его там. Гегель поясняет абсурдность этого возражения, говоря, что он упустил из виду поговорить о "возрасте смерти". Повинуясь своей жалкой склонности к плохим шуткам, Шубарт задает вопрос: не верит ли Гегель в то, что он не вкусит смерти и живым будет взят на небо или, как вечный жид, будет блуждать по земле? Сказанным вполне определяется характер и тенденция полемики Шубарта. "Полемика, складывающаяся из злобных инсинуаций и безвкусных выходов, имеющих притязание на остроумие, слишком жалка, так что, пожалуй, было бы чересчур много даже назвать ее паршивою. От нее нельзя не отвернуться с отвращением, предоставив ей спокойно пребывать далее в самообольщении и наслаждении самовосхваляемою "надлежащею глубиною и основательностью"***.

* F. Th. Vischer, *Kritische Gdnge*. Тюбинген, 1844, т. II, стр. 69. Шубарт был учителем литературы и истории в гимназии в Гиршберге (1830), а потом профессором в университете в Бреславле (1841).

** Берлин, книгоиздательство Энслина, 1829.

*** *Jahrbücher für wiss. Kritik*. 1829. Собр. соч., т. XVII, стр. 197-228.

7. ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ

Как ни жалка и грязна эта полемика и как ни забыты оба имени, соединившиеся для этой жалкой стряпни, тем не менее мы должны заметить, что важный, впоследствии вызвавший много толков вопрос об отношении философии Гегеля к учению о бессмертии здесь впервые появился в литературе и не был по существу рассмотрен Гегелем. Почти одновременно в Нюрнберге появилось анонимное сочинение по вопросу о бессмертии: *Gedanken über Tod und Unsterblichkeit* (1830), в котором личное, или индивидуальное, бессмертие души отвергалось и осмеивалось со страстностью и ненавистью с точки зрения пантеистического мирозерцания. Текст этого сочинения состоит большею частью из стихов, кратких старинных вольных стихов (*Knittelversen*) и "сатирически-теологических дистихов". Стихи очень плохи, в особенности дистихи относятся к числу самых неудачных, когда-либо появившихся на немецком языке; стихов обоего рода, если бы они и были более удачны, написано слишком много, даже если и не принимать в расчет позднейших произведений. Интересная сторона этого сочинения заключается в его тенденции и личности автора. Не только вера в личное бессмертие, основанное на вере в воскресение плоти, но и связанная с нею христианская религия и теология, ортодоксальная, рационалистическая и мистическая, а также относящаяся сюда умозрительная философия и философская догматика принадлежат, по мнению автора, к области обмана и лжи и, согласно его намерению, должны подвергнуться насмешке и уничтожению.

Автором сочинения был Людвиг Андреас Фейербах из Ландсгута (1804-1872), четвертый из пяти сыновей известного криминалиста Анзельма фон Фейербаха. Он окончил гимназию в Ансбахе и сперва занялся изучением теологии в Гейдельберге. Здесь он учился один год, серьезно увлекаясь Даубом и испытывая отвращение к Паулусу, а потом отправился в Берлин слушать Гегеля и оставался в Берлине два года (от Пасхи 1824 до Пасхи 1826); в это время он прослушал все лекции Гегеля, все отделы его системы за исключением эстетики. Он чувствовал себя проникнутым истинностью

философии Гегеля, и не будучи в состоянии примирить ее с теологией, написал в марте 1825 своему отцу: "я не могу более заниматься теологией" (что произвело на отца неприятное впечатление). Вернувшись на родину, Фейербах вступил в число приват-доцентов философии, написав в духе Гегеля диссертацию "De ratione una, universali, infinita" (о едином всеобщем, бесконечном разуме), которую он послал своему учителю в Берлин из Ансбаха с подробным письмом, чрезвычайно важным для знания и оценки Фейербаха (22 ноября 1828). Мы говорим здесь о Фейербахе по поводу этого письма, обнаруживающего чрезвычайное почтение и благодарность к Гегелю и потому характеризующего это время, когда деятельность Гегеля в Берлине достигла своего кульминационного пункта. Весь Фейербах с его нетерпеливою стремительною манерою и страстным потоком идей стоит перед нашими глазами; только его стиль вовсе не имеет того взрывчатого характера, который сделал его впоследствии таким убедительным и для многих "захватывающим" писателем. В письме к Гегелю предложения очень длинные, запутанны и многоэтажны; за периодом в тридцать одну строку непосредственно следует другой в двадцать девять строк. Если бы Фейербах писал для большой публики такими периодами, как в этом письме, то он вовсе не достиг бы успеха, справедливо выпавшего на его долю.

Сжатое содержание его письма таково: "В течение двух лет он был непосредственным учеником Гегеля и пользовался его поучительным и воспитывающим преподаванием. Оно породило или пробудило в нем идеи, которые творчески продолжают действовать в нем, и он надеется, что и его диссертация, несмотря на все ее недостатки, все же заключает в себе следы того рода философии, которую можно было бы назвать осуществлением и обнаружением в мире идеи, воплощением чистого логоса. Такого рода философия бродит в недрах его духа. В философии, обозначаемой именем Гегеля, речь идет об интересах человечества, а не школы; дух этой новейшей философии стремится прорвать границы школы и стать всеобщим, всемирно-историческим, откровенным мирозерцанием; этот дух заключает в себе зерно нового мирового периода, теперь надобно основать царство идеи, царство мысли, созерцающей себя во всяком бытии и сознающей себя самое, уничтожить всякий дуализм и "низвергнуть с трона то мирозерцание, которое со времени христианской эры главным образом управляло миром"; нужно сделать это для того, "чтобы идея действительно существовала и господствовала, чтобы свет светил во всем и через все, и чтоб старое царство Ормузда и Аримана, дуализм вообще, было побеждено. "Наступит и должно, наконец, наступить это единое господство разума". Поэтому теперь задача заключается не в развитии понятий в форме их всеобщности, в их всеобщей чистоте и замкнутом в себе бытии, а в том, чтобы действительно уничтожить, до основания разрушить прежние всемирно-исторические точки зрения на время и смерть, земной и потусторонний мир, я, индивидуум, личность, Бога и т. п., в которых заключается основание прежней истории, а также источник системы христианских, как ортодоксальных, так и рационалистических представлений" и т. д. "Разум в христианстве вовсе еще не искуплен. Поэтому-то смерть, хотя она есть чисто естественный акт, все еще бессмысленно считается необходимейшим поденщиком в винограднике Господа, преемником и спутником Христа, впервые вполне заканчивающим дело искупления"*.

---

* Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass. Von Karl Grün. 1874, т. I, стр. 214-219. Ср. Briefe von und an Hegel, II, стр. 247. К сожалению, издатель переписки Гегеля не напечатал этого письма; поэтому у нас нет правильного текста его, так как текст издания Грюна не точен: он, по его собственным словам, во многих местах разделил предложения там, где этого не было в тексте.

Это письмо Фейербаха включает уже в себе указания на будущие его проблемы и темы. Он выполнил свою программу. Чтобы обосновать истинный взгляд на смерть и разрушить ложные представления о земном и загробном мире, свойственные христианской религии и теологии, он пишет упомянутую диссертацию "Мысли о смерти и бессмертии" (1830). Чтобы осветить противоположность между философией и христианскою религией и уничтожить кажущуюся или поддельную видимость согласия между ними, он пишет в Hallische Jahrbücher статью Ueber Philosophie und Christenthum (О философии и христианстве, 1839). Чтобы разоблачить и низвести с трона христианского Бога, который, по его мнению, есть не что иное, как бессознательно обоготворенная сущность человека, чтобы решительно покончить с христиански-дуалистическим воззрением на мир и Бога, он пишет свое

главное сочинение *Das Wesen des Christenthums* (О сущности христианства), явившееся через десять лет после смерти Гегеля (1841). Быть может, слова, которыми Фейербах в одном ненапечатанном предисловии хотел обозначить свою философскую точку зрения, бросая взгляд назад на всю свою литературную деятельность, были самым подходящим определением: он назвал ее "антропологическим пантеизмом". Было бы очень интересно знать, что сказал Гегель на изложенное выше письмо, в котором ученик, выражая свое почтение и восторг, со скромною миною объявляет ему революцию. Так как нет ни следа ответа, то с уверенностью можно предположить, что Гегель не ответил на это письмо и причислил его к тем юношеским мечтаниям, которые в то время во множестве посвящались ему.

II. КОНЕЦ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЖИЗНИ

1. ДОЛЖНОСТЬ РЕКТОРА

Гегель был избран ректором университета на 1829-30 учебный год. Состоя в этой должности, он прочитал две публичные речи на латинском языке: первую он произнес согласно обычаю при вступлении в должность 18 октября 1829, а вторую по поручению академического сената 25 июня 1830, в день трехсотлетнего юбилея аугсбургского исповедания.

В своей речи при вступлении в должность он, после традиционных риторических формальностей и любезностей, рекомендовал студентам правильное пользование академическою свободою и предостерегал их от злоупотреблений ею, из которых возникает распущенность; правильное пользование ею состоит в свободе учиться и усваивать ценные блага, которые университет доставляет своими факультетскими науками, учреждениями и лекциями*.

---

* Собр. соч., т. XVII, стр. 314 с. В том году, когда Гегель был ректором, деканами были: Маргейнеке, фон Лансцоль, Вагнер и фон дер Гаген; в сенате оставались Штраус и Беккер, вновь избранными сенаторами были Бек (Voeskh), Вилькен и Ганс.

Темою юбилейной речи была христианская свобода, как сущность протестантизма; ее вновь завоевал Лютер и сделал "великою хартией евангелической церкви", разрушив в сношениях между Богом и человеком преграду, эту "schisma religionis", пропасть между духовенством и светскими людьми, вырытую римскою церковью; он разрушил основы иерархии, о сопротивление которой разбивались все прежние реформаторские попытки. Протестантизм обосновывает и объясняет всеобщую принадлежность к духовенству всех верующих христиан, так как всякий человек, чтобы придти к Богу, должен пожертвовать собою самим и своим себялюбивым сердцем: в этом именно и состоит истинное жертвоприношение духовенства. Подобно тому, как брак и семья, работа и собственность, верность убеждениям и долгу содействуют принесению в жертву себялюбия, точно так же они содействуют и святости жизни, между тем как обет безбрачия и слепого повиновения и отречение от собственности заслуживают порицания, как всякое ханжество*.

Третьего августа 1830, в день рождения короля, Гегель, как ректор университета, должен был заняться торжественною раздачею премий и объявлением тем на премии в актовом, зале. Философский факультет задал на премию исследование *De diis tatalibus* (о божествах рока); на эту тему было представлено пять работ, из которых одна удостоилась премии. Гегель объявил решение факультета и распечатал пакет с именем автора, произнося обычную формулу: *Aperio schedulam, invenitur nomen Carolus Ferdinandus Gutzkow Berolinensis* (открываю письмо, нахожу имя Карл Фердинанд Гуцков из Берлина)**.

---

* Там же, т. XVII, стр. 318-380 (стр. 320, 323 с.).

** Johannes Proelss, *Das junge Deutschland*, Штутгарт, Котта, 1892. стр. 273. К. Ф. Гуцков (1811-1878) поступил на философский факультет в апреле 1829, слушал у Гегеля логику и метафизику, философию всемирной истории и летом 1831, в последний семестр академической деятельности Гегеля, еще философию религии. Убежденный в том, что высшие современные интересы нравственного, политического, религиозного и философского характера, должны быть предметом также и

повседневной литературы, он, будучи еще девятнадцатилетним студентом, основал для обсуждения их журнал в Берлине: "Forum der Journallitteratur", который, по недостатку подписчиков, спустя короткое время прекратил свое существование. Затем он отправился к Вольфгангу Менделю в Штутгарт и вступил на ненадежный, усеянный шипами путь журналиста, будучи одним из самых одаренных и богатых знаниями вожаков нового литературного направления, называемого "молодой Германией". Его предшественником был Генрих Лаубе из Шпроттау в Силезии (1806-1884); образцом ему также служил в своих путевых заметках и песнях первостепенный лирический поэт Генрих Гейне из Дюссельдорфа (1799 (?) -1856), некогда ревностный слушатель Гегеля в Берлине (от Пасхи 1821 до Пасхи 1823), живший после победы июльской революции в Париже, сначала в добровольном, а потом в вынужденном изгнании. Его могила находится на Монмартрском кладбище в Париже, мраморная статуя его, сделанная датским скульптором, поставлена в Корфу, во дворце императрицы Елизаветы Австрийской, а его песни живут в бесчисленных музыкальных композициях.

2. ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В то время, когда происходил этот акт, берлинские газеты были полны сообщениями о потрясавших мир событиях, происходивших в конце июля в Париже. Эти дни были названы "Великою неделей". В августе 1829 король Карл X распустил министерство Мартиньяка и сделал первым министром своего друга, князя Полиньяка, находившегося в тесном союзе с иезуитами. 26 июля появились в *Moniteur* королевские указы, которыми свобода прессы была на время отменена и введена новая система выборов. Эти указы вызвали протест журналов и писателей, во главе которых стоял Тьер. Вслед за этим в уличных стычках королевские войска были побеждены, король и его дом были лишены трона и изгнаны, конституция была преобразована согласно принципу суверенитета народа, и корона была предложена герцогу Людовику Филиппу Орлеанскому, сыну Филиппа *Egalité* (8 августа). Он принял ее и вступил на французский трон, как "король французов", будучи первым и единственным представителем династии орлеанского дома.

Наступило царство либеральной буржуазии. Виктор Кузен сделался статским советником и членом совета министерства народного просвещения; занимая эту должность, он еще раз побывал в Берлине в мае 1831 с целью познакомиться с постановкою преподавания в Пруссии. В следующем году он сделался пэром Франции и в 1840, в течение нескольких месяцев, был министром народного просвещения в то время, как первым министром был Тьер.

Июльская революция и европейские волнения, победоносная бельгийская революция, несчастное польское восстание, а также всевозможные волнения в Германии, последовавшие за событиями в Париже, вовсе не соответствовали идеям и ожиданиям Гегеля. Он был уверен в том, что эра революции и государственных переворотов закончилась падением Наполеона, что наступила пора разумного исследования и прогресса, как он возвестил это в своих вступительных речах в Гейдельберге и Берлине: эра спокойного, сознательного и обдуманного развития, признанная и в его системе заключительным актом мудрости, эволюция справедливости в мире, составляющая и по Канту задачу будущего. Однако оказалось, что 1815 год был заключением не века, а только первого акта революции, пятнадцатилетняя реставрация была лишь антрактом. Взрывы революции вспыхивали вновь на мировой сцене и открывали неожиданные и неприятные картины будущего как философу Гегелю, так и историку Нибуру. Даже английской конституции угрожали революционные опасности, вследствие поставленной на очередь реформы парламента.

3. АНГЛИЙСКИЙ БИЛЛЬ О РЕФОРМЕ

Во время академической деятельности Гегеля, соответствующей жизни целого поколения (1801-1831), три главные темы были предметом его политических размышлений и сочинений: устройство немецкого государства, спор о виртембергской конституции и английский билль о реформе. Первое из этих сочинений относится к началу его деятельности в Иене, второе к началу деятельности в Гейдельберге, а третье было написано в конце его деятельности в Берлине. Он напечатал только два последних сочинения: первое в *Heidelbergische Jahrbücher*, а последнее, бывшее также его последним сочинением вообще, в прусской правительственной газете. Между этими двумя замечательными и

интересными публицистическими произведениями Гегеля протекли три пятилетия реставрации и июльские дни 1830. Переменами в современном положении вещей объясняются и перемены во взглядах и настроении философа. В своей критике совещаний виртембергских чинов он защищает новое право против старого, рациональное против исторического, государственное единство и представительство его на французский образец против древневиртембергского строя и права; наоборот, в своей оценке английского билля он стоит на стороне старого права против нового, на стороне исторического элемента против рационального, на стороне старой английской конституции и ее правовых отношений, главным образом составляющих агрегат положительных определений, возникших из частного права, против современной количественной избирательной системы по французскому образцу, основанной на цензе и числе. Гегель борется с этими "французскими абстракциями" и их следствиями, опасными для сохранения и существования британского государства. В основе он стоит на стороне высоких тори и симпатизирует Веллингтону и Роберту Пилю против реформаторов парламента Грея и Джона Росселя.

Положительные правовые отношения привели к тому, что ничтожные местечки и города с очень малым количеством жителей обладали избирательным правом, тогда как большие торговые города с сотнями тысяч жителей, вроде Бирмингема и Манчестера, не имели его. Билль о реформе имел целью устранить это зло; в следующем году (1832) он сделался законом, и благодаря ему число английских избирателей удвоилось. Впоследствии борьбу за реформы продолжали сперва Дизраэли, а затем Гладстон, и в течение полустолетия уже удвоившееся число английских избирателей более чем удесятерилось.

Тем не менее в 1831 году вопрос о реформе находился еще в положении настолько сомнительном, что лишь благодаря большинству одного голоса билль достигнул второго чтения. Это неопределенное и сомнительное положение билля вызвало рассуждения Гегеля в прусской газете.

Как ни иррациональны были современные формы английского избирательного права, тем не менее результаты их были превосходны, и по свидетельству таких людей, как Веллингтон и Роберт Пиль, устройство палаты общин не могло быть лучшим и более полезным для блага Англии, чем в их время. Веллингтон предостерегал против меркантильного духа, который достигнет преобладания в парламенте вследствие билля, если он получит силу закона. Именно маленькие гнилые местечки (*rotten boroughs*) с их продажными или зависящими от нескольких лиц и семейств избирательными голосами открывают доступ в парламент выдающимся государственным людям и сведущим представителям высших финансовых интересов. Гегель охотно ссылается на речи герцога Веллингтона, "который, правда, не обладает влиянием оратора, потому что не способен к легкой, часами приковывающей внимание хвастливой болтливости, благодаря которой многие члены парламента приобрели славу красноречивых ораторов, между тем как его речи, несмотря на отрывистость фраз, в которой его упрекают, богаты содержанием и точками зрения, проникающими в сущность вопроса". С 1688 года (года революции, низвергнувшей с трона католическую династию Стюартов) до сих пор, благодаря союзу богатства, талантов и разнообразных знаний, представляющему высшие интересы государства, дела страны велись, по словам Веллингтона, самым лучшим и славным путем.

Исходя из оснований, разобранных в статье с большим знанием дела, Гегель сомневается в том, что избирательная реформа принесет практическую пользу в отношении некоторых действительных зол, напр., взимания десятины, прав помещиков, права охоты и т. п. В особенности же он опасается, что влияние реальных интересов будет ослаблено выдвигающимся на первый план влиянием так называемых принципов; он опасается, что "*hommes à principes*" станут выше цениться, чем "*hommes d'état*", и абстрактное мышление приобретет больше влияния, чем следует. "Противоположность между *hommes d'état* и *hommes à principes*, резко выступившая во Франции в самом начале революции и еще не обнаруживавшаяся в Англии, может явиться на сцену вследствие открытия широкого пути в парламент. Новый класс может легко приобрести влияние, так как принципы, как таковые, просты, а потому они легко схватываются даже невежественными людьми и при некоторой подвижности таланта (так как они ввиду их всеобщности имеют претензию охватывать все), а также при некоторой энергии характера и честолюбия служат удобным средством для всеразрушающего красноречия и ослепляют разум такой же неопытной толпы; наоборот, знание, опыт и деловая рутина государственных людей усваиваются не так легко, между тем как они одинаково необходимы для

применения в действительной жизни разумных принципов". Борьба между положительными интересами и требованиями реальной свободы будет особенно опасна потому, что монархическая власть в Англии слишком слаба, чтобы выступить в роли посредницы. "Другую силою может быть народ, и оппозиция, построенная на основах, до сих пор чуждых парламенту, почувствовав неравенство своих сил в сравнении с противоположною парламентскою партией, может попытаться искать силы в народе, и тогда вместо реформы произойдет революция"*.

---

* Allg. preussische Staatszeitung, 1831. No 115-118. Собр. соч., т. XVII, стр. 425-470 (Стр. 446 с., 461, 479).

Этим пророчеством заканчивает Гегель свое последнее произведение, напечатанное целиком только в собрании его сочинений.

4. ЭПИДЕМИЯ ХОЛЕРЫ. ПИСЬМО К Г. БЕРУ. ПИСЬМО К ГАНСУ

Наступило мрачное время, когда летом 1831 азиатская холера впервые перешагнула границы Германии и стала производить опустошения в Берлине. Между тем как болезнь свирепствовала, Гегель счастливо довел до конца летний семестр и вскоре переехал к своим на дачу, в саду Грунова в Крейцберге, куда вовремя укрыл свою семью от заразы. Здесь, в кругу семьи, он спокойно и удобно провел летние каникулы.

В конце августа у его друга Генриха Бера (брата композитора Д. Мейербера и драматического поэта Михаила Бера) умер маленький ребенок-сын. Гегель послал ему со своей дачи письмо с выражением глубокого утешающего участия (1 сентября 1831). Его утешения были в высшей степени просты, естественны и в то же время редки. Он утешал горящего отца не вечностью небесной жизни, а непрочностью земной жизни. Если мы теряем какое-либо ценное благо, то потеря приносит нам горе, однако в том, что мы обладали благом, пережили его, заключается неразрушимое и утешительное приобретение. Неужели мы бы предпочли скорее вовсе не иметь такого блага, чтобы не терять и не лишаться его? "Я бы предложил Вам тот вопрос, который поставил моей жене при подобной, но еще более ранней потере тогда единственного нашего ребенка: что она предпочла бы, счастье иметь такого ребенка и, имев его в лучшую пору жизни, потом потерять его, или же вовсе не быть причастным этому счастью? Ваше сердце отдаст предпочтение первому случаю, который подобен Вашему"*.

---

* Briefe von und an Hegel. II. стр. 365. О Генрихе Бере и его дружбе с Гегелем ср. саркастические слова Генриха Гейне в его *Gestdndnisse*. Собр. соч., т. XIV. стр. 277 с.

С приближением поздней осени и нового семестра эпидемия стала ослабевать, и, по-видимому, исчезать. Гегель и его семья вернулись в свою квартиру на Купферграбене. Гегель объявил на зимний семестр два курса: философию права (которую он также читал в первом семестре) от 12-1 и историю философии от 5-6. По поводу объявлений о читаемых курсах в здании университета произошел по вине Ганса чрезвычайно неприятный для Гегеля случай. Ганс объявил, что будет читать курс истории общего права и историю учреждений римского права. Могло казаться, что между первым его курсом и курсом философии права Гегеля существует конкуренция. Между прочим у них об этом была речь. В своем объявлении Ганс упомянул об этой конкуренции и настойчиво рекомендовал студентам посещение лекций Гегеля. Рекомендация не заключала в себе ничего дурного, она не имела также притязательного характера, но была в высшей степени бестактна и обнаруживала отчасти то неумение держать себя, тот недостаток в *verecundia*, который, по словам Шопенгауэра, составляет основную черту еврейского характера. Ганс был всегда благодарным и почтительным учеником Гегеля, он был одним из его любимцев и его товарищем, будучи на двадцать восемь лет моложе Гегеля. Он сам послал Гегелю свое объявление. В ответ на это Гегель отправил ему письмо, состоявшее всего из одного предложения, в котором, однако, Гегель хотел сказать все, так что не щадил слов, и потому оно, несмотря на свое единство, вышло довольно длинным. Вот это письмо: "В ответ на эксцентричное, как я готов выразиться, средство, пришедшее Вам в голову, дорогой профессор,

сделать объявление, в котором Вы говорите студентам о конкуренции, подвергавшейся нашему обсуждению, и позволяете себе рекомендовать им посещение моих лекций, я мог считать своим долгом сделать со своей стороны также публичное объявление с целью предотвратить возможное среди моих товарищей и студентов предположение, выставляющее меня в глупом свете, будто бы я согласен с Вашим объявлением, будто бы такое Ваше объявление и рекомендация моих лекций вызваны мною самим, как Вы почти даете мне понять в своем заявлении, не употребляя, однако, моих выражений; надежда, что, по крайней мере, люди, знающие меня, не припишут мне такого поступка, и опасение дать Вам повод к новым неловкостям и промахам заставляют меня выразить Вам свой взгляд на Ваше объявление этими строками, а не объявлением. Преданный Вам Гегель". Письмо было помечено так: "Берлин, 12 ноября 1831". Без сомнения, это последние строки, написанные Гегелем*.

---

* Dorow, Denkschriften und Briefe zur Charakteristik der Werke und Litteratur. T. VI. Берлин (Александр Дункер, 1840), стр. 147-177.

5. СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ

Чувствуя себя вполне хорошо, Гегель начал свои лекции в четверг 10 ноября и продолжал их на следующий день; он говорил с необыкновенною силою, с необыкновенным огнем, увлекая жадно следивших за его речью слушателей. "Сегодня я особенно легко чувствую себя", – сказал он своей жене, вернувшись домой.

В воскресенье, 13 числа, перед обедом он внезапно заболел, почувствовав сильные боли в желудке, за которыми последовала рвота. Приглашенные к обеду гости не были приняты. После бессонной и мучительной ночи в понедельник утром, он, казалось, чувствовал себя лучше, однако упадок сил был так велик, что он не мог подняться. Он лежал, как в дремоте. В три часа у него начались судороги в груди, члены начали коченеть, и в 5 1/4 он умер, не вкусив страданий смерти и не борившись с нею. Последние минуты жизни были для него так же легки, как последние слова на кафедре. Его семья стояла на коленях у постели; при его смерти присутствовал единственный друг, позванный его женою, Иоганнес Шульце. Врачи, призванные тотчас же и сначала вовсе не беспокоившиеся, определили его болезнь, как "холеру в ее интенсивнейшей форме". В тот же самый день за 115 лет до Гегеля (14 ноября 1716) умер Лейбниц в Ганновере.

Торжественное погребение состоялось 16 ноября в три часа пополудни. Маргейнеке, как ректор, произнес речь в актовом зале университета, а у могилы говорили Ферстер, как друг, и Маргейнеке, как проповедник. Могила, по желанию Гегеля, находится рядом с могилою Фихте поблизости от Зольгера*.

---

* О смерти Гегеля, его последних днях и часах ср. письмо его жены к его сестре Христиане, которая много лет была воспитательницею в семье графа Берлихингена, в замке в Ягстгаузене, и впоследствии подверглась тяжкому страданию мозга, незадолго до получения известия о смерти брата; жизнь ее сделалась для нее невыносимым бременем, от которого она, наконец, освободилась в волнах реки Нагольд. Розенкранц, стр. 422-426.

В обоих речах выразились вполне понятные чувства горя, любви и преклонения, сильно повышенные впечатлением внезапной потери. Личность покойного была изображена в них с одушевлением, в чрезвычайных выражениях. Маргейнеке сравнивал с самим воплотившимся логосом усопшего мыслителя, все учение которого было направлено на развитие и познание логоса. В другом месте своей речи он показывает черты характера Гегеля в естественном и привлекательном свете. "Мы не можем дать смерти прав над ним; смерть отняла от нас лишь то, что не составляло его самого. Он сам – это его дух, как он проглядывает сквозь всю его сущность, привлекательную, дружелюбную, доброжелательную, как он обнаруживался в его благородном высоком направлении, как он высказывался в чистоте и привлекательности, в спокойном величии и детской простоте всего его характера, с которым легко примирялся даже всякий предубежденный человек, узнавши его поближе; – его дух, как он живет и вечно будет жить в его сочинениях, в его многочисленных почитателях и учениках".* Говорят, будто Ферстер не только сравнил, но даже прямо назвал его Святым Духом. Эту

клевету распространил, по своему обыкновению, Вольфганг Менцель, и опровергнул Д. Ф. Штраус, присутствовавший на погребении**.

---

* Розенкранц, стр. 562-566.

** D. F. Strauss, Streitschriften, Тюбинген, 1837. Третий вып., стр. 212 с.

Ораторы справедливо указывали с торжеством на сохраняющую свое влияние силу гения и произведений Гегеля, на бессмертие его имени. Они справедливо считали себя и всех присутствующих счастливыми и утешали тем, что они имели в своей среде этого человека, испытали на себе его влияние и пользовались им. Истинно гегелевские утешения!

Мы, живущие в конце 19 века, спустя три поколения после Гегеля, можем прибавить то, чего ораторы не сказали и не могли сказать, но что известно потомкам: что Гегель умер не только мирно, но и вовремя (εὐκαιρως), в полном цвете лет, сил и славы; он вполне осуществил выпавшую на него историческую задачу, как писатель и преподаватель философии в своих произведениях и лекциях. Когда он умер, в нем не было ничего пережившего себя.

Глава четырнадцатая СОЧИНЕНИЯ ГЕГЕЛЯ И СОБРАНИЕ ИХ

I. СОЧИНЕНИЯ, ИЗДАННЫЕ САМИМ ГЕГЕЛЕМ

1. ИЕНА

Так как в биографии Гегеля мы уже подробно говорили о возникновении его сочинений, то мы должны здесь лишь в удобной для обзора и хронологической форме перечислить известные нам литературные факты. Все его сочинения относятся к годам его преподавательской деятельности в Иене, Нюрнберге, Гейдельберге и Берлине (1801-1831).

1. *Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie in Beziehung auf Reinholds Beiträge zur leichteren Uebersicht des Zustandes der Philosophie bei dem Anfange des neunzehnten Jahrhunderts* (Различие между системами философии Фихте и Шеллинга, в связи с обзором Рейнгольда состояния философии в начале 19 века), первый выпуск. Иена в академическом книгоиздательстве у Зейдлера 1801. Предисловие помечено так: "Иена, в июле 1801".

2. *Dissertatio philosophica de Orbitis planetarum* (философская диссертация Об орбитах планет). Иена 1801. Гегель получил право на чтение лекций 27 августа 1801.

3. *Kritisches Journal der Philosophie* (Критический Журнал Философии), издававшийся Шеллингом и Гегелем в Тюбингене в книгоиздательстве Котта в 1802-1803. Два томика журнала, каждый из трех номеров (последний помечен 1803 годом), включают в себе восемь критических статей; они не подписаны, авторами их были издатели или выдавали себя за таковых. Из этих статей следующие шесть включены в собрание сочинений Гегеля; я называю их по порядку, в каком они находятся в журнале:

1. *Einleitung. Ueber das Wesen der philosophischen Kritik überhaupt und ihr Verhältniss zum gegenwärtigen Zustand der Philosophie insbesondere. I. St. 1* (Введение. О сущности философской критики вообще и ее отношении к современному состоянию философии в особенности).

2. *Wie der gemeine Menschenverstand die Philosophie nehme, – dargestellt an den Werken des Herrn Krugs. I. St. 1* (Как относится обыкновенный человеческий рассудок к философии, – изображено на примере сочинений господина Круга).

3. *Verhältniss des Skepticismus. zur Philosophie, Darstellung seiner verschiedenen Modificationen und Vergleich des neuesten mit dem alten. I. St. 2* (Отношение скептицизма к философии, изображение различных модификаций его и сравнение новейшего скептицизма с древним).

4. *Ueber das Verhältniss der Naturphilosophie zur Philosophie überhaupt. I. St. 3* (Об отношении философии природы к философии вообще).

5. Glauben und Wissen. Die Reflexionsphilosophie der subjectivität in der Vollständigkeit ihrer Formen als Kantische, Jacobische und Fichtesche Philosophie. II. St. 1 (Вера и знание. Рефлексивная философия субъективности в ее совершенной форме, как философия Канта, Якоби и Фихте).

6. Ueber die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts, seine Stelle in der praktischen Philosophie und sein Verhältniss zu den positiven Rechtswissenschaften. II. St. 2 и 3 (О способах научной разработки естественного права, о месте его в практической философии и об отношении его к наукам о положительном праве)*.

---

* Статьи 1-3 находятся в т. XVI. собр. соч., между тем как статьи 4-6 помещены в другом порядке в I томе!

Что касается четвертой из этих статей, Шеллинг, спрошенный лейпцигским философом Х. Г. Вейсе, кто ее автор, письменно ответил, что она принадлежит ему, между тем как, по словам Мишле, он из уст самого Гегеля слышал, что статья написана им. Итак, в данном случае вопрос об авторе этой статьи оказывается спорным и потому сомнительным. Статья эта помещена в произведениях обоих философов. И. Э. Эрдманн и Гайм, на различных основаниях, высказываются в пользу авторства Шеллинга*. Судя по слогу и способу изложения, нужно согласиться с ними; впрочем, вопрос этот сам по себе не имеет важного значения,

4. Phänomenologie des Geistes. System der Wissenschaft. (Феноменология духа. Система науки). Первая часть. Гамбург и Вюрцбург, у Гебгардта, 1807**. Спустя двадцать четыре года понадобилось второе издание этого сочинения. Подготовлением его Гегель был занят незадолго до своей смерти.

---

* Joh. E. Erdmann, Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neueren Philosophie, III. 2 отд. (Лейпциг, Фогель, 1853), стр. 693 с. – R. Naum, Hegel und seine Zeit (Берлин, Гертнер, 1851), Лекция VII. стр. 495.

** Ср. выше гл. VII, стр. 71-72.

2. НЮРНБЕРГ

Wissenschaft der Logik (Наука логики). Первая часть: объективная логика. Первый отдел: учение о бытии. Второй отдел: учение о сущности. Нюрнберг 1812. Вторая часть: субъективная логика или учение о понятии. Нюрнберг 1816. Предисловие к первой части было помечено следующим образом: "Нюрнберг 22 марта 1812", предисловие ко второй части: "Нюрнберг, 21 июля 1816"*.

---

* Там же, гл. VII, стр. 85.

Гегель был занят новым изданием этого второго своего главного сочинения, когда смерть прервала его работу. Предисловие к новому изданию первой книги логики было, без сомнения, последнею его статьей; на нем поставлена дата: "Берлин 7 ноября 1831". Оно было написано за неделю до смерти.

3. ГЕЙДЕЛЬБЕРГ

1. Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse (Энциклопедия философских наук в сжатом очерке). Для руководства к лекциям*.

Это сочинение пережило четыре издания. Предисловие Гегеля к первому изданию помечено: "Гейдельберг в мае 1817", ко второму (десятью годами позже): "Берлин 25 мая 1817", к третьему: "Берлин 19 сентября 1830". Четвертое издание без перемен сделано Розенкранцем и снабжено предисловием; оно помечено так: "Кенигсберг 29 октября 1844".

2. Ueber Fr. Jacobis Werke, dritter Band (О третьем томе произведений Якоби, изданном в Лейпциге у Флейшера мл. в 1816). В Heidelbergische Jahrbücher der Litteratur 1817**.

3. Отрывки явившихся в печати совещаний собрания виртембергских чинов в 1815 и 1816. I – XXXIII отд. В Heidelbergische Jahrbücher 1817***.

* Там же, гл. IX, стр. 104 с.

** Только эта статья о Якоби принадлежит Гегелю; статья же о I томе сочинений Якоби (Heidelbergische Jahrbücher 1813) ошибочно помещена в собрание сочинений Гегеля (т. XVI).

*** См. выше гл. IX стр. 108-110.

4. БЕРЛИН

1. Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Cruhdrisse (Основные черты философии права или естественного права и государственной науки в сжатом очерке). Берлин 1821. Предисловие помечено: "Берлин, 28 июня 1820"*.

2. Восемь статей в Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik за 1827-1831:

1. Рецензия на сочинение В. Гумбольдта "Об эпизоде из Магабгараты, известном под именем Бгавад-Гита". Берлин 1826. Jahrb. für wiss. Kritik 1827.

2. О "Посмертных сочинениях и переписке Зольгера" в изд. Людвиг Тика и Фридриха фон Раумера. Там же, 1828.

3. О "Сочинениях Гамана, в изд. Рота, в семи частях (Берлин у Реймера 1821-1825)". Там же, 1828.

4. О сочинении Карла Фридриха Г. "Афоризмы о незнании и абсолютном знании в отношении к христианскому знанию о вере". Там же, 1829.

5. Рецензия на сочинение: "Об учении Гегеля или абсолютном знании и современном пантеизме". Там же, 1829.

6. Рецензия на сочинение: "О философии вообще и энциклопедии философских наук Гегеля в частности". Там же, 1829**.

7. О сочинении доктора А. Л. И. Олерта: "Идеал-реализм". Там же, 1831.

8. Рецензия на сочинение: "Об основах, расчленении и порядке эпох всемирной истории. Три лекции, читанные И. Герресом в Мюнхене, в университете Людовика Максимилиана". Там же, 1831.

3. Ueber die englische Reformbill (Об английском билле о реформе). В Allgemeine preussische Staatszeitung 1831. Ввиду некоторых цензурных затруднений в этой газете появилась только первая часть статьи, которая целиком напечатана впервые в XVII томе собрания сочинений.

---

* Там же, гл. IX, стр. 110-119.

** Ср. о 3-6 из названных рецензий выше гл. XIII. Стр. 181-188.

II. ИЗДАНИЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

1. ЗАДАЧА

Вскоре после смерти Гегеля его берлинские друзья и ученики соединились с целью издать полное собрание сочинений своего учителя, в котором они хотели поместить уже напечатанные отдельные произведения и статьи, напечатать посмертные произведения его и расположить целое таким образом, чтобы был принят в расчет как хронологический, так и систематический порядок. В четырех напечатанных главных произведениях, Феноменологии духа, Логике, Энциклопедия и Философии права исторический порядок был также систематическим. Посмертные произведения состояли из записанных лекций; часть их принадлежала самому Гегелю, а часть состояла из избранных, наиболее пригодных для издания записок слушателей. Хронологический порядок этих рукописных лекций был таков: История философии, Эстетика, Философия религии и Философия истории. По Гегелю, первую часть системы науки составляет феноменология духа, вторую логика и метафизика, а третью философия природы и философия духа; последняя в свою очередь делится на три части, или ступени: как наука о субъективном духе, она есть антропология и психология, как наука об объективном духе, она есть философия права и государства и философия всемирной истории, как наука об абсолютном духе, она состоит из эстетики или философии искусства, философии религии и истории философии. Философию природы и антропологию (психологию) Гегель изложил только в Энциклопедии.

Собрание сочинений Гегеля должно было сообразоваться с этим порядком их.

2. ИЗДАТЕЛИ И ИЗДАНИЕ

Для осуществления этого издания соединилось семь ученых, все друзья и ученики Гегеля и, за исключением первого и последнего, также его товарищи: Иоганнес Шульце, Филипп Маргейнеке, Эдуард Ганс, Леопольд фон Геннинг, Генрих Густав Гото, Карл Людвиг Мишле и Фридрих Ферстер, все знакомые нам имена. Общее заглавие издания было такое: "Произведения Георга Вильгельма Фридриха Гегеля; полное собрание, изданное друзьями его: (следует перечисление семи имен в приведенном выше порядке)". Эпиграфом к каждому заглавному листу служат удачно избранные слова Софокла: Τᾶληθὲς ἀεὶ πλεῖστον ἰσχύει λόγος (истина сильнее всего покоряет разум)*. Это собрание было напечатано книгоиздательством Дункера и Гумбло в Берлине.

---

* Эти слова помещены в начале Флорилегия Стобея. Meinecke, Ausgabe des Stobaeus IV, стр. 242, A. Nauck, Tragicorum Graecorum fragmenta, стр. 244.

Издатели распределили между собою работу таким образом, что Шульце издал Феноменологию, Маргейнеке лекции по философии религии, а также сочинение о доказательствах бытия Бога, Ганс философию права и лекции по философии истории, Геннинг Логику, Гото лекции по эстетике, Мишле философские статьи и лекции по истории философии, Геннинг, Мишле и Людвиг Боуманн Энциклопедию, Ферстер и Боуманн статьи по различным вопросам, и Карл Розенкранц философскую пропедевтику (из эпохи нюрнбергской деятельности Гегеля). Собрание состоит из восемнадцати томов и было издано в течение восьми лет (1832-1840). Но так как три части тома, содержащего в себе лекции по эстетике, а также две части философии религии могли быть и называться томами, то по величине собрание равняется двадцати томам, к которым были еще присоединены в качестве "дополнительного тома" в двух частях (XIX 1 и 2) переписка Гегеля и биография его, составленная Розенкранцем, а также документы.

В последнем году указанного периода времени (1840) явились вторым изданием философия права, лекции по философии истории, по философия религии и по истории философии. Второе издание лекций по философии истории было сделано историком Карлом Гегелем.

Из этих двадцати томов девять, а если прибавить сюда философскую пропедевтику, то десять состоят из лекций, так что половина всего собрания составила из посмертных сочинений.

Порядок томов таков: т. I. Философские статьи, т. II. Феноменология духа, тт. III – V. Наука логики, т. VI и VII 1 и 2. Энциклопедия, с дополнениями из лекций и тетрадей, т. VIII. Философия права, т. IX. Лекции по философии истории, т. X. в трех частях Лекции по эстетике, тт. XI и XII. Лекции по истории религии, тт. XIII – XV. Лекции по истории философии, тт. XVI – XVII. Различные сочинения, т. XVIII. Философская пропедевтика.

Нельзя одобрить того, что сочинение Гегеля на право чтения лекций *De orbitis planetarum* помещено в XVI томе, а не в первом томе на первом или втором месте. Почему в первом собрании сочинений Гегеля первое его сочинение отделено от первого тома четырнадцатью томами? На том же основании следует упрекнуть издателей в том, что из статей, помещенных в "Критическом журнале философии" и приписываемых Гегелю, три последние помещены в первом томе, а три первые в шестнадцатом. Также правильнее было бы если бы Энциклопедия в том виде, как она вышла в третьем издании в последний раз из рук Гегеля, составила шестой том собрания, без дополнений второстепенного характера.

III. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗДАНИЯ ЛЕКЦИЙ

1. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Лекции по философии истории Гегель впервые начал читать в Берлине и притом в промежутке между 1822-1831, каждые два года зимою, следовательно, всего он читал их пять раз. Первый раз он потратил три четверти времени на введение и Китай, а в последний раз (в 1830) он принялся за

формальную разработку введения и написал три четверти его (73 страницы из 98); эта часть, как торс, созданный самим Гегелем без изменений включена в издание.

Редактор первого издания (Ганс) воспользовался, как источником второй степени, записками И. Шульце, Гото, Вердера, Геймана, Карла Гегеля и капитана Грисгейма, внимательного и прилежного слушателя, который тщательно составил полезные для издания записки, часто упоминаемые издателями среди вспомогательных источников. Ганс главным образом руководился лекциями последнего семестра (1830-1831).

Так как в первые года был более развит философский характер лекций, а в последние, наоборот, исторический характер или повествовательное изложение, то после смерти Ганса (1839) редактор второго издания Карл Гегель, тесно примыкая к собственноручным записям своего отца, попытался дать обе формы изложения и в особенности восстановить в первоначальной силе и свежести некоторые выражения, относящиеся к первому периоду, что было одобрено И. Шульце, Геннингом и Гото, которые играли роль как бы эфоров при обработке второго издания.

На лекции по философии истории Гегель употреблял такое же число часов в неделю, как и на лекции по эстетике. Эти курсы в устном изложении были одинаково велики, но если их сравнивать в напечатанном виде, то лекции по эстетике оказываются в три раза превосходящими по объему лекции по философии истории: последние (т. IX) изложены на 547 страницах, а первые (т. X. в трех частях) на 1593. Отсюда ясно, что развитие мысли в лекциях по философии истории было более медленное, количество деталей и подразделений менее значительное и повторений было гораздо больше, чем в лекциях по эстетике.

2. ЭСТЕТИКА ИЛИ ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Следует тотчас же заметить, что из всех лекций Гегеля эстетика издана лучше всего. Согласно своему художественному складу мышления и духа, сочетающему в себе дух Гегеля и Зольгера-Тика, Гото относился к своей задаче, как реставратор, точно воспроизводящий старую картину, совершенно погруженный в свою работу, полный стремления не обнаружить при восстановлении себя самого, не сделать своих дополнений и изменений. В собственноручных записях Гегеля он видел эскиз, сделанный рукой самого мастера, а в записках слушателей лишь подражания учеников, в которых черты и пульс жизни исчезли, которые относятся к картине действительных лекций, как маска мертвеца к портрету.

По эстетике Гегель также читал пять раз: первый раз в Гейдельберге летом 1818, следующие разы в Берлине летом 1820, 1823, 1826 и последний раз зимою 1828/9. Самый ранний рукописный набросок, относящийся к 1818, без сомнения, составленный уже в Нюрнберге, расположенный по параграфам и предназначенный для диктования, как это видно между прочим из объявления об этом курсе в обзоре лекций в гейдельбергском университете*, устарел в глазах Гегеля, когда он вновь обработал эстетику в Берлине для своих лекций летом 1820 и составил записки, остававшиеся постоянною основою для всех последних лекций и послужившие главным источником для издания. Введение обработано и со стороны стиля, остальное состоит главным образом из лаконических важнейших слов, коротких не связанных друг с другом предложений, к которым из году в год беспорядочно присоединялись примечания на полях со значками, указывавшими то вверх, то вниз; то направо, то налево и служившими препятствием для быстрого ориентирования, необходимого для преподавателя на кафедре. Существенные изменения, относящиеся к годам 1823, 1826, 1828-29, помещены на отдельных добавочных листках. В 1823-1827 деятельность Гегеля достигла своего кульминационного пункта; это была также самая содержательная эпоха и в отношении дальнейшей разработки его лекций. Ценность и значение предметов его труда повышается в его духе каждый раз, когда он вновь продумывает и обрабатывает их. В особенности это можно сказать об эстетике.

---

* См. выше гл. IX. стр. 107 прим.

Вспомогательными источниками для издания и здесь служат записки учеников: курс 1823 года был записан самим Гото, для курса 1826 года он пользовался тетрадями Грисгейма, референдаря Вольфа

и поэта Штиглица, а для курса 1828/29 тетрадями Бруно Бауера, профессора Дройзена и лиценциата Ватке.

Общество издателей обещало передать в лекциях слова и выражения так, как они наиболее соответствуют духу покойного мыслителя. Лекции Гегеля должны были превратиться не просто в напечатанные книги, а в книги, которые говорят и притом так говорят, как сам Гегель, который иначе говорил, чем писал; цель этого издания состояла в том, чтобы прежние его слушатели вновь могли узнать своего учителя, а новые читатели могли бы не только читать его, но и слышать. Маргейнеке и Мишле в предисловиях к своим изданиям ссылаются на свое обещание, чтобы оправдать приемы, употребленные ими при издании. Гото неуклонно имел в виду эту задачу реставрации и удачейшим образом решил ее. Он заботился не о том, чтобы путем исправления стиля в рукописях Гегеля и записках учеников придать его эстетике книжный характер, вследствие чего возникла бы лишь мертвая книга, также не о том, чтобы путем поправок в расчленении сочинения, примерах, переходах и т. п. исправить некоторые внутренние погрешности (как некоторые хотели), вследствие чего возникла бы не лучшая книга, а мертвая и в то же время ложная книга: изменения, где они оказались необходимыми, должны были приспособиться и подойти к смыслу и духу лекций Гегеля, чтобы книга жила и говорила подобно оригиналу, лишь освободившись от случайностей, связанных с устным изложением. Для этой цели нужно было в некоторых местах удобнее и яснее расположить материал. "Кто и в этом видит ошибку", – говорит издатель, – "в ответ тому я могу сослаться на тринадцатилетнее близкое знакомство с философией Гегеля, на продолжительные дружеские отношения с ее творцом и на несколько не ослабевшее еще воспоминание об оттенках его изложения". "Мое внимание главным образом было направлено на то, чтобы, составляя с трудом из столь разнообразного материала текст, насколько этого требовал такой редакционный труд и допускало счастье, вновь вложить в него душу и внутреннюю жизненность, сквозившую во всем, что Гегель говорил и писал". "Кто с любовью и пониманием следил в продолжении значительного времени за своеобразным характером лекций Гегеля, тот признает главным достоинством их, кроме мощи и полноты мысли, невидимо просвечивающую во всем теплоту, а также постоянное присутствие творчества, благодаря которому возникали тончайшие различия, многосторонние сочетания мыслей, грандиознейшие воззрения, богатейшие подробности и широкие точки зрения, как бы в акте самособеседования духа, углубившегося в себя и в свою истинную сущность, и воплощались в простая слова, при своей обыкновенности всегда все же новые, при своей неожиданности всегда в то же время заслуживающие внимания и истари существующие. Но всего удивительнее были те потрясающе зажигательные вспышки гения, в которых обыкновенно неожиданно сконцентрировалась сама сущность натуры Гегеля и с неописуемой силою выражались самые глубокие и лучшие стороны его духа, пробуждая богатые созерцания и ясные мысли в тех, кто вполне был способен понимать его. Но внешняя сторона его речи не представляла препятствий лишь для тех, кто, благодаря продолжительному слушанию, уже настолько привык к ней, что скорее был бы смущен легкостью, гладкостью и изяществом фразы"*.

---

* Собр. соч. т. X. Предисловие издателя, стр. XII – XIII, стр. XV. Все три части этого тома явились в 1835-1838.

3. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

Уже спустя полгода после смерти Гегеля Маргейнеке подписал предисловие к своему изданию лекций по философии религии: "Берлин шестого мая 1833". В течение года были напечатаны оба тома этого издания (XI и XII); они явились первыми из всего собрания сочинений. Точно так же в течение года были напечатаны и оба тома "второго исправленного издания" (1840).

Гегель начал свои лекции по философии религии впервые в Берлине и читал их четыре раза в течение десятилетия от 1821-1831, в летнем семестре 1821, 1824, 1827 и 1831. Собственноручные записки Гегеля относятся к 1821 году. Капитан Грисгейм переписал составленные им записки (1824) и подарил их Гегелю, который, дополнив их, пользовался ими на кафедре (1827). Таким же образом поступил швейцарец Мейер, записками которого Гегель также пользовался на кафедре (1831), дополнив их. К последнему семестру относятся записки Карла Гегеля.

Первое издание лекций по философии религии основывалось главным образом на курсе Гегеля, читанном в последнем семестре (1831), а второе издание было улучшено и дополнено благодаря тому, что издатель воспользовался первым курсом Гегеля, собственноручными записками Гегеля и тетрадями Геннинга (1821), Мишле и Ферстера (1824), Дройзена (1827), Гейера, Рейхенова и Рутенберга (1831). Так как Маргейнеке вместе с тем занимался изданием сочинений Дауба, то при редактировании этого второго издания XI и XII тома сочинений Гегеля ему оказал существенную помощь лицензиат Бруно Бауер, в то время приват-доцент в Бонне. Маргейнеке хвалит его "проницательность и ученость, его умозрительный талант и тонкий такт". Два года спустя явилась его "Критика синоптиков" с целью пойти еще дальше революции, которую вызвал в области библейской теологии Штраус своею "Жизнью Иисуса Христа", и доказать, что изображение жизни Иисуса Христа в Евангелии есть не миф, а фикция, сознательная ложь и обман.

4. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Ни одного курса Гегель не читал чаще, чем историю философии. По этому предмету он читал лекции в Иене, Гейдельберге и Берлине: в Иене один раз (1805/1806), в Гейдельберге два раза (1816/17 и 1817/18) и в Берлине шесть раз (1819, 1820/21, 1823/24, 1825/26, 1827/28, 1829/30), следовательно, всего девять раз. Этот курс он начал читать и в десятый раз, и прочитал из него две лекции (10 и 11 ноября от 5-6), когда смерть положила его деятельности внезапный конец. Этот курс он читал пять часов в неделю в зимнем семестре и только раз в летнем семестре 1819.

Главным источником для издания лекций по истории философии в XIII – XV томе сочинений служили собственноручные записки Гегеля, составленные в Иене 1805, и написанный в Гейдельберге краткий очерк истории философии, а также относящиеся к обеим рукописям дополнения, примечания на полях, отдельные листки и т. п. Сюда присоединяются еще, как вспомогательные источники, записки Мишле (1823/24), Грисгейма (1825/26) и Кампе (1829/30). Замечательно, что разработка феноменологии духа и иенские записки по истории философии выполнены Гегелем одновременно; обе работы относятся к 1805 и 1806. Здесь развиты основы всей системы.

Хотя Гегель читал по истории философии пять часов в неделю, однако тема его курса, ввиду его способа понимания и разработки ее, требовала гораздо больше времени, чем академический семестр; первая половина семестра уже бывала закончена раньше, чем он успевал прочитать об Аристотеле, и семестр приближался к концу, когда нужно было перейти к новейшим явлениям в философии, к Якоби, Канту, Фихте, Шеллингу и т. п. Исторические вопросы были распределены до такой степени неравномерно, что, судя по объему напечатанных лекций, лишь одиннадцатая часть всего курса была посвящена истории новой философии*. Этот недостаток лекций Гегеля побудил издателя читать лекции по истории философии со времени Канта, а также написать книгу по этому предмету.

---

* Для сравнения приводим следующие цифры: лекции по эстетике, изданные Гото (т. X в трех частях), занимают 1593 страницы, лекции по философии религии (т. т. XI и XII) содержат в себе 1009 страниц, а лекции по истории философии (т. т. XIII – XV) 1516 страниц, из которых 138 посвящены новой философии.

В материале к своему изданию лекций Гегеля Мишле различает три элемента: 1. "тщательно обдуманнные периоды", т. е. отделы истории, философии, разработанные вполне также и со стороны стиля; сюда относятся некоторые части введения; 2. устные импровизации с кафедры; 3. записки, заключающие в себе лишь наброски, требовавшие устного развития. При выполнении обещания, данного издателями обществу, Мишле в особенности обратил внимание на второй элемент или, как он курьезно выражается, на "первый из двух последних", что читатель легко может заметить*.

Предисловие к первому изданию помечено 28 апреля 1833, а ко второму 8 сентября 1840 (все три тома явились в 1840, 1842 и 1844). Что касается этого второго издания, я не понимаю хорошенько, что имел в виду издатель, говоря: "я сплошь переработал источники, которыми пользовался для первого издания" (?) "При этом я полнее, чем в первом издании, провел слияние фразы (sic)" и т. д.**.

---

* Собр. соч., т. XIII, предисловие, стр. VIII с.

** Там же, предисловие ко второму изданию, стр. XVII.

VI. ГЕГЕЛЬ НА КАФЕДРЕ

1. ВНЕШНИЙ ВИД ГЕГЕЛЯ

Гегель являлся на кафедру, вооруженный всеми своими вспомогательными средствами, своими большими тетрадями, которые были испещрены дополнениями, примечаниями на полях и т. п. Подобно тому, как из изданий его лекций самое лучшее принадлежит Гото, который напечатал его лекции по эстетике, точно так же и наиболее живое описание его личности и манеры преподавания сделано Гото и помещено в конце его "Vorstudien für Leben und Kunst". В мирозерцании Гегеля он нашел то, чего всегда искал, подчиняясь внутреннему чувству: примирение жизни и искусства, действительности и поэзии. "Еще в начале моей студенческой жизни", – так описывает Гото первое впечатление, произведенное Гегелем на него, – "однажды утром я в первый раз робко, но в то же время доверчиво вошел в комнату Гегеля, чтобы представиться ему. Он сидел перед широким письменным столом и в эту минуту рылся в беспорядочно валявшихся друг на друге, разбросанных книгах и бумагах. Рано состарившаяся фигура его была сторблена, однако сохраняла первоначальную стойкость и силу; удобный серо-желтый халат небрежно спадал с его плеч до земли по его худощавому телу; в нем не было никаких внешних следов ни импонирующего величия, ни притягательного добродушия; первою чертою, обращавшею на себя внимание по всем приемам его, была старинная буржуазная почтенная прямота. Я никогда не забуду первого впечатления, произведенного на меня его лицом. Все черты его, точно угасшие, имели вялый и поблекший вид; в них не видно было никакой разрушительной страсти, но зато отражалась вся прошлая молчаливая работа мышления, продолжавшаяся денно и нощно. Муки сомнения, брожение неукротимых бурь мысли, казалось, не бичевали и не выталкивали из колеи этот сорокалетний труд мышления, искания и открытий; только неустанное настойчивое стремление все богаче и полнее, все строже и неотразимее раскрыть зерно давно счастливо найденной истины избородило лоб, щеки и рот". "Какой достойный вид имела вся голова, как благородно был сложен нос, высокий, хотя и несколько покатый лоб, спокойный подбородок. Благородство верности и глубокой правомерности как в большом, так и в малом, а также ясного сознания, что лучшие силы потрачены лишь на искание удовлетворения в истине, были своеобразно и отчетливо выражены во всех его чертах"*.

---

* Notho, Vorstudien für Leben und Kunst, стр. 383-389.

2. ГЕГЕЛЬ НА КАФЕДРЕ

"Когда, спустя несколько дней, я вновь увидел его на кафедре, я не мог сначала разобраться ни в ходе его мыслей, ни во внешней стороне его лекции. Вяло и угрюмо сидел он с опущенной головой, сосредоточившись в себе, перелистывал свои большие тетради и, продолжая говорить, все время рылся в записках, смотря в них то вверх, то вниз, то вперед, то назад. Постоянное покашливание нарушало течение речи, всякая фраза являлась отдельно, высказывалась с напряжением, отрывочно и беспорядочно. Всякое слово, всякий слог появлялся как бы против воли и, произнесенный глухим голосом на швабском диалекте, получал удивительно серьезный отпечаток, как будто бы каждое слово было самым важным. Тем не менее вся эта картина вызывала такое глубокое уважение, такое сознание достоинства, и до такой степени привлекала наивностью всепобеждающей серьезности, что я, несмотря на все неудобства, чувствовал себя неотразимо прикованным, хотя довольно мало мог понять из сказанного. Однако как только я, благодаря усердию и настойчивости, в короткое время привык к этой внешней стороне лекций Гегеля, внутренние преимущества их стали все яснее обнаруживаться для меня и слились с описанными недостатками в единое целое, носившее в самом себе масштаб своего совершенства". "Ему предстояла задача извлечь самые серьезные мысли из глубочайшей основы вещей, и хотя эти мысли были продуманы и разработаны им много лет тому назад и много раз, тем не менее для того, чтобы жизненно воздействовать, они всегда должны были вновь рождаться в нем в живой современности. Нельзя себе представить более наглядного

пластического выражения этих затруднений и тяжкого труда, чем в форме его лекций. Как древние пророки, чем настойчивее они боролись с языком, тем выразительнее высказывали то, что боролось в них самих, отчасти побеждая, отчасти побежденные, точно так же боролся и побеждал и он с неуклюжею серьезностью. Весь углубившись лишь в свою мысль, он, казалось, развивал ее для слушателей только из нее самой, ради нее самой, как бы не из своего духа, и тем не менее она возникала из него одного, и почти отеческая забота о ясности смягчала упорную серьезность, которая могла бы отпугивать от восприятия таких трудных мыслей. В самом начале он уже запинаясь, потом опять повторял фразу, останавливался, говорил и думал; казалось, ему никогда не удастся найти подходящего слова, но вот вдруг он с уверенностью произносил его; оно оказывалось простым и тем не менее было неподражаемо подходящим, неупотребительным и в то же время единственно правильным. Всегда казалось, что самое важное должно быть высказано еще впоследствии, и тем не менее оно уже незаметно и в совершенно полной форме бывало высказано. Наконец, ясное значение мысли бывало схвачено, и являлась надежда на желанное движение вперед. Напрасно. Мысль вместо того, чтобы двигаться вперед, вращалась на одном и том же месте, выражаясь все в сходных словах. Однако, если утомленное внимание рассеивалось и слушатель, спустя несколько минут, испуганный внезапно возвращался к лекции, он находил в наказание себе, что утратил связь мыслей. Медленно и обдуманно подвигаясь вперед сквозь мнимо незначительные посредствующие звенья, Гегель ограничивал до односторонности какую-либо полную мысль, различал в ней несколько сторон и приходил к противоречиям, победоносное разрешение которых должно было мощно воссоединить наименее согласимое". "Этот мощный дух витал и действовал с величественным самоуверенным спокойствием и удобством в глубинах вопросов, по-видимому, неразрешимых. В эти минуты голос его повышался, взор сверкал над аудиторией и светился в разгоравшемся пламени убеждения, захватывая глубочайшие тайники души, и никогда в таких случаях он не испытывал недостатка в выражениях". "Только в области самых простых вопросов он бывал неуклюж и утомителен. При этом он вертелся и ежился, на всех чертах его лица было написано недовольство, с которым он занимался такими вещами". "Наоборот, он с одинаковым мастерством вращался как среди самых отвлеченных абстракций, так и среди самой широкой полноты явлений. В недостижимой до сих пор степени он способен был становиться на всякую, хотя бы и самую индивидуальную точку зрения, и изобразить весь ее горизонт". "Таким образом ему превосходно удавалось изображать эпохи, народы, события, индивидуальные характеры; его глубоко проникающий взор открывал ему везде сущность вещи, и энергия его первоначальной способности созерцания даже и в старости не утратила своей юношеской свежести и силы".